
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ИНФОРМАЦИОНН
о Пленуме Центр
Коммунистической пар

19 мая 1972 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О международном положении».

В прениях по докладу выступили: тт. Г. Алиев — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, А. Ф. Ватченко — первый секретарь Днепропетровского обкома КП Украины, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Ш. Есенов — президент Академии наук Казахской ССР, Н. И. Масленников — первый секретарь Горьковского обкома КПСС, А. А. Гречко — министр обороны СССР, А. И. Храмцов — бригадир зуборезчиков Уралмашзавода им. С. Орджоникидзе, гор. Свердловск, Б. Е. Патон — президент Академии наук Украинской ССР.

Пленум единодушно принял постановление по докладу тов. Л. И. Брежнева «О международном положении».

О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 19 мая 1972 года

Заслушав и обсудив доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о международном положении, Пленум ЦК всецело одобряет и поддерживает положения доклада тов. Брежнева Л. И. и практическую деятельность Политбюро ЦК, направленную в соответствии с решениями XXIV съезда КПСС на разрядку международной напряженности, упрочение дела мира и международной безопасности.

Пленум с глубоким удовлетворением констатирует, что ленинская внешняя политика КПСС, Советского государства пользуется единодушной поддержкой всей партии, всего советского народа. Принципиальная, последовательная внешняя политика СССР отвечает коренным интересам Советского Союза, мирового социализма, национально-освободительного движения, активно способствует утверждению принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, отпору агрессивной политике империализма.

Пленум поручает Политбюро ЦК и впредь неуклонно проводить в жизнь Программу мира, выработанную XXIV съездом, и в соответствии с конкретной ситуацией использовать различные формы и методы для ее реализации, органически увязывать решение текущих непосредственных задач настоящего времени с долговременной перспективой и целями борьбы за мир, свободу и безопасность народов, общественный прогресс и социализм.

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 22 (2343)

27 МАЯ 1972

ОЕ СООБЩЕНИЕ
ального Комитета
тии Советского Союза

Пленум ЦК заслушал доклад секретаря ЦК КПСС тов. И. В. Капитонова «Об обмене партийных документов».

В прениях по докладу выступили: тт. А. Ф. Ештокин — первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, Д. Расулов — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, Л. И. Греков — второй секретарь Московского горкома КПСС, А. А. Епишев — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, П. А. Леонов — первый секретарь Сахалинского обкома КПСС.

Пленум принял по этому вопросу соответствующее постановление.

Пленум избрал секретаря ЦК КПСС тов. Б. Н. Пономарева кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ОБ ОБМЕНЕ ПАРТИЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 19 мая 1972 года

В соответствии с решением XXIV съезда партии Пленум Центрального Комитета КПСС постановляет:

1. Провести в 1973—1974 годах обмен партийных документов членов КПСС. До этого осуществить всю необходимую подготовительную работу.

Обмен партийных документов провести как важное организационно-политическое мероприятие, подчинив его задачам дальнейшего укрепления партии, повышения активности и дисциплины коммунистов. Он должен способствовать улучшению деятельности всех партийных организаций, усилению их работы по выполнению задач хозяйственного и культурного строительства, поставленных XXIV съездом КПСС. Обмен партдокументов необходимо в полной мере использовать для дальнейшей активизации внутрипартийной жизни, совершенствования методов партийного руководства, повышения уровня идейно-воспитательной и организаторской работы в массах.

Партийные организации должны добиваться, чтобы все коммунисты строго соблюдали требования Программы и Устава КПСС, на деле выполняли свою авангардную роль на производстве и в общественно-политической жизни, добросовестно относились к партийным поручениям, постоянно овладевали марксистско-ленинской теорией, служили примером соблюдения советских законов, норм коммунистической нравственности и правил социалистического общежития.

2. Установить, что обмену подлежат все партийные билеты и учетные карточки к ним образца 1954 года. Обмен кандидатских карточек не производить, имея в виду, что кандидаты в члены партии будут получать новые партийные документы по принятии их в члены КПСС. С момента начала обмена партийных документов всем принятым в кандидаты выдавать кандидатские карточки нового образца.

3. Обмен партийных билетов членам КПСС производить в строго индивидуальном порядке непосредственно в райкомах, горкомах партии, в политотделах, где коммунисты состоят на постоянном партийном учете. Обмен проводят секретари райкомов, горкомов партии, начальники и заместители начальников политотделов, которые несут персональную ответственность перед ЦК КПСС за правильную выдачу партийных билетов.

Учитывая большой объем предстоящей работы, разрешить привлекать для проверки записей в партийных документах членов бюро, а в наиболее крупных городских и районных парторганизациях с согласия ЦК компартий, крайкомов, обкомов — также членов горкомов и райкомов.

На время обмена предоставить право подписывать партийные документы коммунистов наряду с первыми секретарями и другим секретарям райкомов и горкомов. Новые партийные билеты коммунистам вручают секретари райкомов и горкомов, в наиболее крупных районных и городских парторганизациях вручение партбилетов может производиться также членами бюро райкомов и горкомов.

4. Руководство обменом партийных документов в областях, краях и республиках возложить на обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик, а в парторганизациях Советской Армии и Военно-Морского Флота, пограничных войск и других парторганизациях — на политуправления и соответствующие политотделы.

Считать необходимым обсудить задачи партийных организаций в связи с обменом партдокументов на пленумах ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов партии и на собраниях коммунистов в первичных парторганизациях.

Встреча на Внуковском аэродроме. Фото А. Пахомова.

ПРЕЗИДЕНТ С

Н. ПАСТУХОВ и А. САЗОНОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

Еще незадолго до приезда в Советский Союз Президента Соединенных Штатов Америки Ричарда М. Никсона обозреватели западной прессы широко обсуждали вопрос — конфронтация или переговоры, их влияние на развитие современных международных отношений. Последовательное претворение в жизнь советской Программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС, решения майского Пленума ЦК КПСС склоняют чашу весов международных отношений к духу переговоров, сотрудничества, мирному сосуществованию, предотвращению угрозы войны. Одним из ярких проявлений этой политики являются советско-американские переговоры.

Президент США Ричард М. Никсон вместе с супругой и сопровождающими его государственным секретарем США Уильямом П. Роджерсом, помощником Президента по вопросам национальной безопасности Генри А. Киссинджером, помощником Президента Питером Флэниганом, заместителем государственного секретаря Мартином Дж. Хилленбрандом прибыл 22 мая в Москву с официальным визитом. На Внуковском аэродроме их встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первые заместители Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров и Д. С. Полянский, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев и другие официальные лица.

В тот же день состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом США Ричардом М. Никсоном. Беседа положила начало обсуждению вопросов, имеющих принципиальное значение для дальнейшего развития советско-американских отношений, а также актуальных международных проблем. Беседа, носившая деловой и откровенный характер, показала, что обе стороны придают большое значение переговорам между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов. Было выражено обоюдное убеждение в том, что достижение конструктивных результатов на переговорах будет отвечать интересам народов обеих стран, целям разрядки международной напряженности и укрепления всеобщей безопасности.

22 мая Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР дали в Большом Кремлевском дворце обед в честь Президента США Ричарда М. Никсона и его супруги. Николай Викторович Подгорный и Ричард М. Никсон обменялись на обеде речами, которые в эти дни живо обсуждаются всей мировой печатью.

— Это,— сказал в своей речи Н. В. Подгорный,— первый официальный визит Президента Соединенных Штатов Америки за всю историю отношений между нашими странами. Уже в силу этого Ваш визит и встречи руководителей Советского Союза с Вами являются важным событием. Итоги переговоров во многом предопределят перспективы двусторонних взаимоотношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Их результаты будут, вероятно, оказывать влияние на то, как будет дальше развиваться международная обстановка — в направлении прочного мира и укрепления всеобщей безопасности или нарастания напряженности.

В ответной речи Президент США Ричард М. Никсон, в свою очередь, отметил:

— В момент, когда мы начинаем снимать бремя вооруженной конфронтации с плеч двух наших народов, давайте вспомним, что мы должны оправдать надежды всех народов мира на мир.

Да, именно такие надежды возлагает мировая общественность на московскую встречу. И во многом атмосфера вокруг этой встречи будет создаваться тем огромным отрядом иностранных, в подавляющем большинстве американских, журналистов, которые работают в эти дни в пресс-центре на улице Горького. Среди них, конечно, есть разные люди. «Кремленологи» все еще цепляются за старое, они никак не могут вырваться из атмосферы «холодной войны» и используют все средства — необъективные и надуманные — для того, чтобы попытаться воспрепятствовать ослаблению международной напряженности. К счастью, как это мы могли заметить, их не так уж много.

Мы попросили корреспондента вашингтонской газеты «Ньюсдей» Мартина Шрама, который первый раз находится в Советском Союзе, поделиться своими впечатлениями.

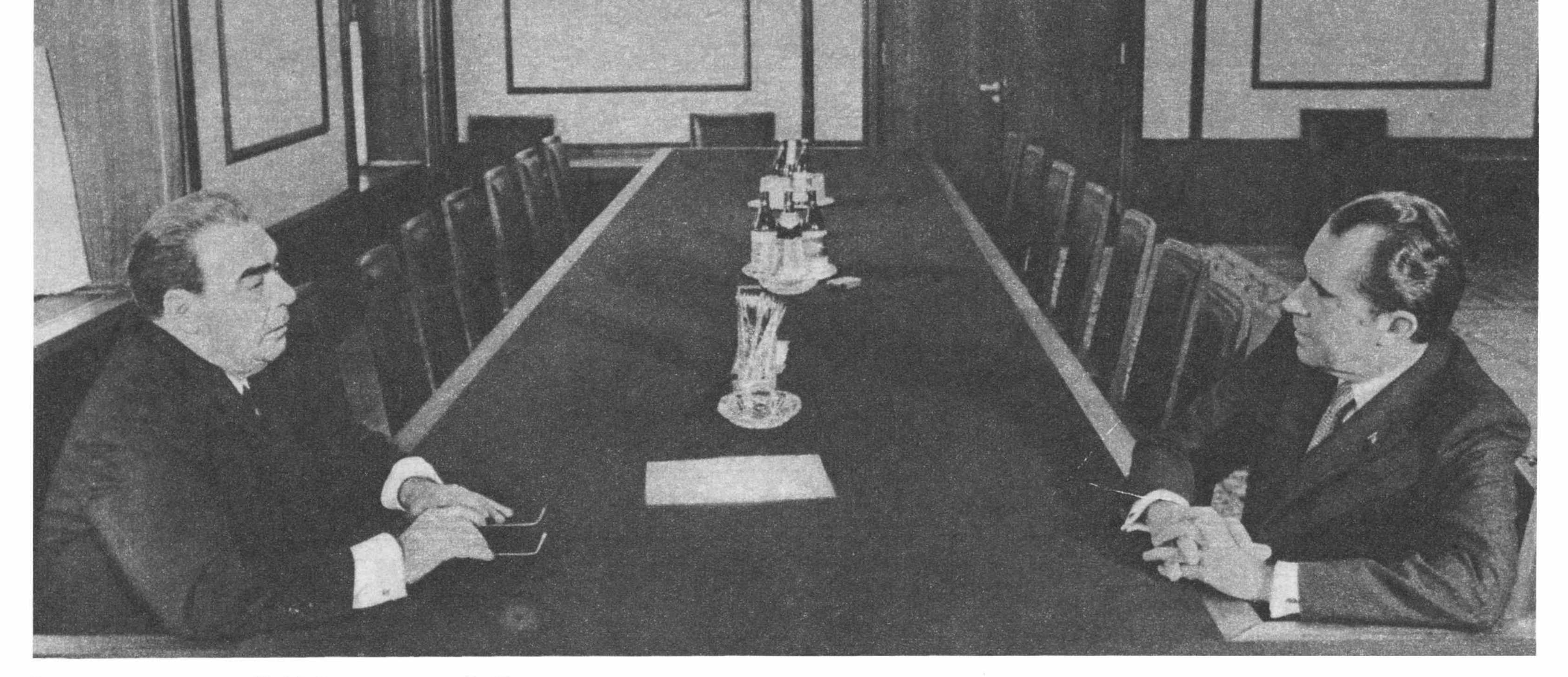
— Во-первых,— сказал он,— скажу несколько слов о Москве. Она и ее граждане произвели на меня самое благоприятное впечатление. Как все это непохоже на то, что было написано в нашей прессе о вашей стране. Во-вторых, я за переговоры, за разрядку, а поэтому возлагаю на московскую встречу большие надежды.

Надо сказать, что тон первых комментариев американской печати носит в основном позитивный характер. «Мир, конечно, будет приветствовать любое уменьшение напряженности в отношениях между США и Советским Союзом»,— пишет газета «Нью-Йорк таймс». Газета призывает США подойти к переговорам в Москве с позиций реализма. Органы деловых кругов журнал «Бизнес уик» и газета «Джорнэл оф коммерс» высказывают мнение, что советско-американские переговоры могут привести к достижению договоренности о развитии торговли между США и Советским Союзом и в конечном итоге к соглашениям по различным аспектам советско-американских экономических отношений.

В современной мировой обстановке советско-американские переговоры в интересах нормализации двусторонних отношений полностью отвечают интересам мирового социализма и упрочения всеобщего мира. Советский Союз с деловых, реалистических позиций подходит к визиту Президента США в нашу страну. Советские люди считают полезным расширять такие отношения между СССР и США, которые позволили бы, не отходя от принципов нашей политики, наладить взаимовыгодное сотрудничество на благо народов обеих стран и укрепление мира во всем мире.

* * *

23 мая в Кремле открылись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Председателем Совета Министров

Во время встречи Л. И. Брежнева с Р. Никсоном. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

ША В МОСКВЕ

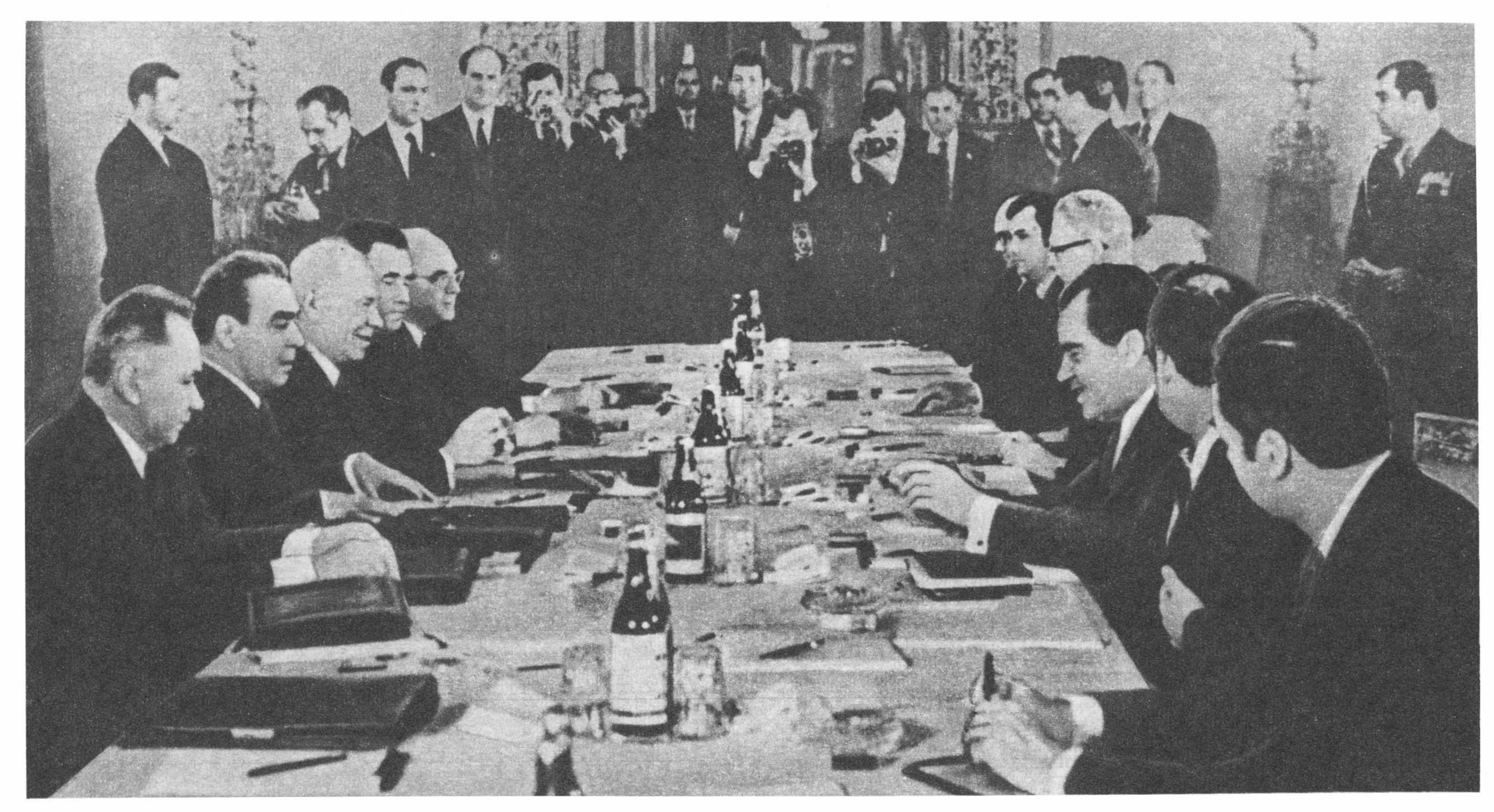
СССР А. Н. Косыгиным и Президентом Соединенных Штатов Америки Ричардом Никсоном. В откровенной деловой обстановке началось обсуждение вопросов, касающихся развития советско-американских отношений.

Была достигнута договоренность подписать соглашение между СССР и США о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, а также соглашение между правительствами СССР и США о сотрудничестве в области медицинской науки и здравоохранения.

В переговорах участвуют: министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, посол СССР в США А. Ф. Добрынин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и член коллегии Министерства иностранных дел СССР Г. М. Корниенко.

С американской стороны — государственный секретарь США У. Роджерс, помощник Президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, посол США в СССР Дж. Бим, помощник Президента по внешнеэкономическим вопросам П. Флэниган, заместитель государственного секретаря М. Хилленбранд, заведующий отделом госдепартамента США Д. Мэтлок, пресс-секретарь Белого дома Р. Зиглер и сотрудники аппарата Белого дома Х. Сонненфелд и У. Хайленд.

Москва, Кремль. 23 мая. Советско-американские переговоры. Фото А. Пахомова.

Кремлевский Дворец съездов. В президиуме торжественного сбора, посвященного 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

Фото А. ГОСТЕВА.

Посланцы пионерии всех союзных республик пришли в Кремлевский Дворец съездов на торжественный сбор, посвященный 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Вместе с пионерами замечательный праздник отмечали ветераны партии, комсомола и пионерского движения, представители партийных, советских и комсомольских организаций, молодежь столицы.

Бурными аплодисментами собравшиеся встречают товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева. В президиуме также первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, министры, военачальники, секретари ЦК ВЛКСМ, руководители Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, летчики-космонавты СССР, гости из зарубежных стран.

...Звучат фанфары. Под марш пионерских дружин в зал входят лучшие правофланговые отряды — победители всесоюзного марша «Всегда готов!».

Пионер Андрей Моторин — пятиклассник московской школы № 359 — подает команду: «Пионеры! К рапорту Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза — смирно!»

Под бурные овации зала Андрей Моторин передает Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу Книгу рапорта пионеров всей страны.

Леонид Ильич Брежнев принимает Книгу рапорта и по-отечески обнимает пионера.

Тепло встречают собравшиеся выступление Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного.

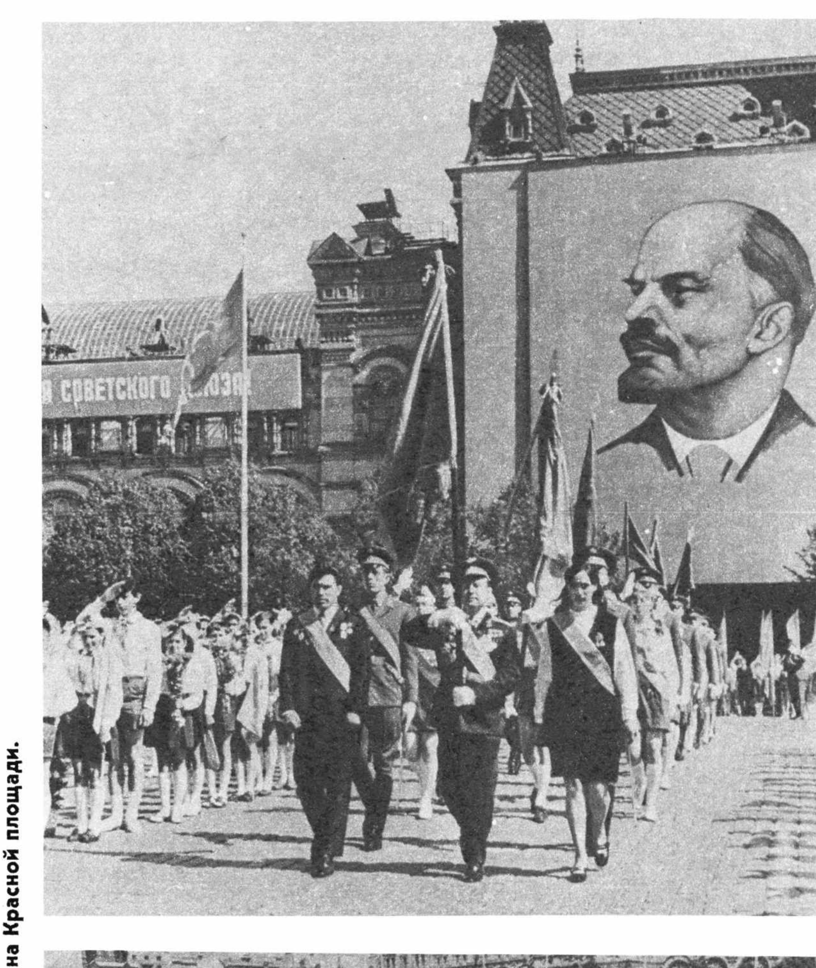
— И сегодня,— говорит Н. В. Подгорный,— на этом торжественном сборе мне очень приятно сообщить, что Всесоюзная пионерская организация удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина.

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, в котором говорится:

«За большую работу по воспитанию детей в духе ленинских заветов и в связи с 50-летием со дня образования наградить Всесоюзную пионерскую организацию имени В. И. Ленина орденом Ленина».

Товарищ Н. В. Подгорный прикрепляет высокую награду к красному знамени пионерии.

На следующий день в Москве, на Красной площади, состоялся парад юных ленинцев.

Парад юных ленинцев на Красной площади.

ВЕРНЫ!

ВАРШАВА: УСПЕХ МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

Рышард ВОЙНА,
главный редактор газеты «Жиче Варшавы»

В начале июня в Брюсселе должна собраться Ассамблея общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе. В адрес международного Инициативного комитета по созыву Ассамблеи поступают заявки об участии от общественных и политических организаций различных стран Восточной и Западной Европы и в том числе от многих известных деятелей капиталистических стран.

Подготовка к Ассамблее происходит в период, когда внимание европейской общественности привлечено к ратификации боннским парламентом договоров ФРГ с СССР и ПНР. Это большая победа миролюбивых сил в Западной Германии, всех тех, кто заинтересован в разрядке международной напряженности и сотрудничестве, кто выступает за мир в Европе путем создания системы коллективной безопасности.

Польская общественность пристально следила за развитием событий в ФРГ.

В сознании европейских народов еще жива опасность возрождения немецкого милитаризма. Вот почему проводимый правительством канцлера Брандта политический курс, учитывающий уроки второй мировой войны, а также ситуацию, сложившуюся на территории бывшей Германии, встретил одобрение всех народов Европы. После подписания канцлером ФРГ договоров в Москве и Варшаве могло показаться, что германский вопрос решен и угроза миру со стороны реваншистов ушла в далекое прошлое. Однако недавняя контратака реакционных сил ФРГ, целью которых был срыв ратификации договоров с Советским Союзом и Польшей, показала, что это не так.

Грубое противодействие реакционных сил ратификации договоров с Советским Союзом и Польшей, демонстративная враждебность их к нормализации отношений с Германской Демократической Республикой показали, что основы мира в Европе могут быть подорваны, если к власти в Бонне придут реваншистские круги.

Это еще раз доказывает, что мир в Европе не может быть основан лишь на доброй воле правительства ФРГ. Только система коллективной безопасности дает гарантии, что никакие силы не заставят Европу сойти с пути разрядки напряженности и укрепления сотрудничества. Политика боннских реваншистов служит веским аргументом в пользу созыва общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

Мы были свидетелями явления, не имеющего прецедента с момента присоединения Федеративной Республики Германии к системе западных союзов. Как правительственные круги, так и широкая общественность государств Западной и Восточной Европы единодушно выступили против реваншистов, не желающих примириться с требованием времени.

●

БЕРЛИН: ВАЖНЫЙ ШАГ

Эрнст-Отто ШВАБЕ,
главный редактор еженедельника «Горизонт», член Комитета ГДР за европейскую безопасность

Ратификация бундестагом ФРГ договоров с СССР и ПНР вносит коренной перелом в развитие международной обстановки.

Отрадному улучшению политического климата, в котором стало возможным заключение этих договоров, наш континент решительно обязан Советскому Союзу. Творчески применяя ленинские принципы внешней политики, Советское государство в сложной обстановке неуклонно стремилось сделать мир и разрядку напряженности постоянными компонентами жизни европейских народов. Восторжествовала именно эта политика мира, а не демонстрация силы со стороны империалистических стратегов. Она восторжествовала, потому что отражает главное направление современного развития, которое определяют социалистические страны. Благодаря целеустремленной деятельности КПСС и усилиям миллионов советских людей эта политика стала реальной силой.

Ратификация договоров делает возможным вступление в силу четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, соглашения между ГДР и ФРГ о транзитном сообщении и других. Тем самым создаются все предпосылки для непосредственного перехода к подготовке и созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

Общественность Германской Демократической Республики от всего сердца приветствует развитие международного положения в интересах мира и разрядки напряженности. Граждане нашего государства видят в этом новое подтверждение правильности пути, избранного нашей партией, нашим народом. При такой оптимистической оценке ситуации мы в ГДР никоим образом не упускаем из виду, что политический небосклон над Европой еще далеко не безоблачен. Страны Западной Европы по-прежнему отказываются не только признать ГДР суверенным государством, но и сотрудничать с нею на равноправных условиях в международных организациях. Одновременно некоторые силы и прежде всего определенные круги в ФРГ пытаются использовать разрядку напряженности для усиленного идеологического проникновения в ГДР.

СЕПГ во всей своей практической и теоретической деятельности исходит из того, что политика мирного сосуществования должна сопровождаться усилением идейно-политической борьбы против империализма, за всестороннее укрепление ГДР как социалистического государства. ГДР и впредь будет последовательно вносить свой вклад в обеспечение новых успехов мирной программы братских социалистических стран.

Николай **БЫКОВ**

ХОЗЯЕВА КРЫМСКОЙ СТЕПИ

Вчера и сегодня ни облачка, только солнце, только ветер, только пыль, зловещая, как порох. Самый центр степного Крыма, земля трудная, но славная. Ордена Ленина колхоз «Россия», Красногвардейского района, на Украине. Сколько же лет я здесь не был! Больше пяти, потому что нынешней весной минуло пять лет, как не стало председателя колхоза Петра Семеновича Переверзева. И пять лет мучила мысль: как там без него, чтят ли, помнят ли удивительного человека, мудрого хозяина, продолжают ли завещанное им?..

•

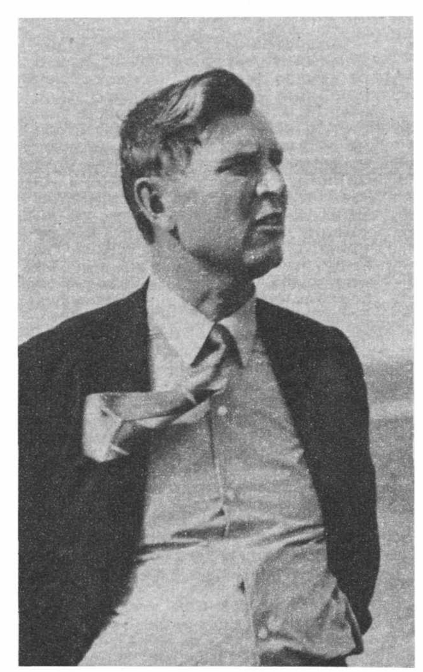
Итак, мой новый адрес: проспект Переверзева, дом 2—1, квартира 5. У меня и ключи свои есть — два, один увесистый (от квартиры) и маленький (от английского замка моей комнаты). Моей — на те дни, что я поживу в колхозе. Да, живу в колхозе, а проспект и отдельная квартира в четырехэтажном доме с лоджиями — все это тоже в колхозе.

Поселок Восход справедливо называют «городком». Спросишь колхозного шофера или еще когонибудь (учителя, доярку на ферме), где, мол, живете,— отвечают: «В городке». Будто мираж, возникает он среди залитой солнцем зеленой степи. Ослепительно белый, с разноцветными навесами над балконами, причудливо спланированный... Рядом с обжитыми кварталами — краны и остекленные коробки, готовые для отделочных работ. Сарайчиков или огородов в помине нет. Сразу же за грудой кирпича, за гудящей бетономешалкой, за новыми, свежевырытыми котлованами — пшеница, канал и дорога в тени абрикосов, уводящая в сад, на виноградник, в соседние деревни.

В степи память торжествовала: не забыл. Но узнать центральную усадьбу не мог, ее такой тогда не существовало. И парк, и школу, возведенную по индивидуальному проекту, и памятник Карлу Марксу, и эти городские улицы вполне городского микрорайона — все увидел впервые. Прежним осталось лишь здание правления колхоза, запомнившееся непременными колоннами. А вот доски мемориальной у входа не было...

«С 28 февраля 1954 года по 3 мая 1967 года сельхозартель «Россия» возглавлял талантливый организатор колхозного строительства коммунист Петр Семенович Переверзев, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР».

...Вечером я обошел квартиру, в которой меня поселили. В ней не было ничего необычного для жителя городского, но я силился на все посмотреть глазами человека, который родился и до сего времени жил в хате, в мазанке, в избе. И был несказанно рад огладить кафель, налить ванну, зажечь газ во всех четырех конфорках, заставить сиять все лампы всех люстр, заглянуть в стенные шкафы и иные не менее чудные уголки общего пользования. Вот и дожила деревня...

В. И. Криворотов, председатель колхоза.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Увы, ехал к Переверзеву и знал, что не застану его ни в правлении, ни в поле, ни дома. И все-таки неодолимо тянуло к нему, в его колхоз. Волновала, признаться, проблема наследования.

Что, бывало, оставлял после себя изработавшийся мужик в старой деревне? В завещании любого хозяина как в зеркале видны были и состояние его дел и несбывшиеся помыслы. Один оставлял крепкий пятистенок и немалый надел с прикупленной землицей, другой — кучу детей на порожних сундуках, третий — ни кола ни двора. Один завещал наследникам держаться друг друга, другой — дорогу в ближайший город, а третий, может, не успевал и слова путного сказать...

Петр Семенович не был заурядным председателем, каких деревня наша пропустила тысячами через будни свои, словно через сито; это, бесспорно, был деятель государственный, отличавшийся умением мыслить масштабно и нешаблонно. Помнится, что в Крым он приехал из Москвы после окончания техникума. А до учения работал совсем еще молодым на шахтах Донбасса. Он был высоким, сильным, спокойным. Хорошо помню его портрет в «Огоньке». В колхоз его направил райком партии в 1954 году — через зиму после исторического сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года. В колхозе тогда дела шли плохо. Например, пшеница давала десять с небольшим центнеров, а коров на тех же угодьях было в пятнадцать раз меньше, чем теперь...

Говорят, на земле надо начинать с земли. Может быть. Петр Семенович начинал с людей. Сказано это отнюдь не ради красного словца. Как руководитель коллектива, он не ждал милостей ни от природы, ни от кого-либо вообще. Тот район, о котором речь, являет собою удивительный пример того, как переселенцы из самых различных областей страны, одержимые идеей хлебородства да и просто ищущие лучшей доли себе и детям, преобразовали разоренные войной, бесхозные земли в свои — не только новые деревья, а люди словно корни пустили. Когда сейчас задним числом пытаешься осмыслить характер забот Переверзева, то вполне естественно приходишь к единственному итогу: партийный тридцатитысячник Переверзев, уловив смысл перемен, как бы задался целью опровергнуть весьма расхожее мнение, что в степном Крыму якобы нельзя сконструировать рентабельное хозяйство, нельзя одолеть экономический барьер, достигнутый во время оно прижимистыми аккуратистами — потомками немецких колонистов. Отработанная ими модель соблазнительна. Однако до переселенцев послевоенной поры Крымская степь, по существу, не знала хозяина. Тысячи приезжали осваивать лакомые пустоши, часто не ведая, что в Присивашье, в степном Крыму, нет воды, нет защиты от суховеев и черных бурь. На месте нынешнего городка первый колодец вырыли только... в 1928 году — сделали этот шаг переселенцы из Гомельской области. Можно сказать, лишь вчера...

Конечно, Переверзев твердо знал, чего хотел, у него был такой компас, как ленинские слова о кооперации: «...общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный». Такая точка зрения помогала непредубежденному человеку по-новому взглянуть на самое природу сельскохозяйственной артели. И только помня о его пролетарском происхождении, об опыте его работы в райисполкоме, можно объяснить, почему нынешний колхоз «Россия» имеет на сто гектаров земли машин почти вдвое больше, чем в среднем по области (а стоимость основных средств производства на один гектар здесь уже сейчас почти втрое больше, чем по республике в среднем). Кстати, не напрасно ли главные цифры мы нередко, словно стесняясь диктата «скучной» экономики, заключаем в скобки вместо того, чтобы отпечатать их с красной строки? Вдуматься только: в колхозе «Россия» создана такая экономическая база, что уже сейчас основных средств на гектар приходится втрое больше, чем в среднем по колхозам Украины. Кто знаком с сельской деятельностью, тот понимает, что уровень механизации определяет все. Степень энерговооруженности зависит, в свою очередь, от суммы свободных средств, от общественного богатства колхоза. После продажи МТС колхозам машин не присылают по нарядам — их надо покупать. Да и люди остаются там, где лучше, где меньше затраты мускульных усилий. Люди, они уважают мозгами шевелить, а то им неинтересно. Вот почему накопление средств стало главной хозяйственной заботой таких председателей колхозов, как Кирилл Орловский в Белоруссии, Хван в Узбекистане, Макар Посмитный на Украине, Иван Буянов в Подмосковье. Кроме того, богатой деревней не покомандуешь. По пути всестороннего использования кооперативной природы колхозов пошли и крымские друзья — соперники, межевые соседи П. С. Переверзев и И. А. Егудин, нынешний председатель столь же знаменитого колхоза «Дружба народов». Они в свое время, очевидно, хорошо продумали перспективу развития своих хозяйств и, помнится, первыми на паях построили кооперативный цементный завод. Вообще всячески развивали подсобные отрасли и не чурались организации многоохватывающих коммерческих связей. Не для себя лично — для тех, кто съехался в Крым из Курской, Черниговской, Пермской, Гомельской областей. Председатели - впередсмотрящие всем ходом своих практических деяний торили самые эффективные, надежные пути в развитии артельной экономики.

Случилось, видел однажды Егудина и Переверзева вдвоем — они неторопко удалялись по дорожке скверика в райцентре, как-то полуобнявшись, взяв плотно друг друга под руку. И, сблизив седеющие головы, говорили о чем-то... О чем? Можно только догадываться: о тактике и стратегии интенсивного использования каждого клочка обожженной солнцем крымской земли? Разумеется, у них это наверняка находило более конкретное выражение: наладить регулярный завоз стеклотары, спешно строить холодильники, иметь клин поливной пшеницы и поливной люцерны... Тогда всего этого еще не было. Многое делалось ими впервые и не без риска, но именно здесь я услышал лихое: «Если падать с коня, то с хорошего...» И вот теперь появилась возможность строить всерьез и надолго. А главное — возможность насытить каждый гектар машинами так, как это и сделали в колхозе «Россия»: пять тракторов (в 15-сильном исчислении) на 200 гектаров. Показатель вполне красноречивый.

...Я выключил газ на кухне, вернулся с чайником в комнату, сел у окна. Синел весенний вечер. В домах по проспекту Переверзева зажглись огни. Многоцветье штор, абажуров, торшеров... Кто-то, будто на деревенское крылечко, вышел на балкон покурить. На соседнем — говорили о сухом апреле, о пересеве шестисот гектаров ячменя. В такой же сухой вечер накануне я видел, как белесое, будто ослепшее от собственного перекала солнце тонуло за тополевой аллеей, за темно-зеленым озимым горизонтом. Оно и за месяц бессильно что-либо поделать с поливной пшеницей: полсотни скважин и десятки дождевальных установок всех систем.

Так что же оставил всем этим людям (а в колхозе «Россия» полторы тысячи семей), что же им всем оставил в наследство Петр Семенович Переверзев? Очевидно, не одну устремленность к экономически эффективной работе (та-

кая вначале понуждаемая устремленность с годами становится потребностью не одного-двух энтузиастов, а сотен квалифицированных работников). Оставил он явно еще и такую простую заповедь, как дружба. Колхоз вырос, по существу, на голом месте именно волею людей разных национальностей. Обратил внимание на эту особенность я после одной случайности. Мне пришлось быть свидетелем в общем-то малозначимой, печальной сцены: хоронили старушку. Но вот что странно: люди в черном шли за машиной и... пели. Не причитали, не отпевали, а, похоже, именно пели. Выяснилось тут же, что такое впервые наблюдал не один я. В толпе рядом со мной начался странный разговор о том, где как хоронят. Потом, где какие свадебные обряды, а еще, живучи ли национальные обычаи на новом месте жительства. «А вы из каких мест?» — спросил я парня, стоявшего ближе всех. «Азербайджан». «А вы?» «Я испанец...»

На площади возле памятника Карлу Марксу стояли колхозники одной артели. Они все сейчас говорили на одном языке — на русском. Но как же отличались у них выговор, глаза, цвет волос, темперамент! Кто они, хозяева украинского колхоза «Россия»? Кто они, вот эти люди, неожиданно взволнованные разговором на тему о жизни и смерти? Тракторист Степан Терновский, как и большинство колхозников,— украинец. Азербайджанец Рафик Мамедов, он слесарь и отличный специалист по ремонту двигателей. Нина Юдина из Белоруссии, волею судьбы ставшая заядлым виноградарем. Татарин Синтимир Хамзин — шофер. Испанец (из сирот 1937 года) Хуан Куэтто: он, говорят, великолепный пекарь. Доярка Антонина Ямашева — мордовка, рядом с ней, мордовка же, Мария Кириллова, тоже доярка, они возвращались из гастронома. Еврей Александр Эренбург — скотник, а Валентин Заморин — шлифовальщик, он русский, недавний пермяк. И доярка Татьяна Бубликова — русская, и русский же Алексей Воронин, тракторист. Разумеется, перечислять имена разноязычных можно долго, оказалось, что в украинский колхоз съехались люди семнадцати национальностей. Это работящие и, по сути, согласные в чем-то главном люди.

Я надеюсь, читатель догадался, что одна моя мысль, ни разу не прозвучавшая, сама собою разумеется: колхоз после безвременной кончины талантливейшего П. С. Переверзева ни дня не топтался на месте. Канал и поливные клетки, самый вот этот городок, годовой доход в четырнадцать с половиной миллионов рублей, орден Ленина на колхозном знамени, рентабельность на уровне 93 процентов... Обо всем этом мечтал Петр Семенович, но все это стало действительным уже после его смерти.

Как-то, вспоминают, Петр Семенович высказал заветное: «Кого бы я хотел увидеть на своем месте? Владимира Ивановича...»

Владимир Иванович Криворотов сейчас избран колхозниками на место Переверзева. Пять лет назад он был главным агрономом. Его любил Переверзев. Ему Переверзев завещал главное свое богатство, опыт всей жизни: «Начинай с людей». В самом деле, должно же быть и наверняка есть что-то во Владимире Криворотове, что нравилось Петру Семеновичу! Пытаюсь угадать... Земляк, выходец из шахтерской семьи? Да, есть такое. Высшее образование? Но это еще ни в коей мере не определяет выбора. Целеустремлен, одержим, самостоятелен настолько, что не боится ответственности?.. Да, да, трижды да... А еще Криворотов всегда исповедовал веру Переверзева: вырастить урожай — это полдела. Важно решить проблему реализации. И еще — врожденный такт в общении с людьми. Без этого за кормило власти не берись. Что же, этих достоинств, по-моему, не мог не заметить, не учесть в своем возможном преемнике покойный Петр Семенович.

«Человека воспитать — что храм построить».

Отлично сказано. И было сказано в Крымской степи... Я смотрел на Владимира Ивановича Криворотова, следил за его манерой вести разговор то ли с пришлыми строителями, то ли с молодой женщиной — педиатром, пожелавшей работать в колхозе, то ли с Вячеславом Колосковым, агрономом поливного хозяйства, сыном — без преувеличения — колхоза (и сыном знатного комбайнера, Героя Социалистического Труда М. П. Колоскова), я смотрел на нынешнего председателя и вспоминал Переверзева-стратега. Правильный у него наследник.

За два апрельских дня колхоз «Россия» выплатил работникам всех категорий 1 миллион 200 тысяч рублей. Это окончательный расчет за труд в предыдущем 1971 году. Дополнительная оплата! Люди получали по триста, пятьсот, по тысяче рублей и по полторы на руки. Вот только когда и вот чем кончился довольно сложный сельскохозяйственный год — расчетом после реализации всего, что было произведено: хлеб, молоко, яблоки, вино, ранние и поздние овощи, мясо. Нынешний год складывается более трудным — год бесснежной зимы, долгого бездождья, неоднократных пересевов и скудных кормов. Но в колхозе «Россия» уверены, что экономическая мощь хозяйства и трудолюбие людей, знающих о величине оплаты их труда, превозмогут любые невзгоды — эти факторы и определят, каким ему быть, году 1972-му. А до сих пор сто гектаров угодий (а их всего 13 тысяч гектаров) давали почти по пятьдесят три тысячи рублей чистой прибыли. Гектар давно уже дает более тысячи рублей общего дохода. А главное все-таки в том, что каждый работающий производит здесь продукции каждодневно в среднем на восемнадцать рублей (вместо семи рублей десяток лет назад). Производительность труда — дай бог каждому. В колхозе одних электродвигателей восемьсот.

...Проспект Переверзева в колхозном городке Восход. Сижу у себя в квартире на проспекте Переверзева и выписываю всю эту необыкновенную цифирь. Она пестра и громкоречива, она так просится на страницы блокнота... И чем больше цифр, тем настойчивее мысль: а почему, собственно, колхозников до сих пор здесь называют «переселенцами»? Переселенцы ли эти люди? Надеюсь, что теперь уже нет. Переселенец не вкладывает столько сил и средств в землю, которая «не своя». Он не строит таких городков — эксперименты переселенцам заказаны; людям, похожим на перекати-поле, эксперименты, как правило, не удавались. Опыт же человеческого содружества и преобразования засушливой степи в самом центре Крымского полуострова явно удался. Однако помнить надо — это начало. Молодо не только хозяйство, экономический облик которого определился лишь в последнее десятилетие, молод не только новый председатель, В. И. Криворотов, молоды хозяйственные идеи людей, сжившихся на крымской земле.

...Гаснут окна напротив. Завтра снова встречать солнце в поле. Завтра с утра будет молодое лето... И надо снова делать урожай. Петр Переверзев умел посеять и предсказать урожай даже в самые непогожие дни.

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ТОВАРИЩА
ЯНОША КАДАРА

ПУТЬ КОММУНИСТА

Первому секретарю ЦК ВСРП товарищу Яношу Кадару, выдающемуся партийному и государственному деятелю Венгрии, исполнилось 60 лет. Видный деятель международного коммунистического и рабочего движения, убежденный интернационалист, верный друг Советского Союза, товарищ Кадар пользуется большим авторитетом, любовью и уважением.

Он родился 26 мая 1912 года. Семья была бедной, батрацкой. Трудовой путь начался рано: подпасок, мальчик на побегушках, разносчик газет, ученик механика. Уже в 17 лет он участвует в демонстрациях. В 1931 году вступает в Коммунистический союз рабочей молодежи, а затем в ряды коммунистической партии. Началась суровая, полная опасности жизнь коммуниста в хортистской Венгрии.

В годы второй мировой войны он становится секретарем подпольного ЦК партии, проводит большую работу, мобилизуя трудящихся на борьбу с фашизмом. Его схватили гестаповцы, подвергли пыткам в застенках. Фашистам не удалось сломить коммуниста-ленинца, а вскоре товарищи устроили ему побег.

Их было немного, когда вышли они встречать Советскую Армию — освободительницу, когда сказали народу: будем строить новую, свободную, социалистическую Венгрию. Венгерские коммунисты агитировали, убеждали и засучив рукава строили, подымали заводы, фабрики, создавали кооперативы. Янош Кадар избирается членом Политбюро и секретариата ЦК Коммунистической партии Венгрии. Он занимается народной милицией, городским хозяйством Будапешта, внутренними делами страны.

Товарищ Кадар решительно выступил с разоблачением предательской политики Имре Надя во время контрреволюционного мятежа, поднятого силами внутренней реакции при непосредственной поддержке империалистических кругов Запада. Он возглавил борьбу за сплочение и мобилизацию революционных сил страны, за защиту социалистических завоеваний и стал инициатором создания Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, воссоздания и укрепления партии венгерского рабочего класса.

С ноября 1956 года товарищ Кадар — Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии. Он последовательно выступает за укрепление единства рядов мирового коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма, за упрочение сплоченности стран социалистического содружества, за развитие братской дружбы и всестороннего сотрудничества между советским и венгерским народами, между КПСС и ВСРП.

«...Правильное, принципиальное отношение к Советскому Союзу служит мерилом интернационализма,— подчеркнул Я. Кадар на X съезде ВСРП.— Наша партия отвергает любую форму антисоветизма, потому что малейшая уступка антисоветизму подрывает силы прогресса и социализма, играет на руку классовому врагу, империализму.

Советский Союз — наш освободитель, союзник, верный друг и лучшая опора во всех областях жизни».

Советские люди от всей души желают товарищу Яношу Кадару сил и здоровья, успехов в борьбе во имя торжества идей социализма и коммунизма.

В. ГЕРАСИМОВ

ДОГОВОРЫ ВСТУПАЮТ В ЖИЗНЬ

Евгений ГРИГОРЬЕВ

Если подняться на 24-й этаж нового парламентского здания, построенного под кабинеты 496 депутатов бундестага, то «место действия» откроется как на ладони. Мимо течет бурая лента Рейна, плавно изгибаясь вдоль Боннской набережной. Уходят вдаль высокие, переплетенные зеленью кварталы западногерманской столицы. Город относительно невелик — 300 тысяч жителей, но он разместился на довольно большой площади. Прямо у подножия высотного здания видна почти квадратная коробка зала пленарных заседаний бундестага. Там и было вынесено 17 мая главное парламентское решение о ратификации договоров с Советским Союзом и Польшей.

По коридорам бундестага можно пройти в постройку, где находится небольшой зал бундесрата — представительства западногерманских земель. Там договоры получили одобрение 19 мая, и, наконец, сверху, среди пышных деревьев и газонов соседнего, выходящего на реку парка, мы видим белое здание, по размерам и внешне похожее на дворец, но почему-то называемое здесь виллой. Это резиденция президента ФРГ. Там глава государства Густав Хейнеман поставил свою подпись под законом о ратификации восточных договоров.

Завершение ратификации договоров ФРГ с Советским Союзом и Польшей здешние политические силы, выступающие за реализм и добрососедство, и люди доброй воли расценивают как важнейшее событие, пожалуй, за все время существования ФРГ. Ему придают историческое значение. Представитель социал-демократической партии заявил, что договоры подводят черту под прошлым, закладывают фундамент добрых отношений со странами Восточной Европы.

Западногерманская общественность в своем подавляющем большинстве с большим удовлетворением встретила ратификацию договоров. С кем только не беседуешь,— все выражают радость, чувство облегчения, что большое и очень важное дело успешно завершено. Конечно, есть и недовольные — это реваншисты. Уже после ратификации, на католическую троицу, они опять собрали своих приверженцев в ряде западногерманских городов. Они опять пытались продолжить свою пропаганду против разума, против реальной действительности, выдвигать неосуществимые требования, пропагандировать враждебность к соседним странам. Но нельзя не отметить, что их сборища поредели...

Выражая уверенность в том, что договоры будут служить лучшему будущему западногерманского населения, взаимопониманию между народами и интересам мира, официальный представитель правительства ФРГ вновь подчеркнул тот факт, что «большинство населения поддерживает восточные договоры».

Огромное значение этих договоров очевидно. Они важны для будущих отношений ФРГ с Советским Союзом и Польшей, а также с другими странами социалистического содружества для разрядки напряженности и мира в Европе. Это уже проверено практикой еще до ратификации. Ведь после подписания договоров был подготовлен целый ряд важных соглашений, в том числе четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, соглашения между ГДР и ФРГ. Осуществлено немало конкретных дел, направленных на улучшение отношений и развитие взаимовыгодного советского и западногерманского содружества.

Борьба шла до последнего момента в чрезвычайно сложной обстановке. Заключительный этап этой длительной схватки начался 23 апреля, когда стали известны результаты выборов в земельный парламент Баден-Вюртемберга. Поздно вечером дома у председателя ХДС и лидера фракции ХДС/ХСС в бундестаге Барцеля раздался телефонный звонок. На другом конце провода был председатель ХСС Штраус. Баварский деятель настаивал: «Теперь пора действовать!» Так вступил в силу давно подготовленный план свержения правительства Брандта — Шееля с помощью вотума недоверия. Контркандидатом в канцлеры оппозиция выдвинула Барцеля.

Наряду с жаждой возвращения к власти главной мишенью замысла был срыв ратификации восточных договоров. В успехе почти не сомневались. Штраус и его единомышленники «имели в кармане» недостающие голоса трех отколовшихся депутатов правительственной партии свободных демократов. Председатель бундестага фон Хассель (ХДС), как сообщала пресса, заранее выяснил, насколько быстро правительственная спецтипография сумеет изготовить именную грамоту о назначении нового главы правительства...

27 апреля авантюра сорвалась. Барцель недобрал двух голосов, причем из своих же собственных рядов. Кто-то голосовал против него. Тем самым стала очевидной несостоятельность стратегии и тактики использования борьбы против восточных договоров как инструмента для осуществления внутриполитических планов оппозиции. Правительственные кабинеты оказались для нее недосягаемыми. Но и правящая коалиция не обошлась без потерь. Соотношение голосов в парламенте между коалицией и оппозицией практически равное. Возникло так называемое состояние парламентского пата, при котором, однако, необходимо было решить вопрос о ратификации. Почти на три недели растянулся в Бонне период неустойчивости, полной неясности. Шли встречи и переговоры между руководителями партий правительственной коалиции и оппозиции. Без конца заседали парламентские фракции. Графики бундестага смешались. С 4—5 мая дебаты о ратификации перенесли на 9—10-е. Затем, уже начавшись, они по просьбе оппозиции были прерваны на неделю, до 17 мая. Измотанный лидер оппозиции жаловался на крайнюю усталость. Бундестаг напоминал гудящий улей. На всех главных подступах — у помещения фракции, мест «встреч в верхах», в фойе перед залом пленарных заседаний — дежурили бессменно наготове камеры телевидения. Сотни корреспондентов осаждали двери, за которыми шли совещания и заседания. Утром никто не знал, что будет днем, а тем более вечером.

В эпицентре событий оказалась фракция ХДС/ХСС. Некоторые ее лидеры не могли не понять, что внутриполитическая игра с использованием восточных договоров проиграна и что именно им и их партии придется нести весь тяжелейший груз ответственности, если голосование о ратификации договоров в бундестаге завершится неудачей.

16 мая, накануне решающего голосования, Барцель заявил, что договоры приемлемы. Группа депутатов из Гамбурга провозгласила, что будет голосовать за ратификацию. 17 мая, за два часа до начала пленарного заседания бундестага, христианские демократы приняли решение воздержаться при голосовании. На законодательный вотум это уже, однако, повлиять не могло. Бундестаг одобрил договоры с Советским Союзом и Польшей необходимым большинством голосов.

«Конечно, Штраус заставил своего друга и соперника Барцеля согнуть колени в дни голосования,— пишет известный западногерманский обозреватель Рейнхард Аппель,— но если, как заявлял Штраус, его целью было отклонение договоров, то именно он и не достиг своей цели...»

Было совершенно очевидно, что достигнута цель всех тех политических сил, самых широких кругов общественности, профсоюзов и многих других организаций, виднейших представителей науки, культуры, писателей, некоторых церковных кругов,— цель миллионов людей, которые выразили свои симпатии и поддержку восточным договорам.

Завершение ратификации является крупным успехом демократической и миролюбивой общественности ФРГ. Это успех политических сил, которые ориентируются на реальную действительность, на принципы нерушимости существующих границ и неприменения силы, выступают за добрососедское сотрудничество с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, за участие ФРГ в решении вопросов обеспечения мира и широкого взаимовыгодного сотрудничества в Европе.

Приветствуя ратификацию, которая открывает реальный путь к вступлению договоров в силу, люди доброй воли в каждой стране понимают, что еще многое предстоит сделать, многого придется добиваться.

Нельзя закрывать глаза на то, что, потерпев поражение, наиболее оголтелые противники договоров все еще не сложили оружия. Поэтому миролюбивая общественность ФРГ, люди доброй воли не успокаиваются на достигнутом. Они выступают за то, чтобы договоры были неукоснительно претворены в жизнь во имя мира в Европе.

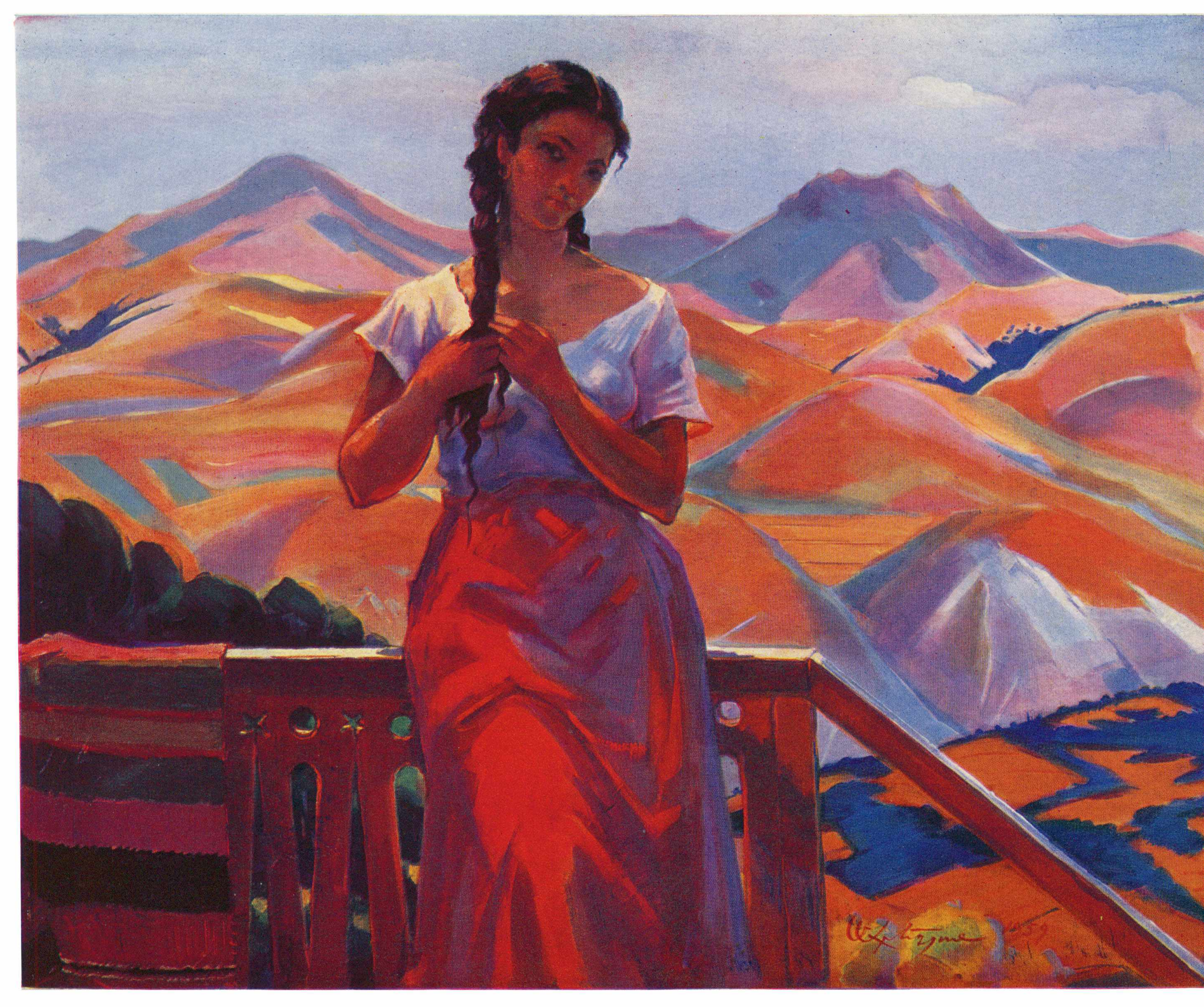
Договоры вступают в жизнь.

Бонн, по телефону.

Такие массовые демонстрации, участники которых требовали ратификации восточных договоров, проходили по всей ФРГ.

Фото ТАСС.

М. Абегян (Ереван). ЛЕТО.

Выставка произведений художников Грузии, Армении и Азербайджана.

М. Кугач (Москва). ВЕТКА ЯБЛОНИ.

Весенняя выставка произведений московских художников.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОРЫВ

Ф. РАСПОРКИН

Рассказ

Рисунки И. МИХАЙЛИНА

Март — слякотный и грязный; он осточертел солдатам своей нескончаемой пасмурью, дождями.

Это была Пруссия, куда наконец дошла дивизия, одна из тех, о которых ни разу за всю войну не упоминалось в победных приказах Верховного. Оборонялась, шла вперед, воевала, как и другие, но громких побед не имела. Обычно об участке, где держала оборону или наступала, в сводках сообщалось: «Идут бои местного значения» — ничего эпического! — хотя, кто знал фронт, тот понимал, что именно таким дивизиям больше всего и доставалось, они всегда оказывались без «особого усиления», которое, конечно, придавалось частям, наступающим на «главных» направлениях.

Но и в таких дивизиях кому-то нужно было служить — ходить в атаку, умирать, оставаясь безвестными, не отмеченными наградами. Правда, солдаты переносили это не столь болезненно, как их генерал по фамилии Ратибор. В одном звании, в одном чине да и ордена имел малого значения. Но дивизией своей генерал гордился и вел ее умело.

Так без особой славы и зашла дивизия в глубь Пруссии, заняла высоту 109 и намеревалась продвигаться дальше, но была остановлена здесь жесткой танковой атакой.

...Урванцев, командир батареи, оборудовал свой блиндаж на окраине фольварка, в уходящем уступом к переднему краю саду. Отсюда хорошо просматривался вправо населенный пункт, а прямо — автострада, которая, между прочим, не значилась ни на нашей, ни на немецкой карте. Была засекреченной, что ли!

Пытались было продвинуться к ней — не удавалось: враг косил из зенитных пушек и самоходов-«фердинандов», а то и бил из шестиствольных минометов, да так, что земля сотрясалась.

Дорого Урванцеву достался этот фольварк, где сейчас сидит в обороне. Чуть в плен не попал...

Неделю назад все это было. 1024-й пехотный полк наступал, а он своей батареей поддерживал его «огнем и колесами».

Урванцев выбежал на окраину фольварка и метнулся в сад, отсюда было видно, как удирали фашисты в лес. Метрах в полутораста чадили, оседая брюхом в грязь, их бронетранспортеры, а еще ближе отползали, отстреливаясь, автоматчики...

Огня бы, огня!.. Обернулся, чтобы скомандовать батарее, стоявшей на закрытой позиции, но телефонист с катушкой на горбу поотстал, барахтаясь с кабелем.

Ах, черт возьми! Как же так? Такой момент...

Хотел крикнуть телефонисту, поторопить, но разве услышит. Рядом тяжело рвануло, земля окуталась желтой гарью, стала горячей и заколебалась, как при землетрясении. Его оглушило, швырнуло упругой волной в дренажную канаву — он очутился в ледяной воде. Оцепенел, не понимая еще, что же произошло.

Еле-еле приподнял голову, выглянул из канавы и глазам не поверил: все немцы, которых он видел убегающими, теперь бежали на него. Первая мысль хлестнула жестоко и страшно — живьем хотят взять! Но зачем бежать всем, хватило бы и двух, тем более что он увяз в этой луже. Возьмут как мокрую курицу и уведут. Плен в конце войны! Нет уж! Приподнял «лимонку» и приготовился метнуть.

Впереди опять тяжело ударило, и земля заколебалась. Понял: бьет шестиствольный миномет, причем бьет не по нашим, а по леску, куда отступали немцы. Очевидно, вышла промашка, подумали, что мы уже там.

Еще мгновение, и в канаву, спасаясь от обстрела, прыгнул фашист, погружаясь в холодную хлябь, вскрикнул, завизжал, как щенок.

Урванцев схватил его за ворот и потянул вниз, чтобы окунуть. Не ожидая столь быстрой кары, фашист подался в сторону и даже привстал, но Урванцев тряхнул его так, что тот опять оказался по шею в воде, перестал барахтаться. Взгляд его стал безвольным.

И совсем уж неожиданно заговорил, коверкая русские слова:

— Ты есть в плен. Остав меня живой, я тебя тоже. Шнапс будем пить.

Неужели это он всерьез? Уже видит меня пленным! Не приведи бог оказаться в его лапах, таким тебя шнапсом угостит!

Пока же фриц был в его руках, с мольбой глядел, ожидая пощады или кары. Урванцев и сам еще не знал, как ему поступить. Но лихорадочно понимал, что медлить нельзя. Бегут к канаве другие немцы, он это отчетливо слышит, хотя и гремит вокруг пальба. В такие мгновения дьявольски обостряется слух. Немец тоже услышал и радостно залопотал: «Гут, гут!»

В это мгновение впереди чавкнуло и над головой показался чужой сапог, и он выстрелил: фашист рухнул. Мелькнуло: «Теперь жди — кинут гранату». Между тем в это мгновение, пока он стрелял, сидящий в канаве немец вытащил откуда-то кинжал и пытался ткнуть им Урванцеву в бок. Ах, вот как? И стукнул его по башке рукоятью пистолета.

Потом выстрелил еще в одного, подбежавшего к канаве. «Теперь не сунутся, но гранату обязательно швырнут...»

Приходил в себя медленно, лежа на полу в каком-то сарае. Приволокли его сюда телефонист и еще двое пехотинцев, выхватили из канавы в тот момент, когда он, оглушенный взрывом гранаты, тонул.

Хотя он и терял сознание, но ему не стоило особого труда вспомнить все, что произошло в канаве. Позор! Утонуть в вонючей луже! Срам подумать о таком конце.

Тут он вспомнил о немце, спросил, что с ним?

— Как что? — ответил телефонист.— Взяли.

Урванцев усмехнулся: «Во компаньон!» Случай! Расскажи — не поверят.

Так и застряла дивизия на высоте 109 и, видимо, основательно. Перед нею противник поставил две новые дивизии и чуть ли не корпус танков. Во всяком случае, разведчики утверждали, что это так. Да и сами немцы не очень уж старались укрыть свои силы от лишнего глаза. Не один раз выводили они танки — по десятку, а то и больше к переднему краю, как бы намереваясь атаковать, но тут же исчезали за высокой насыпью шоссе.

В другой день неожиданно появлялись «фердинанды», открывали неистовую пальбу, ночью они проделывали то же, но стреляли настильно — болванками. Для устрашения, конечно.

Нельзя сказать, чтобы все это не тревожило наших солдат и командиров, но, однако же, редко кто думал, что немец всерьез ринется в атаку. Времена-де не те!

Расхолаживала и сама оборона. Оборона — это что? Сидение в окопах, в блиндажах, покуривание и бесконечные байки. Ну, и, конечно, ленивое дежурство у станкача или орудия.

За неделю-другую немцы приучили-таки своими с виду безобидными вылазками к полнейшей беспечности: шуму наделают и уйдут. А однажды, уже под вечер, они пошли всерьез и быстренько ворвались в нашу траншею, слева от высоты. Засели там крепко. Не вышибли и батальонной атакой.

Вообще для фронта потеря траншеи не имела большого значения, а вот для дивизии обстановка усложнилась. Во-первых, возросли от флангового кинжального огня потери, а потом, кто знает, как поведет себя противник? Теперь ему легче атаковать высоту, а она ему до зарезу нужна. Взберись на нее, он уже хозяин — господствует на всем этом направлении. Это уже стратегический выигрыш.

Было над чем задуматься комдиву. Доложил о сложившейся обстановке, зная, что за это не похвалят. Отстранят по меньшей мере! И это в конце войны. Но не за свою репутацию больше переживал. За солдат, которые служат в столь бесславно предводительствуемой им дивизии.

Взять того же Урванцева! Чем не офицер? Боевой, смелый и умница. А наградить его выше ордена Красной Звезды он не имеет права. Подвиги есть, а поди же, ордена Красного Знамени и нет.

Все эти мысли роились в голове, когда он лез в мокрой траншее к своему НП; траншея круто забирала вверх, и он, уже не молодых лет, пыхтел, задыхаясь. Попадавшиеся ему навстречу солдаты и сидевшие в нишах, ожидая ночного выхода в первую линию, не были, как ему показалось, удрученными случившимся — сдачей траншеи. Они лишь с удивлением, как опять ему казалось, глядели на него, старого генерала, который неведомо зачем днем лез на передовую. Кольнула мысль: «Значит, редко видят! От этого, может быть, и неудачи?» Ему стало стыдно.

Он пошел быстрее, вцепившись в борта шинели, растягивая их, чтобы не так было парко. Тяжелой казалась и папаха. Он на минутку снял ее и потер серебристой опушкой начавшую уже лысеть голову.

Главная траншея разветвлялась, от нее отходили вправо и влево другие — у́же и глубже. Посмотрел влево и увидел сидевшего на корточках майора, грязного и какого-то помятого. Возле него сидели старшина и еще трое солдат; шинели их также были в глине, а по лицам не то струились, не то уже успели засохнуть следы пота. По всему видно: они были в бою и не успели еще как следует отдышаться.

Генерала взорвало: «Не этих ли молодцов шуганули немцы?» Остановился, еще не зная, как начать разговор, пытаясь сдержать себя от нахлынувшего гнева. Проучить бы стервецов! Ведь что наделали! Бросили окопы. И не потому, что недоставало храбрости или силы. Не взяли в расчет хитрость врага, дали себя убаюкать. Вот заставлю вернуть позиции...

Генерал остановился, позвал:

— Майор!

Майор, увидя генерала, вскочил и чуть ли не строевым шагом к нему, приложил ладонь к козырьку.

Генерал потемнел, оборвал:

— Ты мне не козыряй! Воевать умей...— И еще с большим гневом спросил: — Много людей погубил?

— Потерь почти не имею.

— Значит, драпал без бою? Даю час. Приведи себя в надлежащий вид и батальон.

Доведись на его месте другому — майору несдобровать. Тут бы сорвал погоны и в штрафную погнал бы. И прав был бы!

Он пришел на вершину в дивизионный блиндаж уставшим. Бросил папаху, шинель и облачился в легкий плащ и потертую ушанку, поднялся к стереотрубе. Солнце было у него за спиной, и траншея, только что взятая немцами, отчетливо просматривалась. Солдаты оборудовали огневые точки, а позади траншеи в лощине ставили минометы.

«У-у, быстренько они обживаются». Посмотрел дальше, в глубь обороны, и пришел еще в большее смятение. Там он заметил «фердинанды». С подошвы высоты их не было видно.

И удивился. Как это так, что на высоте у него нет пушек? Что же это, проспали артиллеристы? Или побоялись втащить?

Зрело решение. Поднять сюда пушки. Ночью, конечно. Подтянуть батальон и ударить. Опомниться не успеют, как ворвемся. Главное — успеть расстрелять «фердинандов».

Приказал вызвать к себе на наблюдательный пункт командира оборонявшего этот участок полка, комбата и начарта. Потом подумал и добавил: «Урванцева — тоже. Пусть разглядит, как сподручнее ставить здесь пушки. Именно его!»

* * *

Минут через пятнадцать ему позвонили из штаба полка.

— Капитан! Вас вызывает командир дивизии.

— Меня? — удивился он, теряясь в догадках, что бы это значило.

Митя Урванцев очень подвижный и, наверное, излишне горячий — юноша, да и только! На самом деле ему уже стукнул двадцать первый год; он капитан, и не какой-то там инфантерии — артиллерист! Все знали, что он, как и многие пушкари, гордился своей принадлежностью к этому роду войск.

Но он отлично понимал, что точные и быстрые расчеты, какие делает, чтобы поразить цель врага, не многим были доступны. Не все ведь, как он, успели в отрочестве усвоить теорию вероятности, геометрию и даже баллистику — все это он изучал, попав накануне войны в редкостный институт. Но для «полковух» все это ни к чему. Тут главенствовала прямая наводка.

Словом, в Урванцеве уже сидел интеллигент; он им был больше, чем бравым офицером. Пожалуй, в дивизии только у него одного из комбатов долго не было ордена. Не шли они к нему. Если он и совершал когда-либо нечто похожее на подвиг, в штабе не особенно верили. «Кто, Урванцев?» И, конечно, не торопились оформлять награду.

А он что? И руки не умеет приложить к козырьку. Начальство не любит этого. Да и правильно. Офицер есть офицер!

Не знал он только, что комдив Ратибор был о нем иного мнения. Давно приметил.

Урванцев, как, впрочем, и другие, выслушав генерала, не усмотрел ничего оригинального в его замысле. Но что тут еще придумаешь?

Соображал, куда поставить орудия. Три места отыскал превосходные, но вот вопрос: как поднять их сюда? Склоны крутые...

На лошадках, конечно. Да и людям придется впрячься. Не забыть о лямках.

Генерал, как ни трудно ему было, пытался говорить более-менее спокойно, лишь однажды возмутился, прикрикнул на командира полка.

— Только в моей дивизии заведено так, чтобы батальонную задачу решал сам комдив! Вы разве не видели вон тех коробок? — указал на притаившихся «фердинандов».

Урванцев тоже возмутился: «Генерал прав, как это сидеть и не видеть самоходок?»

Представил всю трагичность пехоты, которая попыталась бы утром отбивать траншею. Самоходки в два счета расправились бы с нею. Огнем и гусеницами.

Надо тянуть пушки.

В блиндаж вошли новые люди, и стало шумно. Среди них выделялся генерал-лейтенант. Отчаянно молодой, подвижный. Глаза его искрились, когда он пожимал руку комдиву и говорил:

— Отлично, генерал, что я нашел вас именно здесь. На высоте! — Рассмеялся беззаботно, будто находился не в самом пекле войны. Спросил: — Разве не помните? Мы же с вами встречались!

Да, это был тот щеголеватый полковник, требовавший для своих танков прохода. Теперь генерал. Было это под Витебском. Все торопились, и, ясное дело, никому не хотелось уступать дорогу. Он еще вгорячах ругнулся: «Посторонись, царица полей!»

Ратибор узнал его, улыбнулся. Ведь это он тогда окрестил его дивизию «рванем-попятимся!». Удачник! Пусть теперь поймет, какая у Ратибора дивизия. Не какая-то там «попятимся». Вот, скажем, вместе с другой взяла эту, казалось бы, неприступную высоту. Сто девять метров над уровнем моря! Заберись-ка со своими танками!

Генерал-лейтенант в самом деле был рад встрече с Ратибором. В двух словах пояснил, что прибыл сюда с танковым корпусом. Конечно, не для того, чтобы отсиживаться тут и, как он выразился, устраивать перемирие с немцами. Не изменяя своему характеру, он и теперь съязвил:

— Вы тут, извините меня, генерал, засиделись. Наверное, по имени и отчеству окликаете фрицев, а они вас?

Ратибор промолчал. Ему, кадровому военному, нравилась такая хлесткость и напористость, и он про себя заметил, что невольно стал даже любоваться молодцеватым генерал-лейтенантом. Между тем тот, ничего не подразумевая, досказал, что он прорвет тут оборону врага и опять же не для того, чтобы отнять каких-нибудь шесть километров. Нет! Он протаранит ее на всю оперативную глубину — до моря!

А что? Такой протаранит! В блиндаже стало как-то веселее.

Этот, думал Урванцев, не чета нашему Ратибору, который по сравнению с молодым комкором и совсем казался уж очень архаичным. Но и отказать в симпатии к старику не смог бы. Он в чем-то главенствовал над молодым генералом, в сдержанности, что ли? Но нужного для подвижной войны порыва в нем уже не было. С таких, как он, искры теперь не высечь, хоть разбей кресало.

Генерал, не перебивая, слушал генерала-танкиста о планируемом им ударе, но все же, воспользовавшись паузой, заметил, что скоро-де сказка сказывается, да не так легко дело делается. Он повернул стереотрубу градусов на девяносто и потребовал, чтобы танкист взглянул туда.

— Считайте! Да... пять. Это были наши танки. Сгорели. Все. Ни один танкист не выскочил. Сам видел и удивлялся, какой дурак вышел в бой.— Он опять повернул стереотрубу: — А поглядите сюда. «Фердинанды»! Ждут...

Генерал-танкист долго-долго не отрывал глаз от окуляров. Да, «фердинанды»! Нарвешься — несдобровать! Сверлят броню...

Но что поделаешь? Наступать все равно надо. Обойти их не обойдешь; всюду нас они поджидают. Не было бы фашистов и их «фердинандов», то и войны не было бы. А раз все это есть, значит, придется идти, идти на них.

Генерал-танкист в упор взглянул на Ратибора, явно спрашивая, согласен ли тот с ним. Ему, очевидно, нужна была поддержка этого, он понимал, более сдержанного командира.

Ратибор не проронил ни слова, боясь, в свою очередь, чтобы своим неосторожным суждением не сбить с панталыку столь решительного комкора. Но все же взглянул в глаза комкора более пристально и неожиданно для себя обнаружил в них не только решительность, но и тревогу, сомнение. Как, и ты заколебался?

Если это так, то плохое будет начало у прорыва. По себе знал, что колебание, даже малейшее, может погубить дело. И поспешил, чтобы утвердить в ожидавшем ответа генерале решимость, больше того, подавить возникшее у того сомнение:

— Генерал! Этих «фердинандов» беру на себя. Еще до вашего прорыва мы им поломаем бока; не так ли, ребята? — спросил он, повернувшись к Урванцеву и другим своим офицерам, но тут же умолк, пораженный своим же залихватством, с каким он сейчас говорил о столь серьезных вещах. Откуда оно, гусарство, у него? Ишь, батько-командир!..

Комкор слегка усмехнулся, заметив, очевидно, промашку старого генерала, хотя и не увидел в ней ничего плохого. И сказал, вцепившись в стереотрубу:

— Мало на себя берете, комдив! Что «фердинанды»? — И добавил своим привычным тоном: — Справа, километрах в двадцати, в районе Кюнцвальда, сосредоточен немецкий танковый корпус. Прорвем, а он нам в бок... Что тогда?..

— Тогда? — Ратибор задумался было.— Да что гадать? Я не посвящен пока в замысел высшего командования...

— Я тоже! — отозвался комкор, все еще наблюдая передний край. Улыбнулся: — Но я знаю, что коль мой корпус появился здесь, он будет наступать.— Комкор оторвался от стереотрубы, присел на земляной уступ, вынул из кармана блеснувший полировкой портсигар, спросил: — Закурить-то у вас можно? — Затянулся всласть и сказал: — Послушай-ка, генерал, дозволь денька три посидеть на твоем НП.

Ратибор приложил руку к груди.

— Что же! Это будет отлично!

Три дня!.. Как во что-то магическое уцепился в эти «три дня»... Урванцева охватило предчувствие чего-то недоброго... Он не слушал уже генералов так внимательно, как раньше, тяготился тем, что его все держат тут, на дивизионном НП; вероятно, о нем, вызванном сюда, уже и забыли, ибо ситуация резко менялась.

Но, однако, прислушался, когда танкист сказал, что ему очень не нравится то, что на данном участке тихо. Надо, по его мнению, расшевелить немца огнем, имитацией атак. Пусть подтягивает резервы; их легче перемолоть здесь, чем, когда прорвемся, в глубине обороны.

в названный пункт, другие два — вслед на машинах, с артиллерией, конечно! Вы понимаете, Ратибор, что на вас вся операция держится? — Командарм внимательно посмотрел на генерала, добавил: — Дело вот в чем. Мы ожидаем да и расчеты показывают, что именно на тот пункт, который займешь, немцы своими танками ударят в бок прорывающемуся нашему корпусу. Упаси бог тебе сдвинуться с места. Врасти в землю — и ни шагу! Понял?»

Все уже знали в дивизии, что интенданты, было повернувшие оглобли назад, как и всегда делали они это при первом же слухе об отводе дивизии в тыл, на этот раз получили невиданный нагоняй от генерала: «Как вы посмели?.. Дивизия идет в прорыв, а вы! Разве не ясно, что дивизия идет в прорыв? Обеспечьте...»

И засуетились снабженцы, доставляя в роты и белье и «сухие пайки». Боепит тоже получил нагоняй: оказалось, что у истребителей танков нет в запасе гранат и мин. «Даю два часа...»

Генерал буквально преобразился; все в нем кипело, он жил прорывом и заставлял это делать других. В его распоряжение прибывали автобаты, и он их как можно ближе подводил к своим пехотным полкам.

Коротко отдал приказ: «Четверть часа на погрузку, понятно?»

Сам же старался быть ближе к генералу-танкисту. Уточнял, согласовывал и вдруг спросил, где ему быть в момент прорыва. Танкист удивленно пожал плечами: ясно, мол, где — в штабе, в полках. А десант он сам высадит.

Ратибор запротестовал: пусть танкист не серчает, он самому господу богу не доверит организацию обороны того пункта. И вымолил для себя танк.

Но и после этого не находил себе места, чувствовал, что еще не все продумано до конца. Тревожно, как поведет себя пехота, усевшись на танки. Не дрогнет? Опыта нет. Привыкла ведь сидеть в земле. Оторвешь от земли, гляди, и дрогнет...

Самое же страшное — это потери; достанется и от ближнего и от дальнего огня, но, пожалуй, губительнее будет фланговый...

А что, если посадить на один из танков артиллериста-корректировщика? С радистом, конечно. Да дать в их руки гаубичный полк...

* * *

Все это жило в Урванцеве прочно и тревожно. Не успел проснуться — и вот оно: и прорыв и танки.

И еще: рассвет! В 3 часа. Надо же!

Погасил «лампаду», но уснуть, конечно, уже не мог, хотя до настоящей, розовой зари еще было далеко, именно розовой! Он знал, что утро будет ясным и что восток заполыхает раньше, чем покажется солнце, и в этот рассветный час он и радист Степанов помчатся в бой на командирском танке, чтобы корректировать огонь батарей. Нащупал планшетку, где лежала карта — цела ли? Другой такой нет, она разбита на квадраты и помечена кодом. Увидел цель — и сразу: «Квадрат четыре, огонь!»

Придумано, ничего не скажешь, хитро. Но успеет ли он хоть раз крикнуть?.. Не сметет ли его самого с танка огонь?

«Чему быть, тому не миновать»,— решил, но от нервной дрожи избавиться оказался не в силах. Чиркнул спичкой, поднес ее к фитилю. В землянке опять заплясал черный огонь, и от него, конечно, не стало легче.

Но мысли уже пошли другие — о жизни! Почему он боится умереть? Разве так уж важно, кто останется в живых — он, Урванцев, или кто другой? Важнее, очевидно, то, за что отдается жизнь. Можно ведь потерять ее так просто — за грош.

Без осознанности всего этого, разумеется, он не стал бы умирать. Да, погибли миллионы! Это цена за свободу. Погибли миллионы и немцев. Это плата нации за насилие и разбой.

Однажды Урванцев услышал, как рассуждал на этот счет солдат. «Ты думаешь,— говорил он, припаливая у другого солдата свою цигарку,— я воюю только потому, что коммунист? Нет. Батыя помнишь? Сколько лет рабства?»

* * *

Урванцев проснулся, в полудреме пошевелился и встрепенулся: что это, рассвет? Проспал, твою так!

Открыл глаза и увидел на ящике оставленную не погашенной с вечера гильзу, из которой бился пополам с копотью огонь; он-то, проникая через воспаленные веки, и создавал иллюзию рассвета, а на самом деле в землянке, которую еще называли «норой», было тускло, как в преисподней.

Нора — она и есть преисподняя; полмира в нее загнал Гитлер и его тоже! Ну, нет уж! Только до утра, до рассвета он тут, в норе. Потом для гитлеровцев настанет час расплаты, еще один в этой великой войне, может быть, уже последний или предпоследний.

Перед ним живо предстал генерал-танкист, сказавший тогда на дивизионном НП: «Рассечем их оборону до моря». Теперь его танки, сотни танков, подтянуты к самому переднему краю, а утром в 5.00 эта стальная армада ринется вперед, сметая огнем и броней врага.

Параллельно с этим корпусом, чтобы зажать танковые соединения врага и лишить их маневра, пойдет другой наш танковый корпус; он не стратег, но понимает, что подобную операцию спланировал умный полководец; это своего рода стальной мешок, из которого вряд ли вырвешься.

Но самое неожиданное — это то, что их дивизия, пожалуй, впервые за войну становится «дивизией прорыва». Ратибор, невозмутимый Ратибор, и тот разволновался.

* * *

Когда командарм, отдавая приказ о наступлении и ставя задачу частям и соединениям, сказал, что в район дивизии выдвигаются новые части и соединения, Ратибор по привычке переспросил: «А мне куда отводить свою?» Командарм улыбнулся: «Привык ты, Ратибор, привык отводить дивизию да пропускать сквозь свои ряды других! — Командарм ткнул указкой в точку, расположенную в глубине вражеской обороны.— Вот сюда, вот сюда, товарищ комдив! К исходу дня взять этот пункт и закрепиться».

Командарм отыскал взглядом среди других генералов командира танкового корпуса, того самого, что сидел теперь у него на НП:

«Твоя дивизия, Ратибор, придается танковому корпусу...»

Ратибор неодобрительно крякнул: «С каких-де пор пехота придается, а не наоборот?» Командарм без слов понял Ратибора, но сделал вид, что ничего не заметил, лишь подозвал поближе танкиста.

«Так вот, товарищ генерал-лейтенант, посади один полк Ратибора на танки и выброси

И конюх, и плотник, и землепашец, и трубочист — все на такой большой, справедливой войне становятся великими! Великими, потому что они спасали Родину, и это будет помниться веками.

Урванцеву не казалось странным, что он, сидя в этом тесном земляном мешке, философствовал о столь высоких материях... Солдаты в окопах рассуждали подчас о судьбах наций. Вот и недавно слышал он, как, говоря о послевоенном мироустройстве, они спрашивали: «А как Германия? Куда пойдет? Не появится ли лет через десяток еще один Гитлер?»

Не может быть, чтобы опять заговорили о реванше! Хотя кто его знает?.. Урванцеву вспомнился тот немец, которого все-таки не придушил тогда в канаве, пожалел, а он, стоило лишь отвлечься, тут же нож в бок. Во как!

А что было недавно в только что взятом Прейсиш-Эйлау! Еще шел бой. Чтобы скрыться от шквального огня, забежал он с радистом Степановым в кирху. Забежали — и попятились... По цементному полу текла кровь, а у высокой стены трупы женщин.

Сам он онемел, не зная, что делать, а Степанов, солдат, повидавший на войне всякое, не выдержал, упал на колени, еще в горячую кровь, зарыдал: «Вот они, убийцы, какому богу молятся!»

Костел был высок, мрачен и с распятием. Все было чуждо и непонятно.

Но трижды было чуждо то, что здесь, у распятия, лежали убитые женщины, наверняка взятые в русских или польских и литовских деревнях и обращенные в рабынь.

Лучше бы не забегать, не видеть всего этого!

Урванцев метнулся к выходу, но в самое последнее мгновение заметил стоящую за черной колонной старуху; она тоже заметила, что ее увидели, и вышла вся в черном, непривычном одеянии. В ее глазах, в богообразном лице, когда она глядела на изуродованные тела, он не заметил ни тени отчаяния или смятения.

Она шла прямо, не обходя лужицу крови, и тут он не выдержал, закричал: «Назад!»

Она не попятилась, подошла к нему, сняла с себя на длинном шнуре крест и протянула ему. Он чуть-чуть отстранил от себя костлявые руки, но знак ее понял по-своему, по-доброму. Видать, хочет сказать, что не причастна к изуверству или кается.

Старуха тем временем подошла еще ближе, одним поворотом превратила шнурок креста в петлю и, указывая на его шею, подняла эту петлю, как бы собираясь его подвесить к потолку. Ах, вот что! Ей мало убитых. Она и его собирается подвесить.

Старуха в злобе скривила рот:

«Ойх алле ауфхенген!»

Урванцев помрачнел. Старуха говорила: «Всех вас вздернуть!»

Урванцева, пока он вспоминал тот эпизод, опять бросило в озноб, и он даже не сразу вспомнил, о чем думал до этого. Да, о чем бишь я толкую? О немцах! Трудно, трудно их будет поставить на путь праведный: уж больно они веровали своему бесноватому пастырю.

Один прах, один прах останется от него самого да и от его «великой Германии», но дурман в головах тысяч останется.

«Выкорчевать!» — сказал, будто гвоздь забил. Но и категоричности своих суждений удивился. Гитлер еще властвует, гнет в дугу своих генералов, и в армии его — миллионы.

Но реально и то, что наши обложили само логово — Берлин. Реально и то, что и он находится не где-нибудь под Полтавой, а в самой цитадели фашизма — в Восточной Пруссии.

А где был в сорок третьем в эту пору? На Миусе, под Саур-Могилой. В сорок четвертом? В Крыму, на Ишуньских позициях.

Миус, Крым, Пруссия! Ничего себе отмахал солдат. Пустись в прогулку в такой путь — не захочешь. А он с боями шел.

Теперь осталось шесть, всего шесть километров, и для него, считай, кончится война.

Вблизи что-то хлопнуло, не так уж сильно, но огонек в землянке заплясал. Похоже, спросонья фашист бросил мину.

Взглянул на часы. Стрелка показывала уже четыре. Значит, через час! Надо поднять радиста.

Окончание следует.

НОВЫЕ

ЗВЕЗДЫ

А мы шагаем дальше.
Мы есть.
Мы будем.
Дано такое право траве и людям.
И каждый, кто кончает свой путь
бессонный,
становится посмертно
звездой высокой...
На бруствере окопа солдат споткнется,
и сразу же над полем
звезда зажжется.
Она взойдет над миром светло и строго.
По ней усталый путник
найдет дорогу...
Горит закат вечерний.
Большой, как знамя.
И звезды невесомо встают над нами.
Они,
изведав счастье и боль изведав,
глядят глазами наших отцов и дедов.
Глядят, благословляя.
Плывут, алея.
И оттого на свете
нам жить светлее!

МОНОЛОГ ЦАРЯ ЗВЕРЕЙ

В катакомбах музея
пылится пастушья свирель,
бивень мамонта,
зуб кашалота
и прочие цацки...

Человек!
Ты послушай Царя
терпеливых зверей.
И прости, что слова мои
будут звучать
не по-царски.
Я —
последний из львов.
Но пускай за меня говорят —
лань
в объятьях капкана,
ползучего смога
громадность.
И дельфинья семья,
за которой неделю подряд
с вертолета охотился ты.
Чтоб развеяться малость.
Пусть тебе повстречается голубь,
хлебнувший отрав,
муравейник сожженный,
разрытые норы барсучьи,
оглушенная семга,
дрожащий от страха
жираф,
и подстреленный лебедь,
и чайки —
по горло в мазуте.
Пусть они голосят,
вопрошая карающий век.
Пусть они стороною обходят
любую машину...
Ты,
бесспорно, вершина природы,
мой брат, человек.
Только где и когда
ты встречал
без подножья вершину?..
Ты командуешь миром.
Пророчишь.
Стоишь у руля.
Ты — хозяин.
Мы спорить с тобой
не хотим и не можем.
Но без нас —
ты представь! —
разве будет землею
земля?
Но без нас —
ты пойми! —
разве море
останется морем?
Будут жить на бетонном безмолвьи
одни слизняки.
Океан разольется
огромной протухшею лужей!..
Я тебя не пугаю.
Но очень уж
сети крепки.
И растет скорострельность
твоих замечательных ружей.
Все твое на планете.
А нашего
нет ничего.
Так устроена жизнь.
Мы уже лишь на чучела
гожи.
Зоопарки твои превосходны.
Да жаль одного:
мы
в твоих зоопарках
давно на себя
не похожи...
Так устроена жизнь.
Мы поладить с тобой
не смогли.
Нашу поступь неслышную
тихие сумерки спрячут.
Мы уходим в историю
этой печальной земли.
Человечьи детеныши
вспомнят о нас.
И заплачут...
Мы
пушистые глыбы тепла.
Мы
живое зверье.
Может, правда, что день ото дня
мир
становится злее!..
Вот глядит на тебя
поредевшее царство мое.
Не мигая, глядит.
И почти ни о чем не жалея.
И совсем ничего не прося.
Ни за что не коря.
Видно, в хоботы, ласты и когти
судьба не дается...
Я
с седеющей гривы
срываю
корону Царя!
И реву от бессилья...
А что мне еще остается?

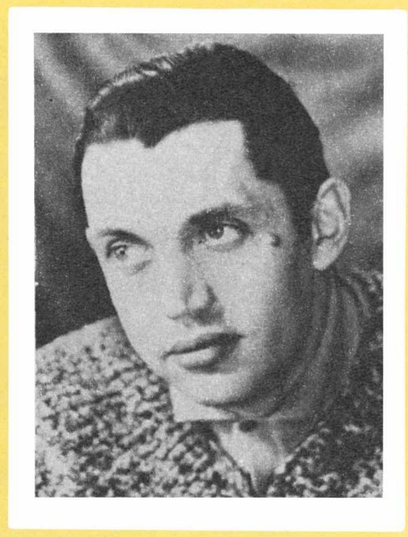
НА ВОКЗАЛЕ

Провожаний
немое кино.
Я устал от него,
от такого.
Полуобморочно,
бестолково
и безжалостно
длится оно.
Без конца продолжается мука.
Кто-то накрепко запер окно.
Вновь с перрона
ни крика,
ни звука,
лишь движенье.
Немое кино!..

Провожают кого-то
студенты

СТИХИ

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

разноцветной ватагой галчат.
В свитера по сезону одеты.
Что-то вечное, видно,
кричат...
Плачет женщина.
Снова и снова
заполняет тоскою вокзал.
Вижу слезы.
Не слышу ни слова.
И поэтому
верю
слезам...
Я уже уезжаю
с рожденья.
Даже, может,
уехал давно!..
Наказанье мое,
наважденье —
провожаний
немое
кино.

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Фигурное катание!
Цветная
чехарда.
Зазывное,
фатальное
похрустыванье льда...
К премьере
мир
готовится —
билетов
не проси...
И разговор о тодесе
ведет шофер такси.
Оценивает заново
пробежки
и витки...
Вновь
от тройного сальхова
бледнеют знатоки!
Преображаясь
в солнышко,
в метелицу,
в юлу —
опять
танцует Золушка
на сказочном балу.
Вникая в действо оное
четвертый час подряд,
сто миллионов
охают,
и только двое
спят...
Фигурное катание!
Стихающий
дворец.
Большое ожидание:
когда же,
наконец,
судейские горынычи
покажут в одночасье,
как попугаи рыночные —
билетики
со счастьем.

ИЕРОГЛИФЫ

С. В. Неверову.

Я в японский быт врастаю.
Интересный крест
несу.
В иероглифах
плутаю,
как в загадочном лесу.
Иероглифы приветствий,
поворотов головы.
Иероглифы созвездий.
И безмолвья.
И молвы.
И луна,
как иероглиф.
А вдали от городов
иероглифы вороньих
перепутанных следов...
Тучи с неба опустились.
Дождь со снегом пополам.
Иероглифы гостиниц.
Иероглифы реклам...

Я гляжу, вконец продрогнув,
рано
вынырнув
из сна,
на квадратный иероглиф
запотевшего окна.
Одеяла не помогут,—
натяни хоть до бровей.
За окном
покорно мокнут
иероглифы ветвей...
И, наверное, для драки
ждет у старого моста
иероглиф
злой собаки
иероглифа —
кота.

* * *

В. Овчинникову.

Не доставая до поручня,
протопотала японочка.
Эхом,
намеком,
смирением.
Вздохом.
Иным измерением.
Самым началом
движения.
Фразою
без продолжения.
Будто из отзвуков собрана.
Не рождена —
нарисована.
Даже
едва обозначена.
Легкою кисточкой.
Начерно.
Скрылась,
пропала,
растаяла...
Тень ощущенья
оставила.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВОСЬМОГО МАРТА

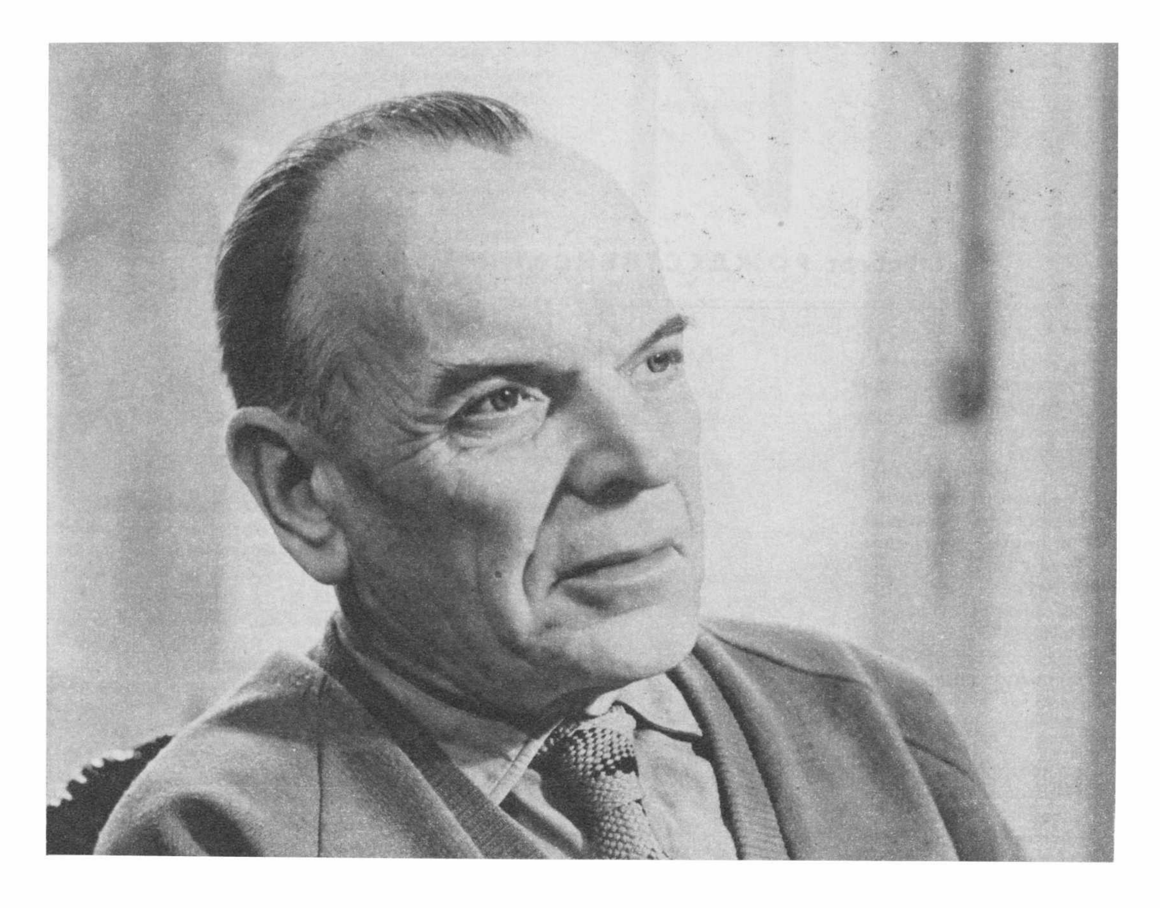
Все равно, что за снегом идти
в Африку,
а за новою книжкой стихов —
в мебельный
и уныло просить
со слезой в голосе
адрес господа бога
в бюро справочном,
все равно, что ругать океан
с берега
за его невниманье
к твоей личности,
все равно, что подснежник искать
осенью,
и, вздыхая, поминки справлять
загодя,
все равно, что костер разводить
в комнате,
а гнедого коня
в гараже требовать,
и упорно пытаться обнять
облако,
и картошку варить
в ледяной проруби,
все равно, что на суше
учить плаванью,
а увесистый камень
считать яблоком,
все равно, что от курицы
ждать лебедя,—
так однажды решить,
будто ты
полностью
разбираешься
в женском
характере!

* * *

Человеку надо мало:
чтоб искал
и находил.
Чтоб имелись для начала
друг —
один
и враг —
один...
Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете
мама.
Сколько нужно ей,
жила...
Человеку надо мало:
после грома
тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь —
одну.
И смерть —
одну.
Утром свежую газету —
с Человечеством родство.
И всего одну планету:
Землю!
Только и всего.
И —
межзвездную дорогу
да мечту о скоростях.
Это, в сущности,
не много.
Это, в общем-то,
пустяк.
Невеликая награда.
Невысокий пьедестал...

Человеку
мало
надо.
Лишь бы кто-то дома
ждал.

...И СЛЫШИТСЯ ЕГО

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Алексей ИОНОВ

Фото И. Тункеля.

Вспоминаю: в мои руки впервые попала книга «Золотая роза». Я прочел в ней главу о родном городе Ливны, словно наяву увидел упоминаемые в ней дремотные улицы, мощенные каменными плитами, услышал сиротливые гудки одинокого паровоза на железнодорожной станции, прошел на полоненный сиренью обрыв в городском саду, у слияния струистой на перекатах Ливенки и спокойно несущей свои воды в ложе девонских известняков Сосны, и долго смотрел в неоглядные заречные дали. Растревоженная память повела меня затем в разливы атласно шелестящей ржи, в березовые перелески, на пустынные проселки родимого края...

После этого я перечитал все написанное Константином Паустовским от первой до последней страницы и написал о нем очерк, который появился в моем сборнике «О писателях и книгах», а в канун 1965 года румяная от мороза девчушка принесла мне телеграммы. В одной из них, кроме добрых новогодних пожеланий, содержалась похвала моему очерку и благодарность. Это была телеграмма от Паустовских.

Приехав вскоре в Москву, я позвонил на квартиру писателя. Ответила мне его жена, Татьяна Алексеевна.

— Вы знаете, что Константин Георгиевич болен?

Да, об этом я знал, знал из его же книг. Но сейчас, оказывается, его подкосила не астма, терзавшая его многие годы, а вторичный инфаркт. Этот грозный недуг привел его сначала в больницу, а затем в кардиологический санаторий «Пушкино» в Подмосковье.

— Вам, наверное, хотелось бы повидаться с ним? — неожиданно спросила Татьяна Алексеевна.— У меня как раз есть машина, и я могу заехать за вами.

Итак, встреча может состояться сегодня же. Но позволительно ли докучать больному человеку?

Нет, я не мог принять это приглашение.

Однако на другой день Татьяна Алексеевна сообщила, что Паустовскому известно о моем приезде и он хотел бы меня видеть.

В Пушкино я приехал в полдень. В обширной усадьбе санатория веяло предвестьем весны. Под сумрачными елями еще синел снег, но у комлей берез он обтаял и покрылся ледком. На карнизе дома радужным семицветьем полыхали сосульки. Пахло талым снегом и хвоей.

Паустовские в этот час были на прогулке, но ждать их пришлось недолго. Из вестибюля я увидел в окно, как в березовой аллее по торной стежке в сопровождении жены тихонько шел, опираясь на толстую палку, Константин Георгиевич Паустовский. Он был в зимнем пальто и мохнатом треухе. Войдя в вестибюль, он снял шапку, стряхнул с нее искры снежинок, потом переложил из руки в руку палку, вскинул голову и поздоровался со мною. Рука у него, хоть он и гулял без перчаток, была сухая и теплая.

Ему помогли снять пальто, оставив его в шерстяной вязаной фуфайке. Константин Георгиевич выглядел не таким, каким я привык видеть его на снимках. Его лицо утратило былые аскетические черты, стало полным и бледным, лоб старили глубокие морщины, на переносье лежала скорбная складка. Он сел на диван, вытянул перед собою ноги в башмаках с толстенными подошвами и с полминуты рассматривал меня сосредоточенно, молча.

— Вы, кажется, жили в Ливнах? — спросил он, комкая в узловатых пальцах носовой платок. Голос у него был тихий, хрипловатый.— Мне иногда случалось встречаться с вашими земляками за границей. Прошлым летом был я в Париже. На одном литературном вечере окружили меня русские эмигранты. Купили мои книги и просят надписать. Спрашиваю у одного, откуда он родом. Оказалось, из Ливен. Очень занятный человек. Шил сапоги — и расхожие и для сцены — самому Шаляпину. Потрафить вкусам Федора Иваныча — это, знаете ли, не шутка, но он других сапожников не признавал, а этот всегда умел ему угодить. Заговорил со мною — страшно разволновался, слова вымолвить не может. Вот она, ностальгия-то... Настоящая болезнь.

Появилась Татьяна Алексеевна и пригласила нас к столу.

Я отнекивался, уверяя, что и завтракал недавно и обедать привык позднее, но... пришлось повиноваться.

За столом разговор коснулся жизни в Тарусе, и Константин Георгиевич, вяло, безразлично помешивая ложкой в тарелке, рассказывал, чуть хмурясь:

— Летом нас одолевают экскурсии. Мы живем там в небольшом домике. Смотришь, подходят толпою и требуют, чтоб их пустили в дом и чтобы я вышел к ним для беседы. Татьяна Алексеевна начинает объяснять, что я занят работой. Тогда экскурсовод, дерзкая такая девчонка, бросает с вызовом: «А нам какое дело, что занят? Зачем же в путеводителе написали, что в Тарусе живет известный писатель Паустовский?» Оказывается, какие-то умники действительно составили путеводитель-справочник по Подмосковью и, как на грех, помянули там мое имя. И вот барышня ведет туристов и тараторит: «В нашем городе жил знаменитый художник Поленов. Его могила неподалеку». Идет дальше и продолжает заученно: «Жил тут и знаменитый художник Борисов-Мусатов. Вот тут он похоронен». А потом, раз уж от нее требует путеводитель, говорит: «Каждое лето сюда приезжает писатель Паустовский. («Этот пока жив...» — вставил Константин Георгиевич с усмешкой.) Вот его дом».— Меня это возмущает,— мрачно сказал Паустовский.— Идут, как на какое-то поклонение. Что я, Толстой, что ли? Зачем это нужно?! Жизни нету...

Минут через десять мы поднялись на второй этаж, в просторную двухкомнатную палату. В первой комнате на столике у окна стояла пишущая машинка, приготовленная для работы, на другом столе — высокая, наполненная апельсинами и яблоками хрустальная ваза, а в стакане тонкого стекла благоухали карминные розы.

Беседа возобновилась. Я попросил Константина Георгиевича уточнить, в каком году он жил в Ливнах, там, где у него возник замысел повести о Кара-Бугазе. Избочив голову, он полистал толстую, кажется, гектографированную рукопись, посматривая в нее искоса, с прищуром. Меня удивило, что в свои 72 года он читает без очков, хотя тут же их лежало двое.

— Там я был в тридцать первом году,— ска-

зал Паустовский.— Поселился сначала у реки, а позже перебрался ближе к станции, в дом Нины Дмитриевны Нацкой. У нее и отец был врачом, и сама она работала в железнодорожной больнице. Оттуда я, помнится, хаживал в лесок, но вот, как он назывался, не помню.

— Наверное, Липовчик,— сказал я, уносясь мыслями в родной город.— Это за рекой, за слободой Беломестной. Других лесов там не было.

— Да-да,— вспомнил Паустовский обрадованно.— Точно: Липовчик, уютный такой лесок. Там не было ни родничка, ни колодца, но было много свежей травы, цветов и птиц. И удивительный покой, тишина. Мне нравилось там отдыхать.

О Ливнах можно говорить часами. Мы вспомнили кое-кого из его замечательных уроженцев, потом — писателей-орловцев, в частности Ивана Бунина. Откинувшись к спинке кресла — в таком положении ему легче было дышать,— Константин Георгиевич спросил:

— Не читали его «Дневники»? Больно читать эту книгу. Могучий художник, стилист неподражаемый — и вдруг такая ярая злоба, такое антисоветское ворчание. Как можно — одновременно и любить и поносить родину? Я не могу этого понять. Это стариковское брюзжание надо было навсегда оставить в архиве. Правда, в дни Отечественной войны и в последние годы жизни Иван Алексеевич изменил свое отношение к Советской стране. На даче, в небольшом домике, который он арендовал в Грассе, он давал приют антифашистам, ничего не боялся. Ужасно тосковал по России...

Говорил Константин Георгиевич сдержанно и тихо, не употребляя гремучих эпитетов. В конце каждой фразы его голос спадал до шепота. Нередко, стараясь точно выразить мысль и ища нужное слово, он беспокойно перебирал пальцами, привыкшими постоянно находиться в работе.

— Что вы теперь пишете? — спросил Паустовский.

Я сказал.

— И велика вещь?

— Думаю, листов пятнадцать.

— Пятнадцать? — переспросил Паустовский, как мне показалось, с оттенком порицания.— А мне никак не удается написать больше одиннадцати. Прямо какое-то заклятое число: одиннадцать, и хоть ты что! А как перешагну на двенадцатый, не могу написать ни строчки.

Еще по дороге в Пушкино я решил посоветоваться с К. Г. Паустовским, где лучше жить писателю: в провинции или в столице? Теперь я сказал ему, что мне не раз представлялась возможность переехать в Москву, поближе к издательствам и редакциям журналов, но я этим пренебрег и, наверное, ошибся.

— Москва, Москва...— заметил Паустовский со вздохом.— Писатель должен жить там, где ему хорошо работается. Что вам — плохо пишется в Донбассе?

Я сказал, что там, конечно, пишется помаленьку, там есть о чем писать. Но вот выходят в Донецке книги, а газеты и журналы их не замечают. Писатели, художники, артисты уезжают в Киев и Москву...

— Нет,— твердо сказал Паустовский,— я бы не советовал вам стремиться в столицу. Читателям ведь совершенно безразлично, где живет писатель: в Москве или в Калуге, им нужно только одно — хорошие книжки.

...Беседа длилась уже три часа. Я поднялся, чтобы наконец-то распрощаться... В шумной подмосковной электричке я вынул из кармана записную книжку и, привалясь к стенке вагона, торопился набросать отчетливо запомнившиеся впечатления уходящего дня, сохранить живую душу рассказанного Паустовским. Мне и тут все еще слышался его тихий, хрипловатый голос.

«РАБОТА НУЖНА ДЛЯ АФРИКИ»

Выпускников Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы можно встретить сегодня во многих странах мира. Немало научных работников подготовил университет для развивающихся стран. С каждым годом его аспирантуру оканчивает все больше представителей стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Каждый выпуск аспирантуры — праздник для всего университета. Обычно зал, где проходит защита, до отказа заполняют студенты, преподаватели, коллеги диссертанта. Так было и на этот раз. На суд ученого совета историко-филологического факультета и общественности была вынесена работа «ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗРЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН АФРИКИ». Привлекало внимание все: тема, которая, по словам африканских аспирантов, принявших наиболее активное участие в обсуждении, затронула одну из самых жгучих проблем их континента; тот факт, что защита проходила в год, когда советские люди и все прогрессивное человечество отмечают 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик; наконец, сам диссертант, молодой нигериец Асимию Аджао Сануси.

Сануси родился в крестьянской семье в деревне Егбеда, в 12 километрах от Ибадана, второго по значению города в стране. С большим трудом (ведь в Нигерии до сих пор три четверти населения неграмотно) Асимию удалось окончить среднюю школу, а затем педагогический колледж.

Одна из самых богатых стран континента, занимающая в Африке первое место по численности населения, родина древней, самобытной культуры, Нигерия за годы хозяйничанья колонизаторов была превращена в аграрно-сырьевой придаток Великобритании. Колонизаторы не только хищнически грабили страну, они сделали все возможное, чтобы нарушить естественный процесс развития народностей, живущих на территории нынешней Нигерии. Опираясь на пресловутую концепцию «разделяй и властвуй», колонизаторы расчленили веками сложившиеся этнические группы. Это породило неустойчивость и напряженность на континенте, межнациональные противоречия.

В Нигерии население говорит более чем на 25 языках. Основные народности — хауса, фульбе, ибо, иджо, йоруба... К последней принадлежит Асимию Сануси. С 1960 года за сравнительно недолгий путь независимого развития страну неоднократно потрясали государственные перевороты. Но Нигерии удалось сохранить единство и тем самым независимость.

Асимию Сануси окончил Университет дружбы народов и продолжил учебу в аспирантуре. Молодой историк хотел знать, как будет складываться дальше судьба его народа. Опыт Нигерии и других стран африканского континента убеждал, что путь к прогрессу возможен лишь при условии единого, независимого государства.

Асимию берется за изучение опыта, показывающего разрешение национального вопроса в СССР. Молодой ученый тщательно исследует такие вопросы, как ликвидация национального гнета в результате победы социалистической революции, выравнивание уровней социально-экономического развития наций и народностей.

Автор показывает, что народы России пришли к социалистической революции, обладая различными общественно-экономическими укладами и историческими формами этнической общности людей. Одни шли к социализму непосредственно от капитализма, другие — от феодализма, а третьи — от дофеодальных патриархально-родовых отношений. Если одним народностям России предстояло перейти к социализму, минуя одну стадию исторического развития, то другим нужно было перескочить через две стадии развития — феодализм и капитализм. Социализм привел все народы Советского Союза к расцвету.

Наиболее полно Асимию Сануси изучает опыт Советского Дагестана, который, по его мнению, является убедительным примером того, как можно преодолеть трудности при решении этнических и языковых проблем.

Основное внимание А. Сануси уделил изучению трудов творца теории и политики по национальному вопросу В. И. Ленина.

Исследуя большой фактический материал, нигерийский ученый приходит к выводу, что опыт СССР имеет огромное значение для народов Азии, Африки и Латинской Америки, вставших на путь освобождения и самостоятельного государственного развития.

«Я понимаю,— говорит Асимию,— что нельзя механически переносить этот опыт в развивающиеся страны. Но, бесспорно, универсальное значение имеют важнейшие общие закономерности, а также научная теория, правильность и жизненность которой подтверждены полувековым развитием Советского государства».

Завершен многолетний труд, который, бесспорно, станет в ряд наиболее серьезных работ, рассматривающих опыт социалистической страны применительно к нуждам и задачам стран, вставших на путь самостоятельного развития.

А. Сануси счастлив и горд похвалами друзей, оппонентов, научного руководителя. У всех сложилось единое мнение: «Работа нужна для Африки».

— Какие у вас планы на будущее? — спросил я у Сануси.

— Прежде всего поеду к себе в деревню. Затем, вероятно, буду работать в одном из университетов Нигерии, продолжу исследование начатой проблемы и буду учить тех, кто еще только начинает процесс познания. Нам многое еще нужно решить в Африке, а для этого необходимы свои грамотные специалисты.

П. РЕШЕТОВ, доцент, кандидат исторических наук

Асимию Сануси (в центре) принимает поздравления друзей.

Борис МОЗОЛЕВСКИЙ,
начальник Орджоникидзевской экспедиции Института археологии Академии наук УССР

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО и Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Раскопки Толстой Могилы, этой девятиметровой горы, стоявшей у города Орджоникидзе на Днепровщине, начались в марте. В кюветах вдоль железной дороги еще белел сыроватый снег, и бульдозер едва взобрался на раскисшую насыпь.

Еще в феврале, под леденящим ветром, вопреки всем надеждам на успех, я пробурил курган и окончательно убедился, что он скифский.

И вот теперь совершенно неожиданно на меня свалилась возможность начать раскопки. В марте на несколько дней случайно освобождалась землеройная техника в горно-обогатительном комбинате, на землях которого стоял курган, и ее предложили для снятия насыпи Толстой Могилы. Раздумывать не приходилось, хотя в этот момент в Орджоникидзе я оказался совсем один, без экспедиции, без помощников.

На восходе солнца я был на кургане. Оглушая степь, к нему уже двигалась бригада скреперов и бульдозеров.

Перед нами чернела гора, тысячелетия немо хранившая свои тайны, гора, под которой во всем своем блеске, со свитой и табунами (а вдруг могила разграблена!), лежали могущественные властители древности, от взгляда которых дрожали тысячи и миллионы...

Две недели подряд я поднимался в 5.30 и по 16 часов ежедневно, без отдыха и выходных, до ломоты в глазах вглядывался в землю, стараясь прочесть каждый ее комок, орудовал лопатой и ножом, чистил и замерял, снова все бросал и бежал от скрепера к скреперу, умудряясь найти еще время для чертежей и описаний. Вскоре ко мне присоединился Саша Загребельный, недавно демобилизовавшийся из армии. Мы возвращались с ним около 12 ночи в гостиницу, окоченевшие и оглохшие от рева машин, пропыленные, и, даже не умываясь, замертво падали в постель, чтобы завтра снова продолжить поединок с вечностью.

Сначала мы разрезали курган пополам, чтобы «прочитать» его стратиграфию. Больше всего мне было жаль, что ни один археолог не смог увидеть этого дивного зрелища девятиметровой земляной стены, ибо мы тут же начали снимать вторую половину насыпи. В один из дней, уже совсем под вечер, в юго-западном секторе кургана под ножом скрепера что-то сверкнуло — была задета одна из верхних блях большого комплекта бронзовых украшений погребальной упряжки и кортежа, принадлежавших, как выяснилось потом, царице Толстой Могилы. Нам удалось расчистить весь набор в том виде, в каком он был положен в курган. В эту ночь мы возвращались в гостиницу с двумя огромными ящиками высокохудожественных скифских бронз, и воображение уже рисовало дальнейшую картину погребальной обстановки...

Могильных пятен было так много, что захватывало дух. Два больших пятна в юго-западном секторе и под центром кургана, безусловно, принадлежали боковой и основной могилам. Возле последней в строгом порядке были расположены пять пятен, в которых я предположил погребения коней и конюших. К северо-западу от основной гробницы находилось еще одно пятно — самое неприятное, ибо именно из подобных пятен чаще всего начинались грабительские лазы в других курганах, приводившие к опустошительному разорению всех могил.

А тайна была уже так близка, что удержаться от соблазна тут же приступить хотя бы к расчистке конских могил было почти невозможно. Но начинать ее без экспедиции — значило бы погубить все дело. Скрепя сердце мы снова засыпали пятна землей...

* * *

Работы на кургане были возобновлены только в конце апреля. Коллектив экспедиции подобрался дружный: мой старый товарищ Евгений Васильевич Черненко, опытные лаборанты Наташа Зарайская и Гена Евдокимов. Еще с прошлого года к экспедиции «прижились» местные орджоникидзевские ребята Володя Коптев и Сергей Павлов. К ним присоединились в этом году Валя Белый и Люда Гогун. Основные земляные и крепежные работы взяла на себя бригада шахтеров Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината во главе с горным мастером Витей Степановым.

В напряженном, почти круглосуточном труде прошло около месяца. Я свято верил, что в кургане будут найдены необыкновенные вещи. Поэтому, когда в один страшный день было обнаружено, что в гробницу сбоку ведет заполненный черноземом ход, так хорошо известный сотням исследователей ограбленных скифских могил, земля и небо перед моими глазами поменялись местами.

Когда экспедиция уехала отдыхать, я снова спустился в гробницу и тыкался по ней до тех пор, пока в одной из стен не обнаружил вход в хозяйственную нишу, в глубине которой лежали явно не потревоженные никем кости от жертвенной пищи и бронзовая посуда. Конечно, это еще не могло быть свидетельством целости склепа, но вера моя окрепла. И когда на следующий день добрый наш гений, директор Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината, взявший на себя полное обеспечение работ всем необходимым, Григорий Лукич Середа стал подшучивать, что могила, дескать, ограблена и ждать от нее нечего, я взял нож и, к общему изумлению всех присутствующих, достал со дна гробницы горсть золотых бляшек...

* * *

В гробнице лежала молодая царственная скифянка. Все ее одежды — и платья, и головной убор, и покрывала, и башмачки — были расшиты орнаментированными золотыми пластинами. Из золота было изготовлено и все убранство женщины. Шею ее украшала массивная литая гривна с четырнадцатью фигурками львов, охотившихся за оленями, виски — крупные золотые подвески с изображением сидящей на троне

Золотая пектораль.

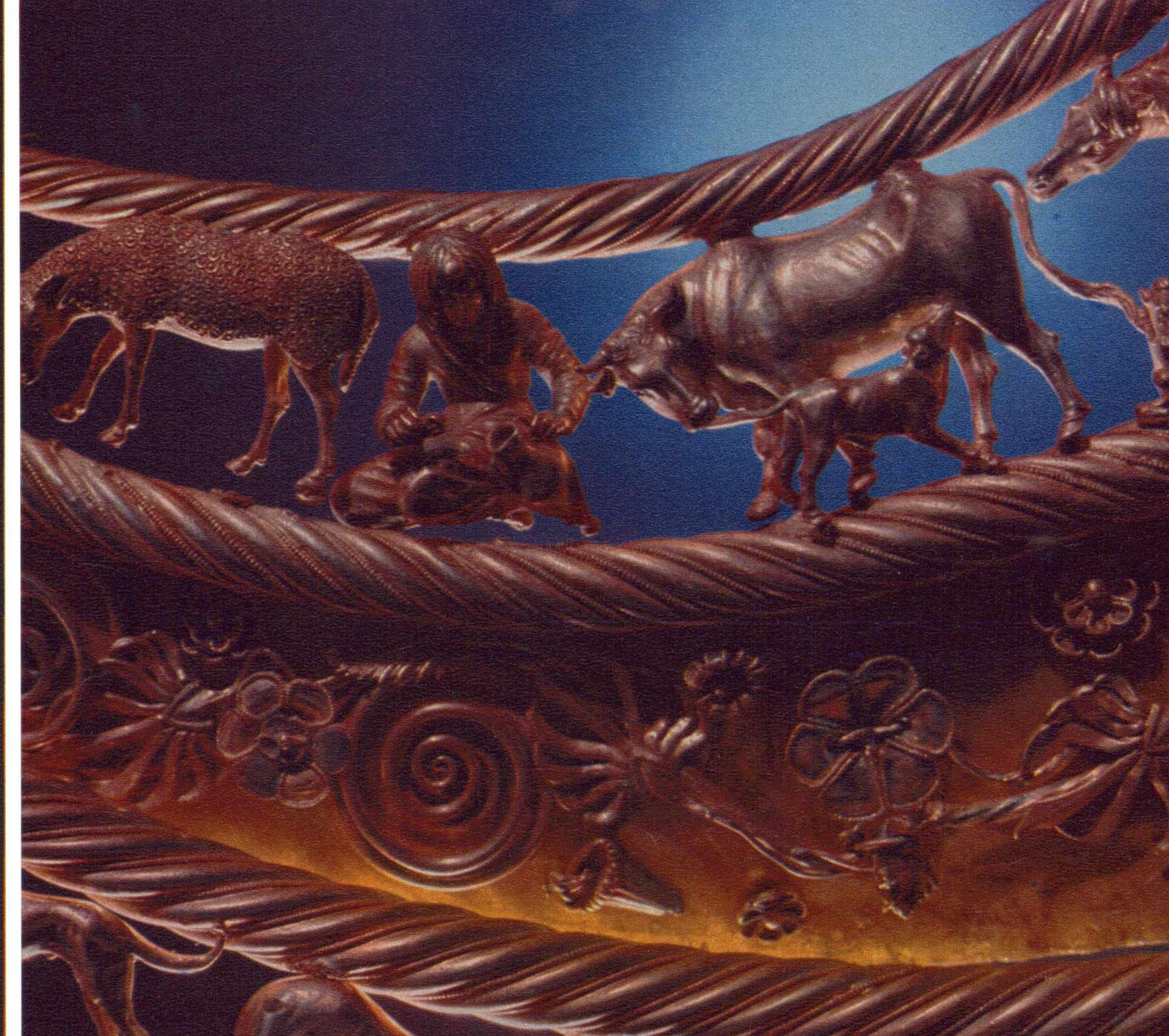
Фрагмент пекторали.

На развороте вкладки:

Расчистка погребения слуги. На переднем плане — глыба глины с отпечатком колеса.

Нашивные золотые бляшки с одежды.

ВСЕ СИЯНИЕ СКИФСКОГО ЗОЛОТА

богини, запястья — три широких золотых браслета и перевязи из бус, пальцы — одиннадцать перстней. По количеству золота это самый богатый скифский наряд из сохранившихся целыми погребений Нижнего Поднепровья.

Рядом с женщиной в отделанном алебастром саркофаге был похоронен ее ребенок. Такого богатого, как на нем, наряда также не видел ни один археолог. Но главное — рядом с ребенком в саркофаге найдены все атрибуты царской власти: три драгоценных сосуда для питья вина и золотой браслет в руке. Ребенок умер позже матери. Чтобы внести его в гробницу, и был сооружен второй ход, принесший нам столько сомнений и разочарований.

Царственных покойников на тот свет сопровождали четверо насильственно умерщвленных слуг. У входов в гробницу лежали части разобранных погребальных колесниц. Все находилось в первозданном порядке — спустя 2 300 лет после погребения мы пришли в могилу первыми. Однако подлинная сенсация была еще впереди.

В центральную гробницу вел почти двадцатипятиметровый ход, сделанный грабителями, к этому времени он уже в значительной части был расчищен. По нему валялись разрозненные человеческие кости, обломки посуды и панциря, отдельные золотые бляшки...

В двух конских могилах, относящихся к центральному погребению, лежало шестеро коней в золотых и серебряных уздечных уборах. С ними в отдельных могилах были похоронены трое конюших. У главного из них на шее была золотая гривна. Большое количество коней в курганах степной Скифии встречалось лишь трижды. Подобное же обилие человеческих жертвоприношений характерно только для Толстой Могилы.

Мы начали раскопки рва, окружавшего курган. Он оказался забитым остатками тризны — обломками амфор для вина, костями лошадей, диких кабанов, оленей. По минимальным расчетам, в тризне могли принять участие около 2,5 тысячи человек. Изучение же костей из рва и центральной могилы позволило зоологам выдвинуть мнение, что похороны были осенью.

Расчистку дна гробницы мы начали 21 июня. У входа в нее лежал костяк еще одного слуги, остатки колесницы, бронзовая и глиняная посуда. В склепе среди глиняной жижи валялись разрозненные кости человеческого скелета, обломки оружия, панциря, амфор, поясов, булавы, золотые царские украшения (сейчас их насчитано свыше 600). А в десяти сантиметрах от того места, где орудовали грабители, у самого спуска в склеп, на своем месте остались самые дорогие, очевидно, парадные вещи покойника: обложенный золотом меч, золотые украшения бунчука и большое нагрудное украшение — золотая царская пектораль. Моя фантазия оказалась слишком бедной, чтобы представить что-либо подобное до этой находки. Теперь, когда все уже позади, и могилы забиты, легче поверить в привидения, чем в то, что грабители действительно могли пропустить такое сокровище.

* * *

Пектораль снова передо мной — настоящая, золотая, весомая (1 150 граммов). Все ее поле толстыми, но изящными жгутами разделено на три месяцеподобных яруса. Нижний и верхний из них заполнены скульптурными композициями, средний — орнаментом в виде растений.

В центре нижнего яруса — три сцены терзания коня напавшими на него грифонами. Самая трагическая из них помещена посредине — боли и отчаяния, написанных здесь на лице коня (я никак не решусь назвать его мордой), хватило бы, чтобы затопить весь мир. Дальше за грифонами — схватка дикого кабана и оленя с леопардом и львом, а в самом конце — погоня собаки за зайцем, перед которым, как вечные символы покоя и тишины, сидят обращенные друг к другу кузнечики. Завершая композицию идейно и стилистически, они вместе с тем служат естественным переходом к среднему поясу изображений, на котором воплощено праздничное сияние живой природы. Оба пояса связаны в единое композиционное целое, создающее могущественную панораму мира.

На золотой пластине среднего яруса — буйство царства растений. Среди этого дивного цветосплетения побегов, пальметок, розеток, листьев, как пять капель росы — пять непринужденных фигурок птиц, создающих настроение утренней тишины, пронизанной первыми солнечными лучами.

Связываясь с нижним поясом в единую картину, средний ярус составляет замечательную ритмическую перебивку между поданными крупным планом изображениями нижнего и верхнего поясов, соединяя все произведение в развернутую симфоническую поэму о жизни в представлениях скифского общества.

Композиция верхнего яруса является гимном человеческой жизни. В центре ее двое обнаженных до пояса мужчин, отложив гориты с луками, шьют меховое одеяние. Слева и справа от них — спокойно стоящие домашние животные и двое юношей, занятые доением овец. Картина завершается изображением летящих в разные стороны птиц, создающих впечатление законченности композиции и беспредельности мира.

Лепка образов достигает здесь высшей степени пластичности. Совершенство пропорций, исключительная красота и естественность движений поднимают каждую фигуру до уровня шедевра скульптуры. Удивительна пластически-эмоциональная уравновешенность композиций и всего произведения в целом. Безымянный автор пекторали, несомненно, использовал все достижения высокой греческой классики, соединив ее с своеобразным искусством скифов, взращенных в бескрайних причерноморских степях. Вот почему мы с полной ответственностью можем называть пектораль шедевром скифо-античного народного гения.

Композиция произведения, безусловно, имеет сложное символическое значение. Автором владело прямое или подспудное стремление передать философскую картину современного ему мира. Впервые на ритуальной царской вещи мы видим не батальные сцены, не знатное воинство, а приземленный, но гармонический быт. И что иное, как не сцену братания двух племен, хотел выразить художник центральной сценой верхнего пояса! И лица и прически мужчин здесь настолько разные, что трудно предполагать в них только индивидуальную несхожесть, скорее, она результат этнической разнородности. Гордые лица выдают в мастерах царей. Рубашка у них, как судьба, на двоих одна. Оружие их — в стороне. Вокруг них — мирный быт кочевой общины. Мысль автора закончена, и поставлена последняя точка. Если на нижних поясах композиции теза и антитеза, то здесь — их синтез, заключающий в себе высший апофеоз бытия.

* * *

Подобного чуда скифоведение еще не знало. Подобного кургана, очевидно, тоже. Как в капле росы, в нем отразился весь блеск, все сияние скифского золота. Его найдено здесь на целый килограмм больше, чем в самом богатом до этого скифском кургане Куль-Оба (3,5 килограмма). Но дело, конечно же, не в килограммах, а в той неповторимой исторической информации, которую дает каждая вещь в кургане, в немеркнущей художественной ценности лучших его находок.

Слева направо: золотые бляшки налучия; конский наносник (серебро с позолотой); фрагмент меча в золотых ножнах; золотые браслеты; золотые подвески из погребения женщины; реконструкция головного убора с подвесками и гривной.

II. НА ДОРОГАХ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Известия о победе Великой Октябрьской социалистической революции, потрясшие весь мир, мгновенно дошли и до Швейцарии. Мария Александровна Денисова училась в это время в Женеве на III курсе художественной академии.

Вокруг маленькой нейтральной Швейцарии, находившейся вне империалистической войны, гремели пушки, но здесь было тихо. В те годы сюда из воюющих стран бежало много молодежи, не желавшей участвовать в кровавой бойне. «У этой молодежи,— писала Надежда Константиновна Крупская,— само собой, настроение было революционное».

Этому в большой мере способствовало также и то обстоятельство, что в связи с войной в Швейцарию из Парижа был перенесен центр большевистских групп, так называемый Комитет заграничных организаций. Здесь же, в Швейцарии, находился и Владимир Ильич Ленин.

Владимир Ильич часто выступал с докладами и рефератами в Женеве, Лозанне и других городах. Все его выступления неизменно вызывали огромный интерес среди обширной политической эмиграции. «Никогда лекции и доклады лидеров других партий не привлекали такой большой аудитории и не вызывали такой активности ее, как выступления Ленина»,— читаем мы в воспоминаниях Р. Б. Харитоновой, бывшей тогда членом цюрихской секции большевиков.

Мария Александровна Денисова, жившая сначала в Лозанне, а с осени 1916 года в Женеве, оказалась в самой гуще революционно настроенной молодежи. Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют о том, что она как в Лозанне, так и в Женеве активно посещала собрания русских политэмигрантов в Maison du Peuple (Народном доме) и, как она впоследствии вспоминала, видела В. И. Ленина, слушала его речи.

В годы войны не только в России, но и за границей, в том числе в Швейцарии, прогрессивно настроенная интеллигенция чутко прислушивалась также к пламенному голосу М. Горького, звучавшему со страниц издаваемого в Петрограде журнала «Летопись». Это, в частности, отмечает в своей дневниковой записи Р. Роллан, об этом же сообщала итальянская газета «Аванти» в статье «Партии и тенденции в России». «Крупнейшую роль,— отмечала газета,— играет журнал «Летопись», основанный М. Горьким. Журнал этот пользуется громадным успехом среди рабочих и социалистической интеллигенции, являясь одним из самых распространенных русских журналов».

В этом журнале принимал участие В. Маяковский. Горький считал

Несколько ее работ были быстро проданы, и вырученные деньги поступили в русские эмигрантские кассы.

Для людей, знавших Марию Александровну, в этом ее благородном и бескорыстном поступке не было ничего необычного. «Она никогда не жила для себя,— рассказывает о Марии Александровне сестра известного командарма Щаденко Евдокия Афанасьевна.— Зная ее много лет, я неоднократно убеждалась, что близким ей людям она могла отдать последний кусок хлеба, лучшее свое платье, последние деньги... Это была удивительной доброты и честного отношения к людям женщина».

Будучи студенткой женевской Академии живописи, Мария Александровна побывала в Италии и Греции, изучала памятники архитектуры, скульптуры и живописи древних мастеров. Но ни Италия, ни Греция, ни прекрасные окрестности Женевского озера не могли заглушить в ней тоски по России, где совершалась революция. Несмотря на заманчивые перспективы учебы в Женеве, она сразу же после Октябрьской революции стала хлопотать о выезде на Родину. Наконец в 1918 году вместе с маленькой дочерью она покинула Швейцарию. В противоположность Марии, которая всем сердцем рвалась в революционную Россию, ее муж не спешил, словно выжидая иного поворота событий. Отъезд Марии из Швейцарии означал окончательный ее разрыв с человеком, которого она в свое время опрометчиво предпочла Маяковскому.

...Февраль 1919 года. Морозный, солнечный. Необычайный вид Москвы: закрытые магазины, забитые досками витрины. На улицах высокие валы обледенелого снега. Изредка пройдет трамвай, еще реже промелькнет легковая машина. Москва — холодная и голодная. По карточкам — 100 граммов ржаного хлеба, в столовых — скверные обеды. Всюду чувствовались озабоченность и тревога. На Москву с нарастающей быстротой надвигались войска контрреволюции. Назревал решительный момент гражданской войны.

«Смерть или победа!», «Все для фронта!», «Все для победы!» — кричали большие плакаты на улицах. Эти лозунги звучали на митингах и со страниц газет.

Такой, вернувшись из Швейцарии, увидела Москву Мария Денисова. Измученная голодом и холодом, она, однако, не теряла веры в победу революционной России и расцвет нового искусства. Сохранилось заявление, написанное ею в марте 1919 года: «Уполномоченному Народного комиссара по просвещению... от Марии Александровны Денисовой. Настоящим заявляю, что я желаю заниматься живописью и скульптурой и изучать анатомию. Жительство имею: Москва, Хохловский пер., 13, общежитие Всероссийского производственного союза рабочих бумажной промышленности...»

Вл. ВОРОНЦОВ,
Вл. МАКАРОВ

Русская

обязательным «вырвать» в большую литературу молодого поэта, советовал «печатать Маяковского в «Летописи»,— писал в своих воспоминаниях А. Н. Тихонов (Серебров). В №№ 2—4 журнала за 1917 год была опубликована пятая часть поэмы Маяковского «Война и мир», в седьмой-восьмой книге «Летописи» за этот же год появился пролог этой поэмы.

Находясь на чужбине, Мария живо интересовалась сведениями из России. И можно смело предположить, что ей были известны не только опубликованные в «Летописи» части поэмы Маяковского, но и напечатанная с ведома Горького статья «Поэзия и поэтика» Д. Выгодского (№ 1, 1917 год), где критик, выделяя Маяковского, отметил его книгу «Простое как мычание» (1916 год) как «наиболее замечательное явление», оценивал молодого Маяковского как значительного поэта в современной поэзии, чутко и остро выражающего настроения «поднимающихся к протесту миллионов».

Политэмигрантам жилось в Швейцарии далеко не сладко. Из многочисленных источников известно, что материальное положение русских политэмигрантов, особенно большевиков, в годы войны было крайне трудным. На «хроническое безденежье» сетовал В. А. Карпинский. По словам Н. К. Крупской, «выворачивались всячески, чтобы достать денег». Надежда Константиновна с горечью сообщала в одном из своих писем в октябре 1915 года, что приходится высчитывать каждый грош для издания центрального органа партии «Социал-демократ» и работ В. И. Ленина.

В этой связи как-то по-особому выглядит помощь, которую оказывала политэмигрантам крестьянка по рождению, студентка по положению, скульптор по призванию Мария Александровна Денисова.

Сама испытывая материальные затруднения, особенно после того, как в январе 1916 года у нее родилась дочь, Мария Александровна в меру своих сил стремилась помочь единомышленникам. Она участвует в женевских и лозаннских выставках Красного Креста, организованных в целях оказания поддержки политэмигрантам.

Просьба Денисовой была удовлетворена, ее зачислили в мастерскую замечательного советского скульптора С. Т. Коненкова, но учиться ей пришлось недолго. Враг все ближе и ближе подходил к Москве.

«Свинцовый льется на нас кипяток,— писал впоследствии об этом моменте революции Маяковский.— Одни мы — и спрятаться негде...».

> Посреди
> винтовок
> и орудий голосища
> Москва —
> островком,
> и мы на островке.
> Мы —
> голодные,
> мы —
> нищие,
> с Лениным в башке
> и с наганом в руке.

Мария Денисова принимает решение: оставить свою двухлетнюю дочку у знакомых и идти на фронт. Она сражается сначала в составе одной из частей Красной Армии, а затем тесно связывает свою судьбу с легендарной красной конницей.

На фронте Мария Александровна познакомилась с выдающимся военачальником Ефимом Афанасьевичем Щаденко, с которым она и соединяет свою судьбу на всю жизнь: вместе воевали против белогвардейцев и интервентов, вместе боролись за упрочение Страны Советов, отдавали все силы великому делу — строительству социализма.

«Участвовала в гражданской войне, в обороне Страны Советов,— рассказывала она,— с 1919 года до апреля 1921 года — в Первой и Второй Конармии (борьба с бандитизмом, агитация и пропаганда)».

«т. Денисова-Щаденко Мария Александровна (скульптор) была с декабря 1919 г. зав. Художественной секцией при Культпросвете Политотдела 1-й Конной армии, а затем в Управлении формирования Конной армии. Всего с декабря 1919 года по октябрь 1920 года»,— говорится в документе, подписанном секретарем Реввоенсовета С. Н. Орловским.

Политотдел Первой Конной, ее комиссары, политработники сыграли огромную роль в создании сильной духом и революционной дисцип-

---

Окончание. Начало см. «Огонек» № 21 за 1972 год.

линой армии. В боевой обстановке они пользовались малейшей возможностью для развертывания партийно-политической работы. Организовывали на освобожденных территориях Советы, культурно-просветительные комиссии, школы по ликвидации неграмотности, открывали клубы, библиотеки, читальни, проводили митинги конармейцев, групповые беседы. Во всей этой работе Денисова принимала самое непосредственное участие.

Передвигаясь то в седле, то на тачанке, она всегда была вместе с красноармейской массой, жила ее жизнью, четко, по-большевистски, понятным языком плаката, меткой карикатурой на белогвардейцев внушала конармейцам уверенность в победе, разъясняла цели и задачи Коммунистической партии. Мария Денисова ничуть не уступала в смелости конармейцам и часто меняла кисть художника на наган, подаренный ей за храбрость в бою.

Живые воспоминания участников событий тех лет, пожелтевшие от времени архивные документы и фотографии ярко воссоздают боевые годы Марии Денисовой.

Комиссар 31-го, 33-го и 34-го полков 6-й кавдивизии, ныне генерал-лейтенант С. М. Кривошеин, знавший М. А. Денисову как работника политотдела, отмечая особый героизм женщин Конной армии, справедливо заметил: «Если вообще женщине трудно на войне, то в гражданской войне им было невероятно трудно».

Ветеран гражданской войны Елена Ивановна Кузнецова, бывший красный кавалерист и медсестра Первой Конной, награжденная за мужество орденом Боевого Красного Знамени, рассказывает:

— Я хорошо знала Марию Денисову. Она работала по выпуску агитплакатов, разрисовывала агитвагоны, писала карикатуры на белогвардейцев. Вела большую политическую работу в войсках. Что мне запомнилось? Она прежде всего была очень скромная и очень спокойная. Я никогда не слышала, чтобы она повысила голос. Спорящих обычно приглашала мирно все обсудить. Поражала ее выдержка. В Конной армии не было тыла: впереди — белогвардейцы, в тылу — бандиты и кулачье. Поэтому женщина-кавалерист должна была уметь делать все. Если ты боец, ты должна быть и санитаркой, если ты работник политотдела, ты должна быть кавалеристом. Мария, как и все женщины, была именно такой. Высокая, красивая, она хорошо держалась в седле. Вообще многие наши женщины были не хуже бывалых конников. Помню, после схваток с разными бандами устраивали мы своеобразные соревнования: кто кого выбьет из седла. Бывали случаи, когда женщины, к всеобщему удовольствию, выбивали из седла мужчин. Не уступали женщины и в бою. Боевые схватки происходили так часто, что это считалось нашим обычным состоянием. Мы с Марией дружили. Рассказывать друг другу о своих собственных боевых делах у нас не было принято. Хотя я знала: Мария имела несколько ранений, болела тифом... Когда пишут о девушках и женщинах, служивших на фронте, часто забывают, что это была наша юность. Да, на первом плане была война, постоянные схватки с врагами. Но в свободные от боев дни, в так называемые «передышки», мы любили танцевать, петь, ставить пьесы. Был у нас хороший духовой оркестр. После боя танцевали до самозабвения. Это был отдых. Кусочек мирной жизни. Помню один эпизод. Мы ставили пьесу «За власть Советов» в школе освобожденного села. И вот во время действия влетает дежурный и кричит: «По ко-ням!» Мы как были в гриме, в костюмах — на коней. Отбили атаку белоказаков. Жарко было в бою. Грим размазался по лицу. Мы выглядели в артистических костюмах комично. Бойцы после, смеясь, говорили, что враг был побежден благодаря нашим страшным лицам и необычайному наряду... Много лет спустя, состоя в землячестве Первой Конной, я иногда ходила с Марией гулять на Красную площадь. Она с увлечением рассказывала о древней архитектуре и памятниках Кремля. Часто вспоминала о том, что ей довелось видеть Ленина...

ОКОНДА

Мария Денисова за работой над скульптурным портретом Е. А. Щаденко. 1926.

...Пожелтевшая от времени фронтовая фотография Марии. Стрижка наголо. Сохранилась ее надпись: «Валуйки — Ростов. После трех тифов».

— Трудно себе представить,— вспоминают товарищи М. А. Денисовой,— какой большой волей обладала Мария, чтобы до конца выполнять свой воинский долг, даже будучи еще не совсем здоровой. Однажды во время наступления красных конников против полчищ Деникина, недалеко от Купянска, в освобожденное нами село ворвался большой белоказачий разъезд. Эскадрон красных конников, расположившийся на кратковременный отдых, растерялся. Спешившиеся бойцы, услышав выстрелы, попрятались по избам и дворам. Вдруг из одной избы выскочила только что оправившаяся от тяжелой болезни «штабистка» Мария и бросилась к стоящему у крыльца коню:

— Товарищи, за мной! Шашки вон! Марш-марш!

Привычная команда, и мы мигом очутились в седлах.

Грянули наши ответные выстрелы. Резанула пулеметная очередь... И вот к растерявшимся белоказакам уже скачут конармейцы, возглавляемые Марией Денисовой в красной косынке... «Боевая женщина! Черт ей в глаза смотрит»,— уважительно говорили о ней бывалые кавалеристы. Ее решительность спасла от гибели отряд красных конников. Приказом по армии М. Денисовой была объявлена благодарность за храбрость в боях с врагами революции, а после выздоровления выдана кожаная куртка, в каких ходили комиссары. Бойцы в память о бое подарили Марии новенькую кубанку. Она очень гордилась этим подарком. Красной косынкой, оказавшейся куском плакатного материала, ей перевязали огнестрельную рану, которую она получила в этой схватке.

Многие старые конники рассказывают, что их политработник Мария Александровна умела и «лихо рубать» и учить бойцов «по части политики»: быть безгранично преданным великому делу Октября.

После завершения ликвидации Врангеля Конная армия перебрасывается на отдых в Екатеринославщину (теперь Днепропетровщину). Отдых — понятие для того времени весьма относительное. Мария Денисова участвует в борьбе против банды Махно и других «батек» большого и малого калибра. А после маршей и атак политработнику тоже не до отдыха. Красноармейцам надо почитать центральные газеты и свою — «Красный кавалерист»; крестьянам — объяснить, чего хочет Советская власть, откуда взялись большевики, долго ли жить в страхе от бандитов, без соли и ситца, как будет делиться земля; нарисовать агитплакаты, перевязать раненых, помочь больным бойцам написать домой письма...

Три тифа и три ранения, одно огнестрельное, два других холодные, саблей и офицерским клинком,— таковы боевые отметины героической биографии этой замечательной женщины-большевички.

Перелистывая старые страницы документов о М. А. Денисовой-Щаденко, убеждаешься, что «в полный рост» она ходила всегда и везде, когда требовалась ее способность художника и когда — отвага, воля и энергия бойца. Ей много раз представлялась возможность сменить кавалерийское седло на треножник художника, гимнастерку и брюки — на гражданское платье, но Мария распрощалась с кавалерийским седлом лишь после того, как было покончено с гражданской войной.

Осенью 1922 года она возвращается в Москву, чтобы найти себе новое место в «рабочем строю» молодого Советского государства. Отдел пропаганды Центрального Комитета РКП(б) сверх разверстки командирует ее для учебы во ВХУТЕМАС.

Сохранилось заявление Марии Александровны, адресованное правлению Государственных художественных мастерских, с просьбой зачислить ее «как окончившую гимназию без экзаменов в скульптурную мастерскую Лавинского или в керамическую мастерскую в зависимости от свободных мест».

Восстановление М. Денисовой в качестве студентки скульптурного факультета ВХУТЕМАСа осложнялось из-за утери во время вынужденного отступления красных войск из Житомира документа об ее образовании. В записке, направленной в президиум ВХУТЕМАСа, Мария Александровна пишет: «В виде удостоверения об окончании Одесской женской гимназии... в 1912 году, весной, может служить то, что меня

знает как окончившую гимназию Владимир Маяковский и тов. Храковский, как бывший соученик в художественных мастерских в Одессе... При сем прилагаю подписи ручающихся».

Запрашивалось ли свидетельство Маяковского,— неизвестно. В. Храковский, профессор живописи ВХУТЕМАСа, засвидетельствовал записку Марии Александровны. Вот что он рассказал, вспоминая этот случай:

— Я хорошо знал Марию по Одессе и Москве. В Одессе мы учились вместе в студии Бершадского, а затем — в Одесском художественном училище. Там, в стенах училища, она рассказала мне о своей большой дружбе с Маяковским. Мы сидели рядом с Марией, и она читала мне по рукописи посвященные ей стихи из «Тринадцатого апостола». Я не помню, чья это была рукопись, самого ли поэта, или стихи были переписаны рукой Марии. Но помню рукопись отчетливо... Позднее, когда я перебрался в Москву, я встретил Маяковского в кафе поэтов в Настасьинском переулке и рассказал ему о Марии. Маяковский был заметно обрадован и подарил мне вышедшую отдельным изданием поэму «Облако в штанах» с автографом: «В память о Марии. Вл. Маяковский». Это было в 1918 году. Однажды Мария попросила меня передать письмо Маяковскому. Эта просьба мной была выполнена. Я лично вручил письмо поэту. Позднее, в 1922 году, Маяковский подарил мне вторую книгу, поэму «Люблю», с подписью: «С нежностью и любовью. Маяковский».

«Только в 1922 году,— пишет Мария Александровна,— удалось учиться по скульптуре. В 1925 году окончила ВХУТЕМАС, а в 1927 году сдала диплработу». Темой ее дипломной работы был скульптурный портрет В. И. Ленина, получивший высокую оценку у экзаменационной комиссии.

«В те годы Высшие художественные мастерские были очень своеобразным явлением,— пишет в своих воспоминаниях художник А. Дейнека.— Их наполняла молодежь в полувоенной форме, съехавшаяся с фронтов, прямо из теплушек пришедшая во ВХУТЕМАС и взявшаяся за кисть и глину... Народ бывалый, современный по складу мышления и жадно тянувшийся к учебе... Профессура — случайная, в большинстве формалистического толка («леваки») — стояла «вне политики», абстрактно экспериментировала и зачастую не имела авторитета среди студентов».

Только глубокое знание жизни помогло Марии Денисовой избежать влияния формалистических извращений, процветавших в стенах ВХУТЕМАСа. Большое значение имело также то обстоятельство, что перед студентами в те годы выступали знаменитые деятели науки и литературы. Особенно любимым творческой молодежью ВХУТЕМАСа был Маяковский.

Мария слушала все выступления поэта на студенческих вечерах и не пропускала ни одного его выступления в Политехническом музее.

— В 1922 году,— рассказывает Евдокия Афанасьевна Щаденко,— я приехала в Москву и поселилась вместе с братом и Марией Александровной. Жили они дружно. Ефим Афанасьевич уважительно относился к жене, любил и оберегал ее... Когда случался разговор о поэтах, Ефим Афанасьевич всегда тепло отзывался о Маяковском. Что же касается Марии Александровны, то как-то она сама призналась мне, что ее первой любовью был Маяковский... В 1922—1924 годах Мария водила меня слушать все выступления поэта. Она хорошо знала его стихи. Обычно после выступления Маяковский, увидев Марию Александровну, подходил к ней, и они долго разговаривали... Помню, что в 1922 году Маяковский подарил Марии Александровне первую часть второго тома своего собрания сочинений «13 лет работы», изданного типографией ВХУТЕМАСа. В этот том наряду с другими поэмами вошло и «Облако в штанах».

По окончании ВХУТЕМАСа Мария Александровна много и успешно трудилась как скульптор. Уже простой перечень ее работ, экспонировавшихся на многочисленных выставках, говорит о богатстве и разнообразии тематического содержания созданных ею произведений. Это прекрасная, пластически совершенная скульптура «Прачка» (1925), полные символики «Металлист» и «Голод» (1927), выразительные портреты ударницы Луниной (1932), «Начдив Первой и командарм Второй конармий О. И. Городовиков», «Ворошилов», «Военком» (Щаденко) (1932), монументальные работы «Оборона» и «Материнство» и многие другие произведения. Примечательна при этом та тематическая «перекличка», которая постоянно существовала между поэзией Маяковского и скульптурными работами Марии Денисовой. В творчестве обоих — ленинская тема и тема революции, тема гражданской войны и героического труда рабочего класса. Есть все основания предполагать, что один из многих портретов В. И. Ленина, созданный Денисовой,— на постаменте в виде книги,— непосредственно навеян строками Маяковского: «Как нагроможденные книги,— его мавзолей».

Конечно, масштабы дарований Маяковского и Денисовой далеко не равнозначны, и правомерно, что о Маяковском, крупнейшем поэте XX столетия, написано множество книг. Об одаренности и талантливости Марии Денисовой рассказывают лишь каталоги и справочники выставок советского изобразительного искусства. Ее работы экспонировались на многочисленных выставках: «Жизнь и быт народов СССР» (1926), «Вторая выставка скульптуры общества русских скульпторов» (1927), «Выставка художественных произведений к десятилетнему юбилею Октябрьской революции» (январь, 1928), «Выставка приобретений Государственной комиссии по приобретениям произведений изобразительных искусств» (1930),— почти на всех юбилейных выставках, посвященных Красной Армии, и многих других.

Наряду с такими известными мастерами, как А. А. Дейнека, Б. Д. Королев, А. В. Лентулов, М. С. Сарьян, П. П. Соколов-Скаля, В. А. Фаворский, И. И. Бродский, К. С. Петров-Водкин и другие, Мария Денисова участвовала на XVII и XVIII Международных выставках Бьеннале (Венеция, 1930 и 1932 годы). Ее работы «Военкор» (мрамор) и «Ильич» (бронза) были представлены на всемирных выставках, где получили высокую оценку. Работы М. А. Денисовой-Щаденко экспонировались также в числе других 181 произведения советского изобразительного искусства и в знакомой ей Швейцарии (Цюрих, 1931 год).

О большом трудолюбии и незаурядном таланте этой необыкновенной женщины свидетельствует и выставка «Художники РСФСР за 15 лет (1917—1932)», на которой, кроме названных работ, были выставлены новые: «Поэт» (Маяковский), «Октябренок», «Ни одной пяди своей земли», «В. И. Ленин» и другие.

Юбилейная выставка «Художники РСФСР за 15 лет» была боевым смотром советского искусства, приуроченным к XVII съезду Коммунистической партии. Основная задача ее — показать развитие советской живописи и скульптуры за годы после Октябрьской революции. Выставку посетили тысячи и тысячи трудящихся, делегаты XVII съезда партии, гости Москвы. Скульптурные работы М. А. Денисовой-Щаденко были представлены в основном отделе и получили высокую оценку.

Как свидетельствуют каталоги выставок, анкеты и рассказы близких, Мария Денисова была одним из первых скульпторов, создавших с натуры портрет Маяковского (цемент, 1927). Этот портрет, судя по авторским записям 1935 года, находился в Музее изящных искусств. Судьба портрета и эскизов к нему неизвестна.

Мария Александровна очень тяжело переживала трагическую гибель поэта.

— Когда до нее дошла эта страшная весть,— рассказывает Е. А. Щаденко,— она, бледная, в слезах, буквально ворвалась в мою комнату: «Маяковского уже больше нет! Мы не услышим больше живого Маяковского!»... Она глубоко понимала, какого великого поэта лишилась наша страна. Вскоре же она принялась за создание второго скульптурного изображения любимого поэта.

Об этом творческом замысле интересные подробности сообщила дочь художницы:

— Я помню, что маме трудно давался портрет Маяковского. Она хотела чего-то большого, настоящего, но у нее не получалось. Портрет создавался мучительно долго. В конце концов портрет был закончен. Он был выполнен в камне.

К сожалению, до сих пор неизвестно местонахождение этого произведения. Мы не вдаемся в оценку его художественных достоинств, хотя оно и было названо талантливым известными, уважаемыми художниками. Для нас скульптурный портрет Маяковского представляет собой ценную реликвию хотя бы потому, что образ поэта воссоздан руками женщины, воспетой Маяковским. Этот портрет не может находиться где-то в безвестности. Место ему — в Государственном музее В. В. Маяковского рядом с портретом М. А. Денисовой-Щаденко.

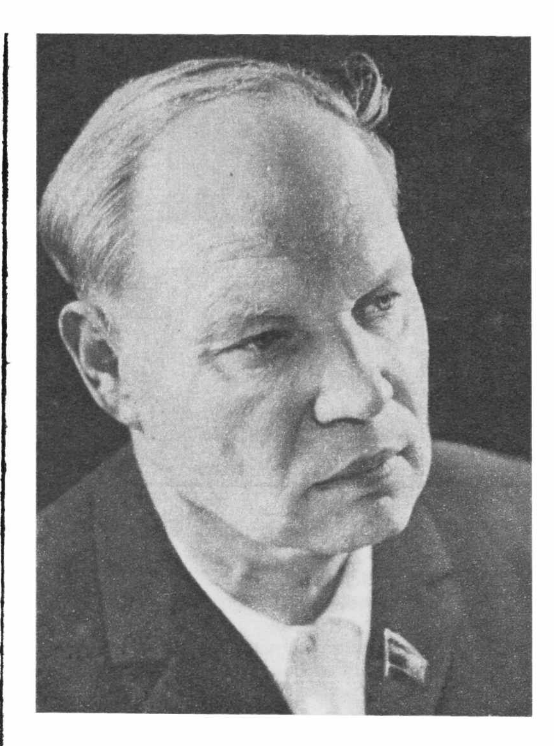
* * *

Мария Александровна ушла из жизни, когда ей исполнилось всего лишь 50 лет. 12 декабря 1944 года в газете «Советское искусство» было напечатано сообщение о ее смерти за подписью таких выдающихся мастеров советского изобразительного искусства, как А. Герасимов, М. Манизер, Г. Ряжский, И. Менделевич, Н. Крандиевская и С. Алешин. «Семья советских скульпторов,— говорится в нем,— понесла тяжелую утрату — скончалась Мария Александровна Денисова-Щаденко, талантливый художник.., лучшие произведения которой посвящены наиболее волнующим темам нашей современности и полны глубокой любви к родному народу. Тяжелая болезнь помешала ей развернуть во всей полноте природное дарование. Но и то немногое, что она успела сделать за короткий период своей творческой деятельности (в частности, ее портрет Маяковского, портрет К. Е. Ворошилова и целый ряд других портретов), ярко говорит о ее таланте».

Мария Денисова навсегда оставила о себе глубокую память не только как прототип героини одной из самых замечательных поэм Маяковского, но и как человек, ярко воплотивший в себе лучшие качества героизма советских женщин. В ней гармонично сочетались физическая и душевная красота, готовность к самопожертвованию во имя социалистической Родины, бесстрашие, трудолюбие, талантливость, скромность и бескорыстие, отсутствие какой бы то ни было рисовки, глубокая принципиальность. Она была во всех отношениях человеком большой души, высоких моральных качеств.

М. А. Денисова-Щаденко. НАЧДИВ ПЕРВОЙ И КОМАНДАРМ ВТОРОЙ КОНАРМИЙ О. И. ГОРОДОВИКОВ. 1932.

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. А. СТЕЛЬМАХА

В ЩЕДРУЮ ПОРУ ТАЛАНТА

Бор. ЛЕОНОВ

Само имя Михаила Афанасьевича Стельмаха вызывает в сознании читателей целый мир народной жизни в наиболее сложные, переломные моменты истории, запечатленный в ярких образах его замечательных произведений. Когда произносится это имя, мы прежде всего вспоминаем выдающиеся романы М. Стельмаха «Большая родня», «Кровь людская — не водица», «Хлеб и соль», за которые ему в 1961 году была присуждена Ленинская премия. И хотя творчество писателя разнообразно по жанрам и тематике — он выступает как поэт, драматург, критик и детский писатель,— именно эти романы принесли всесоюзную известность М. Стельмаху.

В них он сумел эпически запечатлеть судьбу украинского народа в ее нерасторжимом единстве со всеми народами нашей великой страны, создать неповторимые в своем духовном богатстве и красоте образы крестьян, передать жизнетворящую любовь человека к земле. Михайло Стельмах принадлежит к тому разряду художников, которые качественно обогащают наше представление не только о мире, но и о самой литературе.

Романам М. Стельмаха свойствен особый романтический дух с присущими ему образной системой, стилистикой и тональностью. Но чем дальше читаешь их, чем глубже проникаешь в мир украинского села, который так щедро открывает перед тобой писатель, тем все больше и больше начинаешь ощущать не только всю реальность бытия описываемого и изображаемого, но и сопоставлять свой мир, известный по собственному опыту, с тем, который предстал перед тобой в прозе М. Стельмаха. Это — чудо настоящего, большого искусства, именуемого поэзией. Да, поэзия органична для прозы М. Стельмаха, и проявляется она не в лирических отступлениях, не в этюдных и жанровых «картинках», не в стремлении автора постоянно обнаруживать свое пристрастное «я» на страницах повествования, а в ассоциациях, рождаемых книгой, рождаемых мыслью писателя.

Концентрируя мысль, М. Стельмах раскрывает ее уже в самом названии своего произведения. Действительно, разве не несут этой философской и поэтической многозначности традиционные, взятые из самой глуби народного миропонимания названия романов, составивших трилогию? И если восстановить хронологию запечатленной в них истории жизни украинского села, то первым окажется роман «Хлеб и соль», рассказывающий о революционных событиях 1905 года в селе Медвин на Подолии.

Вынесенный в название романа извечный символ народного понимания труда, достатка и благополучия обозначил суть великой думы про Родину, про человеческое счастье, философию жизни и борьбы народа на протяжении полувека, раскрытую писателем и в последующих романах «Правда и кривда» и «Дума про тебя», в повестях «Гуси-лебеди летят» и «Щедрый вечер».

Роман «Хлеб и соль» — произведение о трудовом крестьянстве, о его мужественном и непреклонном стремлении к свету, к счастью, о его героической борьбе за землю, за лучшую долю. И эту думу о земле, о счастье воплотил в себе правдоискатель Дунай — крестьянский Прометей. Закованный в кандалы, он идет в ссылку, завещая людям самое дорогое в жизни — высокий пример борьбы за свободу. Это за ним и за социал-демократами Нагорным и Левченко пошли в революцию 1917 года, в бой с петлюровцами, с врагами Советской власти Свирид Мирошниченко, Тимофей Горицвет и другие герои романа «Кровь людская — не водица». Это их социалистическое, революционное наследие восприняли как свое кровное дело и встали на защиту его от гитлеровских полчищ герои романа «Большая родня» во главе с Дмитром Горицветом.

Герои М. Стельмаха вобрали в себя не только унаследованную любовь к земле, как, например, Дмитро Горицвет, который «любил поле, как сын любит мать», но и воспитанную за годы революционной борьбы, за годы Советской власти наивысшую причастность к судьбе всей страны, причастность, которая рождает в сердце каждого великую ответственность за судьбу мира. И потому думы каждого из них о хозяйских делах, о сельских и домашних хлопотах, о близких и далеких людях сливаются в единую думу про Родину. Эта дума вбирает в себя размышления о правде и кривде в жизни людей, об утверждении красоты в мире землепашцев-хлеборобов, о героике трудовых будней, в которых проявляется величие и бессмертие народа и человека. Именно это и придает романам М. Стельмаха эпический размах.

Он вынес эту думу из самой жизни, обогатил опытом прожитого и пережитого, непосредственным знанием бытовых, нравственных, социальных черт характера земляков.

Писатель родился 24 мая 1912 года в селе Дьяковцы, Литинского района, Винницкой области, в бедной крестьянской семье. О своем детстве позднее он рассказал в поэтических повестях «Гуси-лебеди летят» и «Щедрый вечер». Там, в родном селе, герой повестей Михайлик научился доброте и правде у председателя комбеда дядьки Себастьяна, почувствовал тягу к творчеству, к сочинению пьес, сохранив навсегда в своем сердце великую благодарность к миру детства, к родителям. С добротой и правдой в сердце ушел по проселку колхозный бригадир М. Стельмах учиться в Винницу, поступил в педагогический институт и после его окончания в 1933 году передавал эту правду своим ученикам, сельским хлопчикам и девчаткам.

В 1939 году М. Стельмах был призван в Красную Армию, в рядах которой он встретил начало Великой Отечественной войны. С 1941 по 1944 год на фронте, солдат артиллерийской части. Дважды тяжело ранен. В 1944 году стал сотрудником газеты 1-го Украинского фронта «За честь Батьківщини». За мужество и храбрость в боях награжден боевыми орденами и медалями.

Литературный дебют М. Стельмаха состоялся в 1941 году. Накануне войны вышел его сборник стихотворений «Доброе утро». Затем были сборники «За ясные зори», «Предвесенье», «Украине вольной жить!». А в 1944 году он впервые предстал как прозаик: в Уфе под редакцией Ю. Яновского вышла книга новелл «Березовый сок».

После войны М. Стельмах работал научным сотрудником Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР. Издавал сборники стихов, пробовал свои силы в драматургии, впервые обратившись к этому жанру в 1955 году, когда написал пьесу «Золотая метелица». Но главным трудом всех этих лет, начиная с конца 40-х годов, была работа над романами, составившими одну из самых крупных в украинской советской литературе героических эпопей народной жизни.

Полнота художественного восприятия и воспроизведения действительности, гордость за высокую судьбу Родины обусловили и звонкую тональность письма и неподдельную красоту любимых автором героев. Об этом сказал сам М. Стельмах: «Великие идеи нашей жизни художник должен защищать высокими эмоциями, богатством своего сердца, совершенством языка, красотой образов. Да, я не стыжусь слов «красивый» и «красивый образ»... Я не стыжусь и высокого слова, я не стыжусь говорить на полных тонах... Не стыжусь я и поэзии в прозе, ибо современное, еще раз повторяю,— современное произведение без поэзии, как планета без воздуха...»

Этому принципу художник верен и по сей день, который, вероятно, заполнен до предела работой. И не только за письменным столом. М. А. Стельмах — видный общественный деятель. Он депутат Верховного Совета СССР, член правления Союза писателей СССР, член ряда общественных организаций УССР, активный участник движения сторонников мира. Свое шестидесятилетие писатель встречает в расцвете творческих сил. Впереди новые планы, но суть их все та же: написать «самую важную» свою книгу о любви к чистому сердцу народа-труженика, которая вновь будет думой про Родину.

Липа — Ирина Вавилова, Вера — Людмила Пашкова.

Фото Б. Вдовенко.

Сцена из спектакля «Мещане».

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ДЛЯ МНОГОМИЛЛИОННОЙ АУДИТОРИИ

Надежда КОЖЕВНИКОВА, Сергей АБРАМОВ

Изо дня в день телевидение обретает все большую творческую самостоятельность, расширяя круг своей деятельности. Телевидение создало свой театр с обширным репертуаром. И в репертуар этого театра — как, впрочем, любого — широко входит классика: зарубежная, русская, советская.

Недавно на телеэкранах появились две новые премьеры: «Нравы Растеряевой улицы» по Глебу Успенскому (автор пьесы М. Нароков, постановка заслуженного артиста РСФСР В. Рыжкова) и «Мещане» Максима Горького в постановке народного артиста СССР Г. Товстоногова.

«Нравы Растеряевой улицы» и «Мещане» различаются не только стилем авторов, несхожестью среды. В русской классике мы всегда видим емкую, органичную формулу характера героя — точную социальную характеристику типов Времени. Но порой в той формуле, в том типе мы легко узнаем людей и своего времени, характеры, прошедшие лишь некую, подчас длинную эволюцию; суть же самого явления остается неизменной.

«Нравы Растеряевой улицы» давно знакомы зрителям. Впервые осуществляя пьесу Нарокова, Малый театр привлекал публику более всего мастерством великолепных актеров, прежде всего Пашенной и Турчаниновой. А сама постановка... Что ж, бытовая драма раскрывала липкую и тягучую жизнь болотного мирка обитателей Растеряевой улицы вполне убедительно.

Сегодня В. Рыжков ставит иную задачу, создавая картину нравов Растеряевой улицы. Это спектакль сатирический, острый, талантливый. Надо ли говорить, что огромная доля его успеха — опять же заслуга актерского ансамбля Малого театра, и это вполне в его традициях. Здесь видишь народных артистов РСФСР С. Маркушева и Б. Телегина, заслуженных артистов РСФСР О. Хорькову, Т. Панкову, В. Обухову; талантливую молодежь — Л. Пашкову, А. Евдокимову, И. Вавилову, А. Эйбоженко, М. Любезнова... Но главное, пожалуй, в своеобразном прочтении книги Глеба Успенского.

«Растеряева улица» показана нам сегодня как некий мир, навсегда канувший в Лету.

У сатиры свои законы, которые нельзя обойти ни режиссеру, ни актерам, и, быть может, поэтому персонажи спектакля — при всей четкости социальных характеристик — кажутся отжившими... Да актеры так и играют их: чуть с перебором, гротескно, то отмежевываясь от исполняемого образа, то сближаясь с ним. И декорации в спектакле подчеркнуто условны: они не моделируют быт эпохи, а лишь слегка намечают его. Кажется, авторы спектакля говорят нам: «Так было, понимаете, было... И прошло! Навсегда».

«Мещане» звучат по-иному...

Мещанство как явление еще не исчезло из жизни. Проблемы его злободневны и сейчас.

Мещанство видоизменилось. Если только показывать, как это было, зритель не увидит в этом ничего нового. Нужно вскрыть суть мещанства, которая изменилась меньше, чем его внешние формы. Так говорит о «Мещанах» режиссер Г. Товстоногов.

И он ставит спектакль классический.

Классическое произведение бессмертно. Содержание его общечеловечно. Оно важно не только для своего времени, но и для сегодняшнего. Именно на стыке двух времен, двух ракурсов можно действительно точнее увидеть и понять творение классики.

Сила Горького сегодня, считает Г. Товстоногов, не в том, что он так удивительно точно и тонко показывает нам уже не существующее, а в том, что его герои тысячами нитей связаны с происходящим ныне. Об этом писал Г. Товстоногов в своей недавно вышедшей в издательстве «Искусство» книге «Круг мыслей». И, хотя эта книга не имеет прямого отношения к televarианту «Мещан», хотелось бы посоветовать читателям познакомиться с ней.

В самом названии книги дано как бы заведомое ограничение: «Круг мыслей» — это круг, в котором живет и работает режиссер-профессионал изо дня в день, и стиль книги именно такой: деловой, рабочий. Но содержание ее касается не только режиссерской профессии. Автор книги — профессионал в самом высоком смысле слова, однако круг его мыслей вбирает в себя самые разнообразные вопросы жизни, современности и, конечно же, театра и режиссуры.

По мнению Товстоногова, главная задача режиссера — наиболее полно раскрыть автора через актера.

Бережное отношение к актерской индивидуальности принесло товстоноговским «Мещанам» такие актерские удачи, как Бессеменов — Е. Лебедев, Нил — К. Лавров, Татьяна — Э. Попова, Перчихин — Н. Трофимов, Тетерев — П. Панков, Елена — Л. Макарова.

Спектакль «Мещане» в своем телеварианте почти не претерпел больших, принципиальных изменений. Но, разумеется, он не просто механически перенесен со сцены на телеэкран. И не случайно в телепрограммах «Мещане» были объявлены как премьера. Г. Товстоногов, сделав новый спектакль для многомиллионной аудитории, использовал новые телевизионные средства. И телетеатр — сегодня о нем вполне можно говорить как о самостоятельном театре! — обогатил свой репертуар спектаклем новым, высоким и волнующим...

ПРО

А. СТАРКОВ

— А с фронта писем не было, за всю войну ни единого. Мы терялись в догадках, гнали от себя страшную мысль, но весточки от Вани не дождались. Дождались его самого. Не все четверо, как вы уже знаете, без Моти... Мы с Леной были в эвакуации, возвратились после снятия блокады. А Михаила в начальные дни войны мобилизовали с завода на торфоразработки, он там так и оставался, изредка бывая на нашей ленинградской квартире. И в один из этих приездов, году в сорок третьем, соседи передали ему почтовую открытку с Украины. Писал человек, знавший Ивана, сообщал, что он живой, воюет. Я ее, эту открытку, не видела, содержания в подробностях не знаю, она затерялась у Миши, а нынче и его нет в живых... Иван явился нежданно. Ой, сказала машинально не то слово. Мы ждали, верили, что вернется. Не известив предварительно, вот что я хотела сказать... Он приехал с эшелоном демобилизованных с Дальнего Востока. Это было в середине ночи, я нервно спала, услышала легкий стук в дверь, подумала, что кажется, прислушалась, снова постучали негромко. Я решила, что приехал Михаил из Рахьи, с торфа, но странно, что ночью, оттуда и поездов-то таких нет. Открыла дверь, ну, точно — Миша, только почему-то в шинели. Они были очень похожи, и лишь когда он кинулся ко мне, стал целовать, я поняла, что это Ваня...

— В инструменталке у нас то и дело появлялись тогда новые люди,— уже не перебила Шура, а подхватила рассказ у Анны Петровны.— Цех взрослел, приходили фронтовики. А то на всех рабочих местах пацаньё на подставках, ремесленники. Я и сама пришла, точнее, приехала из ремесленного с Алтая. Нет, я коренная питерская. Отец со «Скорохода», затяжчик, мама — парфюмерщица с фабрики «Северное сияние», на пудре всю жизнь, вредное производство... Первую блокадную зиму я была в Ленинграде, весной еле живую вывезли с ремесленным училищем в Бийск. Ожила, очухалась, на четвертый разряд сдала. И — разнарядка из Ленинграда, на шестнадцать выпускников, с разных заводов путевки. Мне досталась на «Экономайзер». А там — в инструменталку на токарный участок. Токарный от слесарного отделяла стеклянная перегородка. Любопытным девчоночьим глазам весь цех был виден насквозь. И мы с моей ровесницей и соседкой по станку Женечкой Борисовой, она теперь Алимова, мигом фиксировали появление каждого нового фронтовика. И Карташов был тотчас отмечен нашим вниманием,

Окончание. Начало см. № 21.

ИВАНА КАРТАШОВА

еще к верстаку не успел подойти. В определении его возраста мы, правда, разошлись с Женей. Мне он показался гораздо старше, чем ей, и когда потребовалось обратиться к нему с чем-то в первый раз, я назвала его «дядечкой». Он рассмеялся и сказал: «Слушаю вас, тетечка». А я была крошечная, худенькая семнадцатилетняя девчонка и тоже рассмеялась. Так и познакомились: «дядечка» и «тетечка». Я слышала, есть ироническое выражение: «Любовь у станка». А мы и в самом деле подружились у станка: Ваня подходил в обеденный перерыв к моему токарному, и мы шли вместе в столовую... Среди того, о чем мы в ту пору говорили, сближаясь, рассказывая друг другу о себе, были, конечно, и недавно закончившаяся война, через которую он прошел, и пережитые мной блокада, эвакуация. Но о войне, я заметила, он рассказывал не столь словоохотливо, как иные знакомые мне фронтовики. Да и позднее, в семейном уже кругу, когда подросли дети и начали расспрашивать отца о том о сем, он не любил распространяться о фронте, о боях. А если, случалось, и разговорится вдруг на эту тему, то не нагнетая страхов, наоборот, порой даже в шутливом тоне...

— Про черную кошку?

— И ты, Нюра, помнишь?.. Загорелся спор о суевериях, домашний диспут, которые у нас часто возникали. Атака в тот раз шла в основном на меня, поскольку я робко высказалась, что в приметах что-то есть все-таки. Галочка яростно наступала, как член институтского клуба воинствующих атеистов, он у них сокращенно называется КВАТ. Петя, нежный сын и немножко философ-идеалист, искал для меня оправдывающие моменты. Но, в общем, как обычно, я отсталым элементом была объявлена. И муж меня не поддержал, не защитил. Вспомнил мне в назидание про черную кошку. Как ехали они в войну с передвижной рацией и шофер сбился с пути, забрался на минное поле. Сзади, сбоку взрывалось, к счастью, не ранило и машины не повредило. Надо было выбираться из опасной зоны. «И тут,— рассказывал,— откуда ни возьмись, черная-пречерная кошка вынырнула. Водитель обомлел, побледнел вроде тебя,— ко мне относилось,— когда ты видишь этого страшного зверя. Чувствую, парень совсем скис, не владеет собой, мы поменялись с ним местами, я сел за баранку. А кошка впереди бежит, пути нам не пересекает, но и не уступает, бежит себе и бежит. Вижу, странные делает зигзаги. Я подумал, что, может, она мины чует кошачьим своим чутьем, лавирует между ними. И я правил точно за ней, по ее зигзагам, надеясь, что она выведет нас, как лоцман, на чистую дорогу. И она вывела, спасла. Как оказались на шоссе, вильнула хвостиком и исчезла. А ты говоришь, черная кошка — плохая примета...»

— Он про войну всегда вот так, к случаю.

— Как бы между прочим. Однажды они с сыном об анатомии человека заговорили. Петя занимался самбо, а у него так: если чем увлечен, все должен знать в доскональности по этому предмету. Отцовский ген, как говорит Галя. Вот и в самбо интересовался не только приемами, как противника свалить на землю. За анатомию принялся, где какая мышца, сустав, как работает, механизм движения и так далее. И отец нарисовал ему руку, со всеми мышцами, суставами, косточками, сухожилиями, ну чуть ли не все сосудики изобразил. Сверились с рисунком из медицинской книги — в точности! И вообще заговорили о человеческом теле, какое это чудо природы. Ваня вспомнил случай с войны. Как ранило его товарища в бою. Пуля вошла в грудь, а вышла под лопаткой. Будто в тоннеле внутреннем пролетела, ничего не задев, ни костей, что называется, ни мяса, ни единой жилки не коснулась, и даже кровь не проступила. Сделали рентген в госпитале, убедились, что организм в невредимости, смазали ранки йодом, они быстро зажили. И человек ходил то ли раненый, то ли нераненый, с двумя заштопанными дырками на шинели,— где пуля вошла и где вышла,— все, что осталось от раны... Вот такой случай вспомнил, а про свои ранения никогда. Мы знали, что он калечен был не раз, но, при каких обстоятельствах и как, не любил говорить. Я видела у него шрам на ноге, спросила: что это, война? Он отшутился, сказал, что с детства еще. И лишь в самое последнее время, когда начал себя скверно чувствовать, голова болела, изредка заговаривал о контузии в голову. И про ногу я узнала. У него обнаружилась закупорка вен, и хирург, осматривая, нащупал осколок под коленкой. И тут уж на детство нельзя было сослаться. Мы видели, чувствовали, что он уходит от всего плохого, трудного, что принесла ему война, не желает ворошить этого. Не теребили потому допросами. И сейчас, когда мы вспоминаем с ребятами Ивана Петровича, оказывается, что меньше всего нам известно о его фронтовой жизни. Вот лежат в коробочке рядышком с трудовым орденом, лауреатской медалью, наградами ВДНХ медали за Бухарест, за Будапешт, за Вену, за Прагу, за победу над Японией, он ведь в Порт-Артуре закончил войну. Медали есть, а живых его свидетельств мало осталось... Нюра, а ты не принесла второго письма от того человека? У тебя хранится...

— Принесла,— говорит Анна Петровна.— Вот оно,— и поясняет мне: — Вскоре после смерти Вани получили. Письмо с газетной вырезкой...

Я переписал к себе в блокнот:

«Дорогие товарищи Карташовы! Ровно 25 лет назад я сообщил вам о вашем брате Иване Петровиче Карташове. Мне ответил Михаил Петрович, из города Рахья... Думаю, что Ивану будет небезынтересно получить юбилейную газету из города Кремгэс, построенного вместо Ново-Георгиевска, который находится на дне Кременчугского моря. Вчера побывал на открытии двух обелисков в честь 25-летия освобождения города. Один поставлен в том месте, где 5-я гвардейская воздушнодесантная дивизия вела главный бой за Ново-Георгиевск; второй — на островке посередине водохранилища и всем далеко виден... Вспомнил Ивана и решил поздравить его с дорогой для нас с ним датой».

Стояла подпись, был адрес, и я тоже занес их, естественно, в блокнот.

В тот вечер я не дождался ни Галины, ни Пети. А весь следующий день провел на «Экономайзере».

Я уже говорил где-то вначале, что увидел нынче в инструментальном цехе карташовскую гравировалку, на которой он собирался, если помните, «печатать деньги». Сейчас этим успешно занимается Таисия Петровна Артемьева, одна снабжающая весь завод медными табличками-этикетками, потребность в которых все возрастает, и старенький пантограф печет их безотказно вот уже двадцать лет.

Но первым, что бросилось в глаза, когда я вошел в цех, была мемориальная доска. Мне не доводилось видеть мемориальных досок в цехах, на рабочем месте. Большая мраморная плита на стене. Золотая лавровая ветка наискосок, золотая медаль и золотые буквы:

Здесь
работал
лауреат Государственной премии
Карташов
Иван Петрович

Даты не значатся, и хотя доска мемориальная, я бы написал: работает...

Работает! Возле памятной своей плиты и трудится. Установлены тут пневматические ножницы, «бело́к» которых Иван Петрович закончил в последнее утро жизни. Он бы его сам и облек в металл, как делал это всегда, да не успел. Прочитал чертеж и воплотил в реальную конструкцию ученик Карташова Борис Петрович Голышев, дающий мне пояснения:

— Ножницы по типу гильотинных, но на пневматике: воздушный цилиндр и два рычага. Специально для лекальных работ, для тонких профилей. Режут металл не толще пяти миллиметров. Стояла прежде громоздкая, грохотавшая на весь цех механическая гильотина. Чтобы отрезать крошечную заготовку, повиснешь, бывало, всем телом на рычаге и гнешь его вниз обеими руками. С пято́к заготовок отрубишь вот так — передохнуть надо. На этих физическое усилие сведено к минимуму. И последующая доводка минимальна — срез точен в размере и, как мы говорим, в угольнике. Ножницы абсолютно безопасны: захочешь — некуда пальца просунуть, лезвие надежно упрятано в этом маленьком ящике.

Голышев закладывает длинную стальную ленту, нажимает рычажок, выскакивает бесшумно пластинка, потом я нажимаю, правильнее сказать, касаюсь рычажка, поскольку усилие действительно ничтожно, вылетает другая. Карташов работает...

И рядом — работает. У станка, на именной табличке которого четыре буквы: «ОШСК» и цифра «4».

— Оптико-шлифовальный станок Карташова, модель четвертая... Вы были знакомы когда-то с его приспособлением для шлифовки зубчиковых резцов. Там—локальная цель, узкая специальность — зубчик, и все. А эта серия универсальная, с расчетом на широкую номенклатуру. В основе инструментальный микроскоп, очень точный контролер. Он включен в конструкцию таким образом, что шлифующий камень находится под его постоянным наблюдением. Не надо бегать куда-то замерять деталь, возвращаться к станку, доделывать, снова мерить. У Карташова оптика не только неотступно следит за шлифовкой, но и активно вмешивается в процесс, направляет его, корректирует. Готовая деталь не нуждается ни в каких дополнительных проверках.

Это говорит мне уже не Голышев, это говорит Виктор Васильевич Заозерский, бывший начальник инструментального цеха, выдвинутый недавно на такую же должность в самый большой цех завода, в механосборочный. И он же бывший мальчишка со страницы брошюры, которая вышла двадцать лет назад, худенький, востроносенький, большеухий Витя Заозерский, первый раз в жизни побрившийся и собирающийся с осени во флот... Он пришел сейчас в инструменталку, а не я к нему в сборочный потому, что вряд ли удалось бы поговорить там спокойно, текущие дела все время отвлекали бы Виктора Васильевича. И, кроме того, как я понял, когда мы уславливались по телефону о встрече, ему просто в удовольствие лишний раз заглянуть сюда, где он провел столько лет, покидая цех лишь на срок флотской службы. Вечерний институт не отрывал его от верстака, да и получив диплом инженера-технолога, он еще какое-то время не отходил от тисков, не бросал лекала. Полжизни связано с инструменталкой и, значит, с Карташовым.

— ...Главное достоинство «ОШСК» в простоте управления, хотя сама конструкция не так уж проста. Это был принцип Ивана Петровича, который он в шутку формулировал так. Я, говорил, изобретаю для ленивых. Грош цена,

говорил уже всерьез, самой красивой технической идее, если она не облегчает труд человеку. Вот этот его станочек с довольно хитрой начинкой доступен любому. Как точило, прост в обслуживании. Сравните с агрегатом, с махиной, стоящей рядом. Тоже шлифовальный, точно такие же детали обрабатывает. Не говоря уже о размерах — карташовский двое переносят с места на место, а этот на три тонны тянет,— он не каждому подчиняется и потому часто на простое. Пользы от него не по затратам. Стоит в бездействии и завидует маленькому соседу, легко и быстро исполняющему работу, над которой ему пыхтеть и пыхтеть. А рожден ведь коллективной мыслью, в крупном КБ. Не хочу обобщать, не хочу никаких противопоставлений, но в данном случае одиночка-КБ, Иван Петрович наш, выиграл соревнование... И какое же это было универсальное конструкторское бюро в составе одного человека! От насыщенного электроникой балансировочного станка — сегодня, кстати, отбалансировали на нем ротор для турбины в КНДР — до портновских ножниц. Или крошечной хирургической вилочки...

(Про вилочку мне рассказывала Александра Максимовна.

— Когда заболели ноги, ходил на кислородные вдувания. Хирург жаловался: всякий инструмент имеется, сосуды сшивают, а чтобы раздвинуть осторожно края ранки — нечем почти, приходится манипулировать пинцетом, а это неудобно... Ваня попросил у меня старенькую детскую вилку, заточил ее тонко-тонко, загнул по-особому кончики, принес хирургу — не годится ли? А тот и сам попробовал и коллегам показал, всем понравилось. И вот в хирургию окунулся, ходил на операции, придумал какую-то специальную проволочку для ликвидации тромбов, еще у него были планы в этой области...

И портновские ножницы мне показала. Фасонные, с зубчиками. Чтоб и разрез получался тоже зубчиковый — проще обметывать ткань.

— Шил в кои веки костюм, обычно покупал готовые — примерки раздражали. Увидел ножницы у портного, огромные, тяжеловесные, слонов убивать. Полюбопытствовал, чья продукция, кто столько металла зря тратит. И представьте, оказалось, с «Экономайзера» ширпотреб. Расстроился даже, ворчал: ох, халтурщики... И сделал вот эти — вполовину легче, в руках мелькают, удобные. Долго возился с фрезеровкой. Чтобы зубчики плотно входили в пазы, не рвали материю. И кромка стала изящней, красивее. Теперь во многих ленинградских пошивочных Ванины ножницы...)

Сидим с Заозерским, вспоминаем Ивана Петровича, потом ходим по цеху, тоже вспоминаем.

На «магнитофонной ленте» моего старого блокнота записан рассказ Карташова о том, как он вернулся с войны на завод.

«Мастер был рад, что возвратился прежний работник. Спросил: «Где стояли ваши тиски?» Я показал: у окна. «Там, по-моему, те же, мы их не меняли». Подошел к верстаку. Мой! На ручке я выгравировал когда-то крошечные инициалы «И. К.». Не стерлись за семь лет. И лампа-«гармошка» та же. Растянул ее, и пучок света лег на тиски. «Кто здесь?» — спрашиваю мастера. «Парнишка из ремесленного. В отпуске. Вы становитесь к своим тискам. Приедет из дома отдыха, мы ему другие дадим. Не обидится». Вот как у меня хорошо получилось, будто и не уходил из цеха, будто и не было армии, войны...»

Я хотел познакомиться с нынешним хозяином Ваниных тисков и направился к окну. Но подошедший Голышев сказал, что у Петровича последнее время болели глаза, он боялся ярких солнечных лучей и перенес свое рабочее место подальше, во второй ряд верстаков... Буковки «И. К.» на рукоятке выглядели как совсем свежие, похоже, их только что подновили. Слесаря не было, и я спросил Голышева:

— Кто тут?

— Ученик мой...

Ученик ученика Карташова, внук, так сказать, по производственной линии, по семейной внуков пока нет.

— Понес в ОТК первую самостоятельную продукцию, шаблончик разметочный. А вот и сам он.

Подошел долговязый, длинношеий — руки он держал за спиной, и длина их была скрыта — юноша, очень похожий на поэта Евтушенко, но в очках.

— Сань,— сказал Голышев,— хотят с тобой познакомиться.

— Алимов Александр. Здравствуйте.

Я, естественно, тоже назвался, и лицо его вытянулось, словно я не из редакции, а из уголовного розыска пришел.

— Давно на заводе? — спросил я.

— Вторую неделю,— ответил за него Голышев.

— Что вы, Борис Петрович,— сказал Саня,— третья пошла!

— Сюда после десятилетки?

— После.

— В институт сдавал?

— Сдавал...— Мои вопросы явно не доставляли ему удовольствия.

— Он не провалился,— сказал Голышев,— он струсил.

— Точно, струсил! — сказал вдруг весело Саня.

— То есть? Как это понять? — спросил я.

— А так и понимать,— сказал Голышев.— Дезертировал позорно. Слабовольный оказался человек.

— Я в Мухинское подавал, в художественно-промышленное...

— Рисуешь?

— Резчик он,— сказал Голышев.— Скульптор по корням. Видели бы вы его фигурки из корешков — прелесть! Диплом с городской выставки. Все пушкинское лукоморье изобразил. Русалка, леший, кот, богатыри...

— Кот больше на барса был похож. Не разыскал я нужного корня. А вчера попался, чуть тронул ножичком — кот ученый..

— Где ищешь?

— Нам дачный участок дали от завода. Подо Мгой, Синявинские болота, слышали? В том районе. Гибельные места были в войну. Леса стоят, обожженные артиллерией. Возле нас горелая березовая роща, так и не ожила, ни одной зеленой веточки. Там сейчас пни корчуют, я за бульдозером хожу с кошелкой. Корни подбираю, кору, древесные наросты, грибки. Я задумал серию — доисторические животные, отличный нашелся кусок на динозавра...

— А что с училищем?

— Хотел на отделение по интерьеру. Представил, как полагается, работы, допустили к экзаменам. Первый — по рисунку. Сдавать пошел — дикий конкурс, двадцать человек на место. Вижу, дело безнадежное, специальной подготовки у меня нет, завалюсь. И дёру дал. С осени на курсы хожу при училище.

— Ну ничего,— сказал Голышев,— поварится в рабочем котле, закалится, будет смелее. Тем более котел ему знакомый, мать отсюда, из инструменталки, токарем была.

И я сообразил, что это за Алимов — да это же сынишка Женечки Борисовой, Шуриной подружки, соседки по станку, с которой они, помните, на фронтовичков поглядывали с удобного своего наблюдательного пункта. Шура Ивана выглядела, и Женя тоже Ивана, Алимова.

...Из цеха я пошел в заводоуправление, в Бриз. Мне сказали, что начальником там Трофимов. А я знаю Павла Терентьевича с начала пятидесятых годов, когда он был секретарем парткома. Душевно очень относился к Ване, дал ему рекомендацию в партию. И сейчас, по роду службы, он постоянно имеет дело с Карташовым. Опять же тут и намека нет на мистику. Просто в Бризе хранятся все чертежи заводских изобретателей, и ни на чьи не поступает столько заявок со стороны, как на карташовские. Они размножены, но их не хватает. Приходится все время допечатывать «синьки» его станков, автоматов, приспособлений. Я ведь назвал в очерке только некоторые. Номенклатура Карташова — десятки названий. Особенно велик спрос на «ОСШК», на балансировочный, на гидроследящие устройства, на пневматические ножницы. Трофимов показал мне «Книгу исходящих» с адресами, куда отправлены чертежи Петровича. Я выписал города, занесенные в книгу лишь за последние два месяца: Лыткарино, Харьков, Сретенск, Омск, Тамбов, Симферополь, Барнаул, Курган, Москва, Лыткарино снова — запросили еще шесть комплектов, Николаев, Уральск. Во всех этих городах и во многих других Карташов работает... Работает!

Вот я и до ребят добрался. Первой угодила под карандаш Галка. Я позвонил, услышал в трубку:

— Вас слушают.

— Добрый день, Александра Максимовна.

— Здравствуйте. Это Галина Иванна,— сказала дочка абсолютно маминым голосом.— Она на занятиях.

Я и забыл, что Шура — вечерница, в восьмой класс ходит.

— Галочка,— подлизнулся я,— помню вас совсем крохотной. Хотелось бы увидеть, какой вы стали...

— Ой, не знаю, как и быть. Вся неделя без продыху, без единого окошка. Разве что сейчас прямо, если вы свободны. В семь у меня лекция по атеизму в высшей школе милиции. Вы далеко от нас?.. На метро это двенадцать минут. Не замешкаетесь—в нашем распоряжении окажется примерно полтора часа.

— Еду.

У меня, понятно, были заготовлены вопросы к Галке, связанные с ее личностью, был план разговора. А у нее — свой, который как раз и заключался в том, чтобы отвести огонь с себя на отсутствующего брата. И это ей вполне удалось, хотя я сначала сопротивлялся. А потом возникла коварная мыслишка о маленькой мести упрямой собеседнице. И я, притаившись, смиренно работал карандашом, слушая ее, и то, что я записал, можно назвать

МОНОЛОГ О МОЕМ БРАТЕ.

— Мой брат... не играет на кларнете, но зато в четырехлетнем возрасте, не обученный еще грамоте, мог соединить лампочку с батареей при ясном понимании физической сущности данного явления. Слово «реле» он произнес, по-моему, раньше слова «мама». Главной заботой была у меня одно время охрана кукол от электрификации, поскольку все прочие игрушки в доме находились уже под током и касаться их было небезопасно для здоровья. Немедленная переделка, реконструкция, модернизация покупаемых игрушек, а определеннее сказать, безжалостная вивисекция над ними осуществлялась с благословения и под руководством отца, и неизвестно, кто из них испытывал при этих операциях больше удовольствия. Кажется, старший.

Брат мой Петр никогда не был узкоограниченным технарем, способным уткнуться в какую-то радиосхему ради самой схемы. Он всегда в высоком парении мысли, которой подчинен конкретный технический поиск. Еще при жизни отца, интересуясь проблемами телепатии, он обнаружил в литературе, им посвященной, гипотезу, согласно коей основной источник телепатической энергии человека находится в области солнечного сплетения. Тут же возникла идея эффективного усиления этой энергии, при ее недостаточности, с помощью магнитного поля. Я не физик, я химик, и, хотя эти науки стыкуются, не настолько компетентна в электричестве, чтобы изложить все с необходимой точностью, я способна сделать это лишь в приближении, в примитиве. Так вот, был взят старенький солдатский ремень отца, на котором он заправлял бритву, пока не купил электрическую. За ненадобностью пояс перешел к сыну и лег в фундамент всей его конструкции. На ремне были смонтированы крошечный генератор на транзисторе, батарейка от карманного фонаря, неоновая сигнальная лампочка, выключатель и две пластинки, два электрода, которые при надевании ремня ложились один на позвоночник, противоположный — на солнечное сплетение. Таким образом, с включением тока тело оказывалось как бы внутри замкнутого электрического поля, между конденсаторами, что и должно было по замыслу сконцентрировать и усилить телепатическую энергию солнечного сплетения. А объектом ее воздействия, перципиентом, так сказать, была избрана я, ничего не подозревавшая о начатом эксперименте. Он длился с неделю, в течение которой я то и дело перехватывала на себе странные Петины взгляды, словно бы гипнотизировавшие меня. И однажды, когда мы сидели вдвоем в комнате, я на диване с книгой, он за столом, что-то ремонтируя и опять же странно поглядывая на меня, я вдруг вспомнила об его обещании починить мой неисправный «ФЭД», принесла аппарат из другой комнаты, положила перед Петей. И в это же мгновение раздался его ликующий вопль: «Ну вот, пожалуйста!» Как выяснилось, я, не подозревая того, исполнила приказание телепата: принести «ФЭД», положить на стол. Ради этого счастливого момента стоило втайне от всех окружающих таскать на себе столько дней соединенные проводкой электрические вериги, стоило безропотно претерпевать телесные страдания, в которых естествоиспытатель признался позже: «Изрядно покалывало, особенно когда я потел...»

Реакция на опыт с телепатией была в семье неодинаковой, она отражала наши индивидуальности. Мое отношение можно было счесть сдержанным, осторожным, я стараюсь не спешить с выводами. Мама ахала, всплескивала руками, грозилась спустить все в мусоропровод. Отец положительно оценил конструкцию как таковую с чисто технического подхода и нашел ей иное, более целесообразное практическое применение, я уж не помню, какое именно. Знаю, что для этого понадобилась самая малость: переставить, переделать, убрать — всего лишь! — и глядишь, конструкция тоже другая. Он никогда не мешал Пете витать в облаках, но, дав ему там надышаться, незаметным образом, плавно вел к земле, и посадка у ведомого получалась, как правило, мягкая, он ее почти не замечал.

Я уже говорила, как они вдвоем переделывали игрушки. Их кооперация в этом смысле с годами бурно развивалась, захватывая новые и новые области. Вот чудом уцелевший после их реконструкции страдалец, приемник «Рекорд». Собственно, уцелела одна оболочка. В том и заключалось условие игры, а это была игра-соревнование, затеянная отцом,— в прежней коробке, на той же площади, размещать все более совершенные схемы. Начинка менялась несчетное количество раз. Они нафаршировывали ящик как могли, изощряясь друг перед другом. Отец собирал схему, и мы с мамой не успевали насладиться чистейшим звуком, как Петя немедля заменял ее, увеличи-

Ф. Сидоров (Москва). ПОРТ УСТЬ-ИГАРКА.

Весенняя выставка произведений московских художников.

А. Козловский (Минск). ГОЛУБАЯ ПЕСНЯ.

Выставка произведений художников Белорусской ССР и Молдавской ССР.

вался диапазон приема, но мы и этого не могли оценить как следует, потому что у отца был наготове следующий вариант. Он предпочитал лампы, а Петя внедрял всячески транзисторы, полупроводники, отец возвращался к лампам, утверждая, что их возможности далеко не исчерпаны. И, наконец, завершая вроде бы соревнование, в котором так и не выявился победитель, они вместе построили комбинированный транзисторно-ламповый приемник, просуществовавший дольше своих предшественников дня на три,— он уступил место еще более сложной комбинации. А мы с мамой купили простенький настольный динамик... Как видите, техническое сотрудничество Карташовых — старшего и младшего — крепло. Петя был уже в курсе заводских усовершенствований и изобретений отца, который последнее время занимался так называемыми следящими системами. Это они для меня «так называемые», для дилетантки, знающей о них понаслышке. Знаю, что это связано с гидравликой, с электроникой, применяется в автоматике, в кибернетике—наисовременнейшая, словом, техника. Отец разрабатывал такие устройства для своих балансировочных станков, для шлифовальных. Кстати сказать, диплом студента — выпускника приборостроительного факультета Ленинградского механического института Петра Карташова посвящен электроприводам следящих систем. Готовясь к его защите, Петя обнаружил среди отцовских чертежей, вот в этой папке, чертеж, словно бы специально сделанный им для будущего дипломного проекта сына...

Мой брат — гармонически развивающаяся личность. Кроме всего прочего, а среди этого прочего стойкий интерес к медицине,— собирался, если не примут в механический, сдавать в медицинский, к археологии — мечтает отправиться с экспедицией на раскопки древних культур, кроме всего прочего, говорю, он просто здоровый, сильный парнище. Боксер. Борец. Самбист. Любимое его присловье: тело — храм души... Знакомый с философией йогов и в основном отвергая ее как нематериалистическую, он перенял кое-что из их практики, из их упражнений. И, в частности, способ глубокого ритмичного дыхания при ходьбе. Человечество давно разучилось правильно дышать, чем объясняются многие катаклизмы в его истории. Но шутки в сторону, дышать надо только так: восемь шагов — вдох, восемь шагов — пауза, восемь шагов — выдох. У Пети такое дыхание стало естественным, иначе он уже не может. Я пробовала, пока не получается. Иду, восемь шагов вдыхаю, восемь шагов затаиваю дыхание, гляжу на часы, господи, опаздываю на заседание КВАТА, выдох перемешался со вздохом, вздох с выдохом, бегу...

— А тебе и сейчас уже пора бежать, милиционеры ждут. Напоминаю об этом как нештатный сотрудник милиции...

Мы не заметили, как на пороге комнаты возник Петя, раньше времени вернувшийся из института.

И вот мы вдвоем с ним. Галина убежала читать лекцию. И я чувствую, что маленькая моя месть упрямой собеседнице, не желавшей говорить о себе, близка к осуществлению — брат воздаст. Лихорадочно работаю карандашом, слушая Петю, и то, что записано, можно назвать

МОНОЛОГ О МОЕЙ СЕСТРЕ.

— Моя сестра — человек деловой, целеустремленный, как пишут в газетах. Между прочим, она по газетам-то и освоила азбуку. Без букваря. Отец читал «Правду», и Галка, сидя у него на коленях, запоминала буквы в заголовках. И примерно с этого же периода была запрограммирована ее будущая профессия: сперва обучала кукол, а затем жертвой ее склонности к дидактике, к поучительству стало живое существо в лице младшего брата. Она и нынче подавляет меня в этом смысле на правах старшей, вооруженной к тому же педагогическим дипломом...

Интересы моей сестры многогранны, как и ее практическая деятельность, что не противоречит цельности натуры. Все сплетено воедино, в крепкий узел. Взять хотя бы профессию — учительница. Преподаватель химии. На английском языке. В школе для слабовидящих детей. Три профиля, три грани в одной специальности. Сам предмет — химия — облюбован издавна. Преуспевала по всем предметам, серебряная медалистка, а по химии из первых была первая. И дома у нас ее стараниями сплошная химизация внедрялась. Жили под постоянной угрозой взрыва страшных смесей, которые она приготовляла в своих пробирках и колбах на кухне. Я уж не говорю о запахах. Отец поддерживал Галку в этих занятиях, считая химию одной из самых перспективных наук. Они вместе сконструировали аппарат для производства серебряной воды, и меня привлекали консультантом, поскольку это связано с электролизом. Отец пил полученную воду, восхваляя ее лечебные свойства... С химией, стало быть, все ясно: к ней давний интерес. Что же касается преподавания на английском, было так. После школьного выпускного вечера Галка с одноклассниками отправилась, по ленинградской традиции, на Дворцовую площадь, а оттуда, пока не развели мост, на стрелку Васильевского острова. Еще на площади заметили, иностранец присоединился: куда ребята, туда и он. Не из соображений бдительности, просто из любопытства поинтересовались: откуда, из какой страны? Канадец — молодой учитель, турист. Обступили его, и больше всех говорила с ним Галка, к собственному удивлению, легко и свободно... На другой день подавала документы в Герценовский, на химфак, и, воодушевленная вчерашними успешными переговорами с канадцем, с размаху — на английское отделение. Лишний год. Но не лишние знания. На Менделеевском конгрессе работала переводчицей, была прикреплена к Гленну Сиборгу, знаменитому американскому ученому. К языкам способность! Немецкому за какой-нибудь месяц обучилась, пока ездила в ГДР комиссаром студенческого строительного отряда... Ну, а третий ее учительский профиль возник случайно, по воле распределения. Попала к ребятишкам, которые плохо видят. И с первого урока увлеклась, затянуло. А она иначе и не умеет, неувлеченно, по верхушкам. В методику углубилась: как преподавать химию таким ребятам? Им вреден, например, красный цвет и хорошо все, что голубое, синее — облегчает восприятие. Значит, надо так подбирать опыты, чтобы «голубые» реакции преобладали над «красными». И множество иных тонкостей...

Про КВАТ вы слышали, конечно? Эта сторона деятельности моей сестры уже довольно подробно освещена в печати. Вот что пишет газета «Смена», послушайте:

«В Клубе Воинствующих Атеистов при Пединституте имени Герцена дело поставлено на серьезную основу. Здесь пять отделов: лекционно-пропагандистский, школьный, театрально-постановочный, учебный и научный. Лекционный возглавляет энергичная Галина Карташова. Студенты-кватовцы выступают с лекциями в домах культуры, в общежитиях, в жэках, в воинских частях, водят экскурсии в музей истории религии и атеизма. Галя и ее сотрудники по отделу выдают путевки, инструктируют лекторов и экскурсоводов, ведут учет их работы. Карташова и сама из активнейших кватовских лекторов, она принята в члены общества «Знание»... Июнь для выпускников — месяц расставания с институтом, с товарищами. Прощается с друзьями и Галя, но в институте остается: ее рекомендуют в аспирантуру при кафедре научного атеизма».

Почему аспирантура не по химии? А она и по химии. Тема будущей диссертации — «Менделеев и религия», на кандидата философских наук. Любопытнейшие материалы разыскала в архиве великого химика. Аспирантура заочная. Тут, знаете, небольшая оплошка вышла. Два экзамена сдала — язык, историю партии, собралась на третий, научный атеизм сдавать. По дороге забежала к бабушке, она живет в центре, недалеко от института. Бабка у нас набожная, и библию, когда нужен пример какой для лекции, Галка у нее берет. Забежала, значит, перед последним экзаменом, а бабка и говорит: «Я бы лампадку поставила тебе на счастье, да вот масло кончилось, а я не выхожу, сходи-ка купи...» Масло это продается только в магазине театрального реквизита, ну, а у Галки, как всегда, регламент в обрез, некогда было в магазин, побежала в институт. Сдала благополучно. И вдруг выясняется, что вакансии в очную аспирантуру урезаны, в заочную зачислили. Бабка узнала, говорит: «Лампадка не горела, потому и получилось не так, как надо, будешь теперь заочная безбожница, сама виновата...»

Еще из Ленинграда я написал на Украину, в город Кремгэс, названный так по Кременчугской гидростанции, возле которой он возник в пятидесятых годах. Я бывал на этой стройке, знаю этот милый городок, в то время он был рабочим поселком Табурище... Я написал живущему там человеку, который, если помните, прислал две открытки Карташовым: одну — в середине войны, другую — через двадцать пять лет. Ответа мне долго не было, пришел лишь на повторный мой запрос.

«...Извините задержку, она непроизвольная, так как первое Ваше письмо блуждало: изменилось не только название города — мы теперь Светловодск — по светлым водам здешнего моря-водохранилища,— но и мой личный адрес сменился. К тому же я перенес операцию правой руки, не мог писать, и, как собрался, подоспело новое письмо от Вас.

Просите рассказать об Иване Петровиче, каким его помню.

Мы познакомились весной 1942 года. Все, что было с ним до этого, неизвестно мне в подробностях. Человек малоречивый, он скупо говорил о себе. Знаю, что воевал с первых дней войны, был в окружении в районе Кременчуга, выходили с боями маленькой группой. Ранило, оказался в плену, дважды бежал неудачно, на третий раз удалось уйти. Но по дороге на восток силы иссякли, его подобрали в лесу жители. Спрятали на дальнем хуторе, выходила, вылечила врач из местной больницы, которой помогала старушка мать... Нашелся предатель, выдал Ивана, и снова лагерь военнопленных. Так он попал в наш Ново-Георгиевск. Лагерь в сарае человек на сто. Пленных водили на обозный завод, который выпускал повозки. Там мы и повстречались с Иваном Петровичем. Я, мальчишка пятнадцати лет, исполнял всякую черную работу. Карташов был насекальщиком напильников в слесарной мастерской, адский труд, 10—12 часов без отдыха высекать вручную зубилом и молотком мелкую-мелкую насечку. Пальцы всегда в крови, ногти сбиты, в легких едкая металлическая пыль. А я знал, что он лекальщик высшей квалификации...

Через некоторое время немцы перевели пленных под охрану полиции, разрешили жить на квартирах с обязательной ежевечерней регистрацией. Карташова приютили в семье, глава которой, советский офицер, находился на фронте. Петрович спал в кладовой, без окон, но с двумя выходами, днем она заставлялась шкафом. Эту кладовку Иван превратил в небольшую приемную радиостанцию. По его заданию я раздобыл испорченный сетевой приемник, который он переделал в батарейный, основные панели вмонтировал в двойную крышку гардероба, батарейки — под пол, а антенну в виде бельевой веревки вывел на чердак, вот вкратце схема этого радиочуда. Слушал Москву, сводки Совинформбюро, передавал друзьям, а те дальше.

Нас было несколько человек возле него. Самый близкий товарищ — Вася Кузнецов, тоже пленный. Кажется, из Ворошиловграда, с паровозостроительного, электросварщик. Позже, как рассказывали, погиб в бою за Корсунь... Дружил Иван со стариком Кучеренко. Кузнец был, юность провел в учениках на петербургских заводах. Воспоминания о Питере и сблизили их поначалу. Старик помогал Ване материально, проще говоря, подкармливал, пленных ведь фактически не кормили, они сами раздобывали себе пищу... Ну и еще двое-трое. Не так уж много удалось нам сделать, но все же досаждали как могли гитлеровцам. Они пробовали в летнюю навигацию наладить на Днепре круглосуточное движение. Мы частенько тушили бакены, переставляли их с места на место, и плавать немцам приходилось с оглядкой, а после того, как раз-другой суда садились на мель,— только днем.

Дважды пытался Карташов уйти из города, пробиться через линию фронта, которая приближалась к нам теперь с востока. В первый раз с ним пошли Кузнецов и еще двое пленных, два Виктора, фамилий не помню. Где-то западнее Полтавы были задержаны, избиты, водворены обратно в Ново-Георгиевск... Во второй попытке и я участвовал. Это было, когда уже шли бои за Харьков, нам слышна была артканонада. Я получил повестку с биржи труда, скрывался на острове от угона в Германию. Иван и Вася пришли ко мне ночью, мы перебрались на лодке на левый берег, разошлись в разные стороны, чтобы разведать обстановку, снова собрались — и на восток, на восток. Около поселка Градижск, переходя через шоссе, идущее с Киева на Харьков, нарвались на заслон власовцев, которые охраняли все дороги...

Последний раз мы встретились с Ваней зимой сорок третьего, после освобождения нашей местности. Я как порученец Ново-георгиевского военкомата был послан с каким-то заданием в городок, где формировались воинские части в канун Корсунь-Шевченковской операции. Тут я и увидел на улице Карташова в полной военной форме. Он рассказал, что в октябре перешел все-таки линию фронта в расположении 5-й дивизии. Я спросил, написал ли он домой. Иван сказал: «Зачем сейчас писать, о чем? Останусь живой, явлюсь...» Я понял, что его угнетает мысль о плене. Я попросил у него ленинградский адрес. Он сказал: «Не надо пока писать туда...» А когда мы расставались, дал все-таки адрес родных, но повторил: «Сейчас не пиши...» Я обещал, но не смог сдержать слова, послал в Ленинград открыточку, что живой он...»

Вот какой человек был Иван Петрович Карташов. Снова и снова вспоминаю его, думаю о нем. Перед моим внутренним взором высокий, издалека видный обелиск на днепровском островке. На нем нет имен, нет имени Карташова. Но рядом с этим обелиском, как бы наплывающую на него, вижу мемориальную плиту в инструментальном цехе «Экономайзера»: «Здесь работал лауреат Государственной премии...» Работает! Живет Ваня...

28 мая наша страна отмечает 50-летие со дня создания советской прокуратуры. «Огонек» попросил Генерального прокурора СССР **РОМАНА АНДРЕЕВИЧА РУДЕНКО** ответить на несколько вопросов редакции.

Роман Андреевич Руденко.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

ИМЕНЕМ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА...

ВОПРОС. Какое развитие в жизни нашего государства получили ленинские идеи организации прокуратуры?

Ответ. В первых же декретах Советской власти подчеркивается необходимость строжайшего соблюдения законов. В резолюции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, написанной Владимиром Ильичем и принятой в первый же день победы Октябрьской революции, Совет выражал «уверенность, что городские рабочие, в союзе с беднейшим крестьянством, проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма».

Полвека назад, 28 мая 1922 года, постановлением 3-й сессии ВЦИК была учреждена советская государственная прокуратура. Она создавалась на основе указаний В. И. Ленина, содержавшихся в его письме от 20 мая 1922 года «О «двойном» подчинении и законности».

Владимир Ильич требовал «абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы», «на деле противостоять местным влияниям, местному и всякому бюрократизму». Это письмо, написанное незадолго до образования Союза ССР, сыграло решающую роль в борьбе за осуществление единства законности для всей федерации советских республик, за создание прокуратуры, независимой от местных органов, как органа надзора за точным исполнением законов, за установлением единообразного их понимания в стране.

Ленинские принципы организации и деятельности прокуратуры, закрепленные в Конституции СССР, полностью восприняты ныне действующим Положением о прокурорском надзоре в СССР. В нем определены его задачи во всех сферах государственной и общественной жизни.

В журнальном интервью не перечислишь всех обязанностей прокурора. Но на некоторые из них хотелось бы обратить внимание читателей, в особенности сейчас, когда партия так остро ставит вопрос о правовом воспитании наших граждан.

Прокурор обязан следить за правильным и единообразным применением законов, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям. Он отвечает за то, чтобы ни одно решение местной власти не расходилось с законом. Его обязанность — своевременно принимать меры к устранению всяких нарушений законов, от кого бы эти нарушения ни исходили. Он вправе вносить в государственные органы, общественные организации представления об устранении нарушений закона, причин и условий, которые способствуют этим нарушениям. Прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами дознания, предварительного следствия, за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений, постановлений судебных органов, за соблюдением законов в местах лишения свободы. Прокуроры действуют независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР.

Строгое соблюдение законности — предмет постоянной и неустанной заботы Коммунистической партии. «Социалистическая законность, правопорядок — основа нормальной жизни общества, его граждан»,— говорил товарищ Л. И. Брежнев в речи перед избирателями 12 июня 1970 года.— «Укрепление законности, упрочение социалистического правопорядка — это, таким образом, общегосударственная, общепартийная задача».

ВОПРОС. Могли бы вы познакомить читателей с наиболее важными проблемами, которые стоят сейчас перед советской прокуратурой?

Ответ. Ныне, как никогда ранее, все возрастающее общегосударственное и общепартийное значение приобретают укрепление социалистической законности и государственной дисциплины, охрана советского правопорядка и законных прав граждан, усиление борьбы с правонарушениями, с преступностью, а главное, их предупреждение. Под пристальным нашим вниманием — нарушения государственной и трудовой дисциплины, безответственное, недобросовестное отношение к своим обязанностям тех должностных лиц, которые не считаются ни с интересами общества, ни с правами и законными интересами граждан. Диапазон дел, которыми приходится заниматься прокурору, необычайно велик — сегодня он привлек к ответственности хозяйственников, выпустивших недоброкачественную продукцию, занимался исследованием причин, порождающих брак, плохое качество товаров, внес свое представление об устранении этих причин, а завтра листает дело о приписках, об очковтирательстве на заводе или в совхозе: государство облекло его высоким доверием — вести надзор за соблюдением законности в хозяйственной деятельности. И он так же решительно борется с приписками, очковтирательством, как и со стяжательством, тунеядством, хищениями, взяточничеством и другими опасными нарушениями.

Хочется особо отметить значимость борьбы прокуратуры с хулиганством, особенно со злостным хулиганством, как с одним из наиболее опасных преступлений против установленного законом общественного порядка. И в связи с этим вновь о пьянстве. Известно, что подавляющее большинство преступлений против личности совершается людьми, находящимися в состоянии опьянения. Против этого страшного зла мобилизованы все силы общественности. Прокуроры, выступая с докладами перед населением, выступая в судебных процессах, со всей яростью обрушиваются на пьяниц, вскрывают, какой вред приносит пьянство, порождающее преступления.

По-прежнему мы зорко следим за всем тем, что толкает несовершеннолетних на преступления. Далеко не последнюю роль здесь играет подстрекательство взрослых, вовлечение ими несовершеннолетних в преступные дела. Настойчиво выявляя таких подстрекателей и привлекая их к уголовной ответственности, прокуроры тем самым выполняют и такую свою важную обязанность, как предупреждение преступлений несовершеннолетних.

В последнее время в сфере деятельности прокуратуры все чаще оказываются дела, связанные с охраной природы. Партия требует, чтобы научно-технический прогресс сочетался с хозяйским отношением к природным ресурсам страны. И одна из важных наших обязанностей — привлекать к ответственности тех, кто нарушает законы об охране природы, кто губит ее, наносит ущерб обществу, государству.

Не могу не отметить еще одну сферу, требующую зоркого прокурорского надзора,— это любые проявления местничества, ведомственной ограниченности, бюрократизма. К сожалению, здесь органам прокуратуры приходится еще действовать весьма активно, напоминать ленинское требование: «...Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик...»

ВОПРОС. Вы определили, так сказать, направление «главного удара» прокуратуры. А в какой форме этот «удар» наносится? Ведь и суд и органы милиции тоже борются с теми же правонарушениями, о которых вы говорили. В чем же специфика действий прокурора?

Ответ. Вы правильно заметили, что и прокуратура, и суд, и милиция, и органы юстиции, выполняя указания партии и правительства, ведут «огонь» по одним и тем же целям. Но оружие у нас разное.

Я уже упоминал о нашей задаче осуществлять надзор за расследованием преступлений. Это задача сложная, ответственная, это дело, на котором проверяется политическая зоркость, принципиальность прокурора. В стадии расследования преступлений прокурор, с одной стороны, привлекает к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимает меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым, а с другой стороны, он строго следит за тем, чтобы ни один гражданин не подвергся незаконному привлечению к уголовной ответственности. Более того. Прокурор обязан про-

следить за тем, чтобы органы дознания и предварительного следствия неуклонно соблюдали установленный законом порядок расследования преступлений.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал воспитательную роль судебного процесса, который оказывает большое предупредительное воздействие на неустойчивых, недисциплинированных граждан. Из хорошо организованного, проведенного на высоком уровне судебного процесса можно и должно вынести, как говорил В. И. Ленин, «уроки общественной морали и практической политики». Это ко многому обязывает прокурора, выступающего в суде от имени государства, особенно в публичных судебных процессах, в выездных сессиях суда, разбирающих дела, к которым приковано внимание населения. Прокурор и здесь настойчиво продолжает разоблачать преступника, обеспечивая неотвратимость наказания. При этом он помнит ленинское требование к прокурору, выступающему в суде: перед всеми разнести вдрызг, осмеять и опозорить преступление и вместе с тем поставить обвинение разумно, правильно, в меру.

Прокуроры вносят протесты на незаконные акты, вносят представления, требуя устранить вскрытые недостатки, ликвидировать условия, способствующие правонарушениям. Для нас сейчас самое главное — это действенность прокурорского надзора, его результативность. Привлечь к ответственности, выступить с протестом, представлением — это, конечно, очень важно. Но это еще не все. Нужно активно добиваться устранения тех недостатков, тех условий, которые способствуют преступной деятельности.

Само собой разумеется, что прокуратура действует, опираясь на могучую силу общественности, координируя свои усилия с органами внутренних дел, юстиции, с судом.

ВОПРОС. Нельзя ли сказать несколько подробнее о связях прокуратуры с общественностью, с широкими массами трудящихся?

Ответ. В. И. Ленин учил, что советские законы очень хороши, потому что они предоставляют всем возможность бороться с бюрократизмом, волокитой, с преступными явлениями, но добиться успеха в этой борьбе, завершить ее можно, только если сама народная масса помогает. С первых дней своей деятельности советская прокуратура опиралась на помощь общественности. Особенно большую роль играли в свое время общественные обвинители. Их голос и теперь гневно звучит на судебных заседаниях. Известно немало крупных судебных процессов с участием общественного обвинителя.

Почти повсеместно действуют общественные помощники прокуроров. Они оказывают большую помощь, когда приходится проверять жалобы, выяснять обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения жалоб.

Органы прокуратуры опираются на помощь советских граждан, общественных организаций и тогда, когда идет розыск преступника — крупицы улик, полученных от лиц, не имеющих ничего общего с прокурорской работой, иногда позволяют следователю распутать самые запутанные клубки преступлений,— и тогда, когда надо предупредить преступное деяние, устранить причины, его порождающие, или разоблачить тех, кто попустительствует расхитителям народного добра.

Решения партии и правительства о мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка создают широкий фронт борьбы с правонарушителями силами всех государственных и общественных организаций. Фронт этот, несомненно, будет укрепляться по мере активизации наших усилий в правовом воспитании советских граждан.

ВОПРОС. Как работники прокуратуры помогают этому? Некоторые юристы высказываются за «юридический всеобуч». Что вы скажете по этому поводу?

Ответ. Широкую пропаганду права ведут и прокуроры. Они выступают с лекциями, докладами, проводят вечера вопросов и ответов. Это их повседневная работа. В предупреждении правонарушений немалую роль играют выездные сессии судов, выступления прокуроров с трибуны государственного обвинителя. Речь прокурора в судебном заседании — это ведь тоже форма правового воспитания граждан. За последнее время зарекомендовали себя народные университеты и школы правовых знаний для молодежи, передачи по радио и телевидению, радиожурнал «Человек и закон».

Мне думается, что настала пора поставить правовое воспитание подрастающего поколения на более прочную базу. Нужно привить молодежи уважение к закону. Нельзя не приветствовать включение в учебные планы профессионально-технических училищ такой обязательной дисциплины, как основные нормы советского права. В некоторых общеобразовательных школах в восьмых классах в порядке эксперимента вводится преподавание основ Советского государства и права.

Общепризнанная истина: уважение к закону, к правилам общежития воспитывается в человеке с детства, воспитывается в семье, школе. В старших, 8—10-х классах обязательной дисциплиной для всех учащихся должно стать законоведение. То же надо делать и в техникумах. Если все это сочетать с повседневной воспитательной работой, с выпуском документальных и художественных фильмов, посвященных формированию социалистического правосознания, то можно не сомневаться в том, что мы сумеем привить молодому человеку сызмала уважение к закону.

Еще и еще раз хочется напомнить сказанное Л. И. Брежневым на XXIV съезде КПСС: «Укрепление законности — это задача не только государственного аппарата. Партийные организации, профсоюзы, комсомол обязаны делать все, чтобы обеспечить строжайшее соблюдение законов, улучшить правовое воспитание трудящихся. Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц».

«БУДУ ИДТИ ВПЕРЕД!..»

Льву Ивановичу Ошанину исполняется шестьдесят. И уже около сорока лет он дарит людям песни. Песни, на которые отзываются тысячи и тысячи молодых сердец, песни интимно-лирические, и песни, которые поют солдаты-ветераны, вспоминая военные дороги, и такие, которые просто немыслимы без звонкой чистоты детских голосов.

Стоит лишь напомнить названия этих песен — и они сами все скажут за себя: облетевший весь молодой мир «Гимн демократической молодежи» и столько раз слышанная в проникновенно лирическом исполнении Людмилы Зыкиной «Течет Волга»; суровые и драматичные «Дороги» и пронизанная верой в светлое, в мир на земле «Пусть всегда будет солнце»...

Можно называть и называть популярные песни, слова которых написал Лев Ошанин, но и без такого перечня ясно: урожайность и многообразие их завидны.

Однако нельзя не упомянуть о том, что судьба Л. Ошанина как поэта-песенника складывалась хотя и удачно, но отнюдь не просто. Первые песни его появились в конце 30-х годов. В конце войны эпически и одновременно задушевно прозвучали «Дороги». Но большинство известных песен написано Л. Ошаниным в послевоенные годы.

В ту пору, скажем так, ведущей стала песенная традиция, песенная школа, лучшим представителем которой был и остается большой русский поэт Михаил Исаковский. Главный девиз этой школы таков: песня рождается из стихов, которые могут звучать и существовать самостоятельно.

Но, видимо, время требовало и иных песен — песен, которые создавались поэтами в теснейшем содружестве с композиторами. Сам Л. Ошанин признает, что популярными многим песням его помогли стать отличные мелодии М. Фрадкина и Б. Мокроусова, А. Пахмутовой и Э. Колмановского, В. Мурадели и А. Новикова. А в недавние годы особенно устойчивым и плодотворным было содружество Л. Ошанин — А. Островский. Пожалуй, наиболее выразительно и совершенно это содружество воплотилось в удивительно своеобразной и полной высокой символики песне «Пусть всегда будет солнце».

Но было бы не совсем справедливо называть Льва Ошанина только поэтом-песенником. Примечательно, что первый его сборник, вышедший в 1948 году, был составлен из песен и стихов. А выпущенный в минувшем году двухтомник «Избранное» тоже лишь частично заполнен текстами песен — большое место в нем занимают стихи и поэмы Льва Ошанина. Естественно, многие стихи поэта тематически перекликаются с его же песнями. В стихах, к примеру, он утверждает:

...счастлив буду только трудным счастьем,
В котором дни летят, а не ползут...

А не родственно ли это утверждение известным словам из песни «Дайте трудное дело» и торжественному обещанию в «Песне о тревожной молодости»:

Пока я ходить умею,
Пока глядеть я умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед!..

Именно такого трудного счастья на поэтическом и песенном пути и хочется пожелать юбиляру.

З. ДАНЬШИН

ГОСТИ ДВУХ КОНТИНЕНТОВ

Четыре года назад в солнечном Узбекистане впервые собрались на международный смотр кинематографисты стран Азии и Африки... Это было трудное время: Ташкент только еще приходил в себя после землетрясения. Участники и гости фестиваля были свидетелями огромного строительства, которое вела в Ташкенте вся наша страна... Сейчас Ташкент принимает гостей уже полной мерой: весна особенно украшает город своим цветением, делает его новый, современный облик светлым и радостным.

Всюду на улицах, в вестибюлях гостиниц оживленные беседы: обмениваются новостями кинодеятели двух огромных континентов: Алжир, Гана, Гвинея, ДРВ, АРЕ, Индия, Ирак, Иран и КНДР, Мали и Марокко, МНР, Непал, Пакистан, РЮВ, Сенегал и Сирия, Таиланд и Уганда, Цейлон, Япония и многие другие прислали своих представителей на один из крупнейших форумов киноискусства.

Кроме собственно фестивального показа, в кинотеатре «Спутник» демонстрируются лучшие картины всех союзных республик СССР, посвященные знаменательной дате — 50-летию Советского государства. Участникам и гостям фестиваля предстоят интересные поездки в Бухару, Самарканд, Андижан, Фергану, встречи с тружениками городов и сел республики.

ЗАСТАВА У Р

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Пост наблюдения.

Отличники боевой и политической подготовки матросы Александр Кирьяков и Владимир Ровнушкин.

ЕКИ

По сигналу тревоги вышла поисковая группа.

По тревоге.

Отличник боевой и политической подготовки ефрейтор Алексей Кулик.

Виталий ЗАСЕЕВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

РЕПОРТАЖ

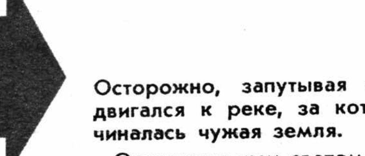
Сигнал тревоги догнал Геннадия Лелюха в конце коридора, когда он взялся за ручку двери ленинской комнаты, где начиналось комсомольское собрание. Ребята долго готовились к этому дню, любовно украсили зал, сержант Сергей Крютченко раздобыл где-то букетик полевых цветов, ефрейтор Валентин Горшков подготовил фотомонтаж, оформил стенд «Мастера пограничной службы».

За дверью слышалась музыка, кто-то вполголоса напевал знакомую песню. И вдруг все смолкло.

Тревога!

Через минуту поисковая группа вместе с начальником заставы лейтенантом Г. Лелюхом мчалась к месту нарушения государственной границы СССР.

Нет, нет, дорогой читатель, не ищите в этом месте традиционного журналистского поворота и признания автора в том, что тревога была учебной. Опытный, хорошо подготовленный преступник пытался нарушить границу.

Осторожно, запутывая след, он двигался к реке, за которой начиналась чужая земля.

Ослепительным светом вспыхнули прожектора расчета сержанта Рената Нурлыгаянова, в небо взлетела ракета: одна, вторая, третья... А опытный Тагай никак не мог взять след. Собака нервничала, скулила, топталась на месте, виновато опустив голову, поджав хвост. На Тагая жалко было смотреть.

Тревожные группы уже прочесывали камыш, с реки подали сигнал сторожевые катера (Г. Лелюх отметил про себя: всего минута понадобилась морякам, чтобы перерезать преступнику путь со стороны реки), а на помощь Тагаю мчался знаменитый Волк, легендарный пес, ни разу за всю свою жизнь на границе не обманувший надежд своего хозяина сержанта Владимира Москаленко.

Вперед, вперед, Волк!

Секунду поколебавшись, собака круто повернула влево и помчалась вдоль заградительной линии. Через триста метров она повернула к реке. В. Москаленко еле поспевал за ней. Рядом бежала поисковая группа. Возле небольшого озера Волк остановился на миг, а потом с силой натянул поводок в сторону зарослей камыша. В одно мгновение это место оцепили пограничники.

— Выходи, руки вверх! — скомандовал в темноту лейтенант. Лязгнул затвор автомата.

Медленно тянулись секунды. Г. Лелюху показалось, что прошла вечность, пока из камыша, пряча за воротником лицо, не вышел человек...

Нарушителю не удалось уйти от пограничников.

Вечером я беседовал с начальником заставы.

— Собрание мы решили перенести на завтра, пусть отдохнут солдаты,— сказал лейтенант.— А потом соберемся вместе с соседней заставой, пригласим наших боевых товарищей — моряков.

Незаметно летит время, когда гостишь у пограничников. Каждый день жизни солдат заполнен интересными боевыми делами. Утром лучший наряд недели (этим званием ребята особенно дорожат) под звуки Гимна Советского Союза поднимает флаг. В подразделении Г. Лелюха солдаты соревнуются за честь называться лучшим следопытом, лучшим стрелком, лучшим наблюдателем, лучшим старшим... И такими именами, как Ренат Нурлыгаянов, Григорий Каранфилов, Николай Вакаренко, Александр Кулик, Борис Буянов, Сергей Крютченко, и многими другими по праву гордятся боевые друзья.

За встречей приходит расставание. Было немножко грустно прощаться с ребятами, которые сегодня, приняв эстафету от своих дедов, отцов, старших братьев, зорко стерегут границы Родины, Союза Советских Социалистических Республик, отмечающего свой полувековой юбилей. И еще долго мотив знакомой песни будет напоминать тот вечер и заставу у реки.

Энская застава
Южная граница СССР

Владимир КАТИН

ОБРЕЧЕНН

В Латинском квартале Парижа, где учится, живет и круглые сутки колобродит молодежь, я познакомился с Жоржем Краммом. Это произошло в книжном магазине, когда я покупал только что выпущенную издательством «Жюльяр» брошюру об Израиле. Стоявший рядом курчавый парень улыбнулся и спросил: «Интересуетесь страной? Едва ли вы узнаете из этой книжки правду, едва ли...»

Мы разговорились. И потом долго сидели в застекленном, как аквариум, кафе, беседовали. Вернее, он рассказывал, а я слушал и кое-что записывал в свой блокнот.

...Год назад Крамм отправился в Израиль, как он считал, «по убеждению, по велению сердца, из чувства долга». Нет, во Франции, где он родился и вырос, Крамм никогда не чувствовал себя чужим. Просто ему казалось, что коль скоро евреи обрели свою историческую родину, то им всем, где бы они ни жили, следует туда съехаться и быть вместе. К тому же сионистская литература, которую Крамм поглощал в огромных количествах, ловко внушала, что все евреи — родные братья и сестры по крови независимо от того, где они живут и какое социальное положение занимают.

Вскоре после приезда в Израиль Крамма призвали в армию. Около года он прослужил в Синайской пустыне — на оккупированной египетской территории. За этот год он многое узнал и понял, многое пересмотрел в своих убеждениях. Он видел концентрационные лагеря для арабов, где полностью воспроизведены режим и методы гитлеровских времен. Но он не увидел единого народа, живущего в согласии и дружбе, о чем трубит сионистская пропаганда... Он нашел обыкновенное буржуазное общество со всеми присущими ему классовыми противоречиями, к тому же раздробленное на враждующие между собой этнические кланы. Но он не нашел ни процветания страны, ни привлекательной перспективы на будущее для ее граждан.

— Судите сами,— говорил Крамм,— какой моральный шок получает человек, который за короткий перелет по трассе Париж — Тель-Авив попадает из мирного времени в военное. Теперь я вижу, что практически ничего не знал тогда об израильском государстве. Страна мне представлялась такой, как те яркие, словно переводные картинки, туристские плакаты с видами Израиля, что висят на станциях парижского метро. На самом деле это — жестокое гарнизонное государство.

Крамм покинул Израиль, чтобы никогда туда больше не возвращаться.

Рассказ этого парня дает отчетливую проекцию той метаморфозы, которая происходит сейчас в сознании очень многих евреев — переселенцев, раскусивших наконец истинные сионистские замыслы. Людей, глубоко разочарованных жизнью в Израиле, испытавших там невзгоды и беззаконие, мне приходилось встречать в Австрии, Швейцарии, Голландии и других странах. Если сионистской пропаганде, которая ведется интенсивно и систематически, одно время удавалось затуманить головы определенной части евреев, живущих вне Израиля, и заманить их в свои капканы, то теперь наступило время переоценки фальшивых сионистских ценностей. Наступил период глубокого разочарования переселенцев, столкнувшихся с неприглядной израильской действительностью, со свинцовой бюрократией этого полицейского государства. Все лозунги, все «идеалы» сионизма оказались мифами, блефом, мошенничеством. Именно поэтому за время существования Израиля его пределы покинули около четырехсот тысяч евреев, в подавляющем большинстве европейского происхождения.

Отъезд из Израиля людей, разочарованных дутыми идеалами сионистов, а зачастую разгневанных их явным подвохом, возрастает. Причем эти люди не просто покидают границы государства, но и клеймят его порядки, изобличают обман. Вот что пишет в своем открытом письме в израильской газете «Давар» профессор из США Роберт Голди:

«Мы с женой провели в Израиле более двух лет, встречались с эмигрантами из СССР, Польши, Румынии, Латинской Америки, Индии, Ка-

Олег ШМЕЛЕВ

-ЭТО ВАША ПОДПИСЬ?

Семья инженера Ц. жила ровно, без крупных огорчений, и в этом смысле она ничем не отличалась от других счастливых семей, ибо, как сказано, все счастливые семьи похожи друг на друга. В научно-исследовательском институте сослуживцы, в том числе и начальство, относились к Ц. с уважением, жена его готовилась защитить кандидатскую диссертацию, недавно они получили двухкомнатную квартиру, и единственное, что нарушало эту благодать, были нетипичные двойки, приносимые иногда из школы Сашкой, их сыном-пятиклассником.

Не по летам проницательный, Сашка уже давно понял, что мать и отец не делают трагедий из этих двоек. Он боролся за свою собственную успеваемость вполне сознательно, а не из-под палки и потому точно знал, что двойки будут им искоренены, как только кончится хоккейный сезон. Вполне понятно, что сам Сашка относился к двойкам еще более философски, чем его родители.

Но однажды...

Сашка вошел молча, долго шаркал подошвами ботинок по резиновому половичку у двери, тихо положил портфельчик на полку, тихо разделся. Мать и отец видели, что с сыном происходит нечто необычное, но, переглянувшись, решили не торопить событий.

Сашка крепился недолго.

— Пап,— сказал он хмуро,— Нина Петровна велела тебе прийти.

— А в чем дело?

— Хочет видеть.

— Дай дневник.

ОСТЬ СИОНИЗМА

нады, Сингапура и США. Без всякого преувеличения могу сказать, что ни один из них не заинтересован в том, чтобы оставаться в Израиле. Те, кто еще не уехал, собираются это сделать в ближайшем будущем».

В свою бытность премьером Бен-Гурион, а затем и его преемники не раз твердили американским евреям о том, что хороший сионист — это тот, кто эмигрирует в Израиль. Всего в США сейчас проживает около шести миллионов евреев; за период с 1948 по 1968 год в Израиль переехало лишь двадцать пять тысяч человек — процент, как видим, небольшой. Их будет и того меньше, если они последуют примеру Р. Голди.

И тем не менее сионисты всеми неправдами продолжают заманивать евреев в Израиль. Им нужно пушечное мясо и рабочие руки. В начале нынешнего года явно обеспокоенная недостаточным притоком евреев в Израиль Г. Меир прямо заявила, что, если поток иммигрантов начнет иссякать (что уже имеет место.— **В. К.**), это будет «величайшей трагедией». Имеется в виду трагедия для сионизма, ведь на 1972 год запланирован «импорт» 70 тысяч человек для того, чтобы сформировать несколько новых полков и заселить захваченные арабские территории.

В Австрии мне приходилось встречаться с бельгийцами, голландцами, шведами, целыми семьями возвращавшимися из Израиля через Вену снова к себе на родину. Обстановка в израильском государстве их не устраивала с чисто житейской точки зрения. «Израилю нужны люди, готовые принести себя в жертву,— рассуждал К. Клодт из Стокгольма.— Но ради чего мы должны заточить себя на всю жизнь в окраинные, пустынные районы? Мы, иммигранты, органически не можем интегрироваться в этой стране, не можем стать частью ее народа. Вероятно, это возможно лишь для людей второго поколения, родившихся в Израиле. Значит, надо либо пожертвовать собой, либо бежать. Мы выбрали последнее...»

Каково же положение евреев, живущих в самом Израиле — в этом разрекламированном якобы «бесклассовом раю»? Показания очевидцев, или, вернее, жертв сионистской пропаганды, свидетельства прессы, а также участившиеся забастовки и демонстрации в самом Израиле говорят о том, что пороки капиталистической системы проявляются здесь в усугубленном виде. Увы, бесклассового общества, конечно же, не получилось: в Израиле есть трудящиеся и эксплуататоры, есть беднота и капиталисты. Не получилось и монолитного народа.

Люди живут в Израиле крайне разобщенно, изолированно, сообразно своим обычаям и традициям: коренное население — отдельно, выходцы из Европы — отдельно, североафриканские евреи — отдельно и так далее. Все чаще в стране происходят массовые демонстрации против дискриминации властями евреев неевропейского происхождения. Так, во время работы очередного сионистского сборища — 28-го «конгресса», который проходил в Иерусалиме в январе нынешнего года, тысячи представителей молодежи приняли участие в демонстрациях протеста против внешней и внутренней политики сионистов. Они несли лозунги: «Государство — да, империя — нет», «Израиль — полицейское государство». В этих демонстрациях участвовали члены израильской организации «Черные пантеры». Полиция обрушила на демонстрантов удары дубинок и шквал воды из водометов.

Правящая сионистская клика вопреки своему лозунгу для внешнего потребления о всемирном еврейском братстве на практике проводит строгое разделение проживающих в Израиле евреев на несколько категорий. Делается это с изуверской целью сохранения «чистоты расы». Так, например, «сабра» — евреи, родившиеся в Палестине, открыто презирают всех других, приехавших в Израиль евреев, хотя последние по проповедям сионистских зазывал являются их «родными братьями». «Ашкенази» — евреи европейского происхождения, занимающие вторую ступеньку на расистской стремянке израильского общества, всячески подчеркивают свое превосходство над «сефардами» — евреями, приехавшими в Израиль из арабских и африканских стран. Оскорблениям, издевательствам и расистским преследованиям подвергаются израильские семьи, образованные из так называемых смешанных браков, когда отец или мать не евреи. Такие семьи просто-напросто изолируют от общества, ссылая в глубь пустыни — в военизированные сельскохозяйственные кооперативы.

Жестокую правду об Израиле иллюстрируют официальные цифровые данные: 750 тысяч израильтян из трех миллионов населения страны живут на грани нищеты; военные расходы пожирают свыше половины всего государственного бюджета; народ несет тяжелое бремя самых высоких в мире налогов; со времени образования государства здесь произведена уже седьмая по счету девальвация национальной денежной единицы; ежегодно в стране бастует свыше 120 тысяч человек...

Какую же перспективу сулят сионистские руководители своему народу в обозримом будущем? Израильтянам предлагается не задумываться над жизнью — за них, мол, думает правительство. Министр финансов Израиля выдвинул такую, например, формулу: «Каждый гражданин должен продолжать служить в армии или в запасе, ограничивать свое личное потребление, уплачивая большие налоги и принудительные займы».

Это «жизненное кредо», выработанное сионистским руководством для израильского народа, лишь подтверждает то, что в парижском кафе рассказывал мне бывший солдат израильской армии. Однако израильский народ не намерен мириться с преступным авантюристическим курсом правящей верхушки — в стране ширится забастовочное движение, растет недоверие к правительству, и борьба за социальную справедливость все теснее сочетается с борьбой за мир без оккупации. Поэтому обреченность есть закономерный и логический апофеоз сионизма.

Париж — Вена.

— Она отобрала.

— Но в чем же дело?

Сашка густо покраснел и, запинаясь, сбивчиво объяснил:

— Она дневник посмотрела... Говорит: «Это подпись чья?..» Я говорю: «Родителя...» Она говорит: «А ты в этом уверен?» Я говорю: «Здрасте...» Ну, она мне разные слова... Пусть отец придет...

Отец с матерью снова переглянулись.

— А как ты думаешь,— сказал Ц.,— уместно было это «здрасте»?

Сын молчал, опустив голову.

На следующий день Ц. отправился в школу, где его ждала классная руководительница.

Говорили они с глазу на глаз в учительской.

Прежде всего Нина Петровна положила перед Ц. развернутый дневник его сына и ткнула карандашом, как указкой, в то место, где стоит родительская подпись, которая должна свидетельствовать, что родитель просмотрел отметки за неделю. А за ту неделю у Сашки, между прочим, было три двойки.

— Это ваша подпись? — тоном следователя спросила она.

— Да.

— А вы уверены в этом?

Ему живо вспомнился рассказ сына. Поглядев еще раз на свою подпись, он ответил твердо:

— Да, безусловно.

Тогда учительница показала ему его собственную подпись за две предыдущие недели и предложила:

— Сравните.

Ц. сравнил. Действительно, последняя подпись заметно отличалась от всех других некоей неустойчивостью букв. Как будто расписались, едучи в электричке.

Ц. минуту подумал и нашел причину, которую тут же и изложил. Дело в том, что прошлым воскресеньем жена заставила его проворачивать в стене дырки для карниза, на котором вешаются оконные шторы. Завершив сей славный труд, он сел просматривать дневник сына. А так как руки его к физической работе непривычны, то они, естественно, слегка дрожали, когда он ставил свою подпись. Вот и все.

Нина Петровна мило улыбнулась.

— Да, я волновалась, когда ждала вас. Разговор на такую неприятную тему, сами понимаете, не вдохновляет. Но теперь я рада. Рада, что ваш сын все-таки не подделывал вашу подпись.

Ц. смотрел на нее в глубокой задумчивости. Нина Петровна производила очень приятное впечатление. Еще совсем молодая, во всяком случае, не больше тридцати, миловидное чистое лицо; несколько располневшая, правда, но эта полнота придавала учительнице солидность и основательность. В данную минуту на лице ее была написана искренняя радость. И именно это возмутило его.

— Чему же тут радоваться? — произнес он тихо, стараясь не выдать раздражения.

— Как так — чему? — не поняла она.— Значит, он еще не испорченный мальчик.

— Что прикажете ему сказать? Она опять не поняла:

— А что говорить? Скажите, были у меня, все в порядке.

Ц., тяжко вздохнув, поднялся и, уходя, уже от дверей сказал:

— Он же знает, что вы его подозревали...

Ц. шел домой, и всю дорогу его царапало шипящее словечко: «еще», «еще», «еще»...

Как теперь быть с пятиклассником Сашкой? Положим, инженер Ц., человек умный, добрый и глубоко порядочный, сумеет безболезненно вырвать из неокрепшей души сына злое семя подозрения, посеянное недалекой Ниной Петровной. А если не сумеет? Тогда жаль Сашку.

...Мы все судим о других людях по самим себе, мерим чужие мысли и поступки собственными мерками. Это естественно, но небезопасно.

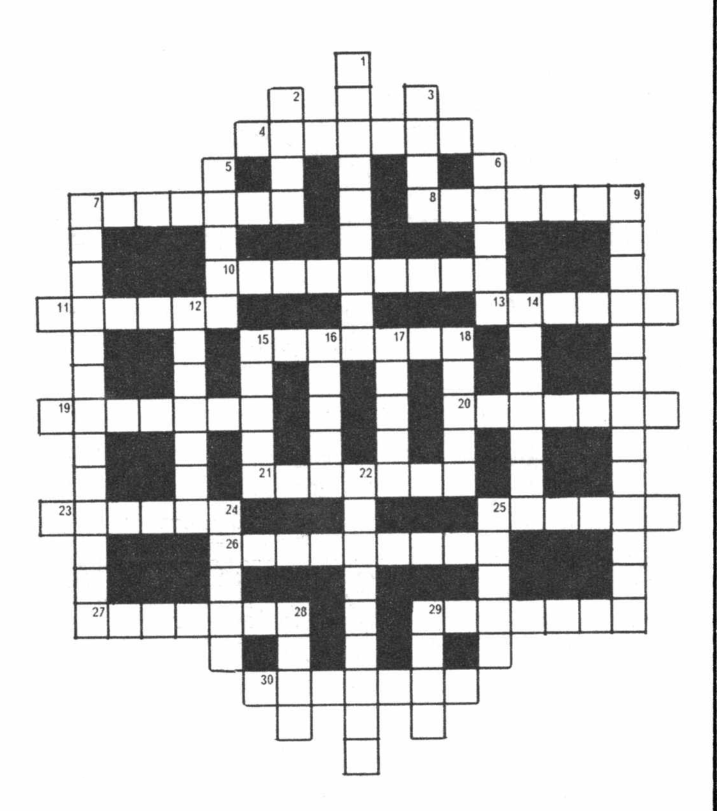
На заводах и фабриках существуют отделы технического контроля. Это норма.

Когда в магазине самообслуживания на выходе продавец или кассирша просит покупателя показать взятые им продукты, неуместно проявлять амбицию: мол, почему мне не доверяют?

Когда в автобусе или в поезде контролер проверяет билеты, на него могут быть в обиде только безбилетные «зайцы».

И вообще принцип «доверяй, но проверяй» должен действовать во всех сферах человеческой деятельности — во всех, кроме той сферы, где он может оскорбить и унизить человеческое достоинство.

И грустно сознавать, что не все это понимают.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский флотоводец. 7. День недели. 8. Многоместный автомобиль. 10. Порт в Румынии. 11. Птица отряда воробьиных. 13. Басня И. А. Крылова. 15. Столица Мордовской АССР. 19. Инструмент для измерения длины. 20. Ткань с легким начесом. 21. Узкая глубокая долина. 23. Балет А. Адана. 25. Действующее лицо пьесы Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем». 26. Государство в Южной Америке. 27. Роман В. Скотта. 29. Небесное тело, движущееся вокруг планеты. 30. Залив Атлантического океана у берегов Ирландии.

По вертикали: 1. Шутливое выражение. 2. Приток Дуная. 3. Музыкальный знак. 5. Шлюпка с низким бортом. 6. Часть плуга. 7. Дневная бабочка. 9. Областной центр в Казахстане. 12. Произведение живописи. 14. Рассказ А. П. Чехова. 15. Момент запуска ракеты. 16. Загадка. 17. Узбекский поэт и мыслитель. 18. Женская одежда. 22. Типографский шрифт. 24. Промежуток времени в схватке боксеров. 25. Деталь кривошипного механизма. 28. Газ. 29. Шахматная фигура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21.

По горизонтали: 3. «Олеся». 6. Майкоп. 7. Сарган. 8. Котловина. 10. Прус. 11. Селен. 13. Банк. 15. Геология. 16. Карамель. 18. «Спор». 20. Аракс. 21. Урюк. 23. Маргарита. 26. Доцент. 27. Нарзан. 28. Арика.

По вертикали: 1. Бертолле. 2. Карьер. 3. Опыт. 4. Ясли. 5. Махаон. 8. Космодром. 9. Амбразура. 10. Пресс. 11. Спица. 12. Нюанс. 14. Кулик. 17. Габардин. 19. Перрон. 22. Ювенал. 24. Рота. 25. Иена.

На первой странице обложки: Людмила Маршалко — трактористка из симферопольского колхоза имени Жданова, ей всего девятнадцать лет, но она уже избрана депутатом райсовета.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Река Катунь. Горный Алтай.

Фото Ю. Лушина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 8/V-72 г. А 00679. Подп. к печ. 23/V-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1142. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2933

ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ — 50 ЛЕТ

Там, впереди, горы вдруг смыкались, чтобы не пустить нас дальше, но у какой-то незримой черты снова раздвигались, открывая новые дали, и Чуйский знаменитый тракт прорывался дальше, дальше, к самой монгольской границе. И все это было удивительной страной, имя которой Горный Алтай. За каждым новым поворотом я не узнавал ее, потому что всякий раз представала она иной, эта страна. Перевал Чикет-Аман с его головоломными серпантинами переносил меня на Кавказ. Потом дорога шла по узкой полке над пропастью, и пропасть та обрывалась прямо в голубую Катунь. Семинский перевал, весь заросший кедром, с обелиском на самой вершине в честь добровольного вхождения Горного Алтая в состав России, напомнил Саяны. На смену сглаженных ветрами и временем гор — типичный Южный Урал — внезапно вставали мрачноватые, величественные пики, протыкавшие небо,— типичный Карадаг. Горы сменялись туркменской полупустыней — это начиналась Чуйская степь, а вот степь Курайская на нее совсем не походила.

Эти впечатления так меня захватили, что сначала ничего другого я не замечал. Но Чуйский тракт жил между тем напряженнейшей жизнью. Катили в Монголию и обратно фургоны «Внешторгтранса», выныривали лесовозы с боковых дорог, ведущих в леспромхозы, в дальние села везли мебель, мотоциклы, радиоприемники и всякие другие товары, а навстречу сплошным потоком двигались своим ходом и ехали на специальных машинах целые стада овец, коз, из пуха которых, кстати, вяжут знаменитые оренбургские платки, стада сарлыков — главное богатство Горного Алтая. К одному из таких стад мы подъехали поближе.

ЯКШИЛА

У синих вод Катуни меланхолично бродили, похрюкивая и мыча одновременно, сарлыки — странные животные со свирепыми бычьими мордами, длинной медвежьей шерстью и пушистым хвостом. Подошел пастух Виноград Чунижеков, поздоровался:

— Якшилар.

— Якшилар,— ответил я, и в этом алтайском приветствии было все: и вопрос (как дела, путник?), и сердечное «здравствуй», и пожелания успехов в пути и в делах.

— Виноград... Откуда такое сладкое имя? — сразу же заинтересовался я. И услышал удивительную историю. Когда-то, еще в 30-е годы, Михаил Афанасьевич Лисавенко, любитель-садовод и юрист по образованию, приехал по совету И. В. Мичурина в Горно-Алтайск для организации опорного пункта сибирского садоводства. Впоследствии он стал известным садоводом, академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Государственной премии, Героем Социалистического Труда. Сейчас на окраине Горно-Алтайска раскинулась на 200 гектарах опытная база горного садоводства — огромная коллекция плодовых деревьев и ягодников, а дело Лисавенко продолжают его ученики. Но в то время, когда он начинал, в успех его затеи верили немногие, а сами алтайцы вообще не знали садов. Лисавенко же не только верил в алтайские яблоки, но и был убежден, что в этих местах можно даже выращивать виноград. Годы прошли в упорном труде, и Михаил Афанасьевич своего добился. Когда эта весть пришла в Кош-Агач, в семье Чунижековых решили дать сыну имя Виноград...

Потом, прихлебывая чегень — кислое молоко, мы повели с Чунижековым неспешный разговор о жизни. И я бы мог догадаться наперед, что он скажет о себе (примерно, конечно) или о своем колхозе. Потому что, куда бы я ни приезжал — в гости к старому чабану, создателю первого колхоза в области Ижеру Иришеву, или к Бабыю Тужулкину, тоже чабану, молодому, но уже известному, делегату XXIV съезда КПСС, или к доярке Вере Калачевой, награжденной за ударный труд орденом Ленина, или в Шебалинский оленесовхоз, где из молодых рогов оленей-маралов добывают ценнейшее лекарство пантокрин, — везде я слышал об успехах родного колхоза или совхоза, о достатке в семьях, о новостройках, о школах, детсадах, магазинах и клубах... Собственно, ничего удивительного во всем этом нет. Из книг я знаю, что до революции в Горном Алтае на каждые две тысячи человек приходился лишь один грамотный, а промышленности, за исключением мелких кустарных мастерских, не было вообще. Факты, конечно, потрясающие, но сейчас они как-то более волнуют ум, нежели сердце, чувства. Почему? Да потому, что мы знаем: то время никогда не вернется, Советская власть — это навсегда. Старик Иришев так мне и сказал:

— Что вспоминать о той, старой жизни. То и не жизнь была, а так — прозябание. Настоящая жизнь — это жизнь советская...

Да, это жизнь настоящая, большая жизнь. За годы Советской власти в Горном Алтае созданы шестнадцать отраслей промышленности, в том числе такие, как горнорудная, лесохимическая, текстильная, промышленность строительных материалов... С помощью русских ученых создана алтайская письменность, и теперь на алтайском языке издаются учебники, газеты и книги, ставятся пьесы; открылись техникумы, училища и педагогический институт. И все-таки нельзя, наверное, забывать того, что было, потому что без этого трудно понять, каких громадных успехов достигли все народы нашей Советской страны. И маленький алтайский народ тоже...

Вот об этом я и размышлял, пока Виноград Чунижеков рассказывал об успехах (я не ошибся в своем предположении) своего колхоза «Кызыл Маны», что значит «Красное знамя», в самом дальнем районе области, Кош-Агачском. И, конечно, оказалось, что «Кызыл Маны» — лучшее место, если не на всей земле, то в целом Горном Алтае, и коли я не увижу Кош-Агач, то можно считать, что я и не был в области вообще. Впрочем, патриот Чемала, или старожил села Яломан, или житель Артыбаша утверждали то же самое. И, наверное, каждый из них был прав, потому что все вместе — это и есть Горный Алтай. И на прощание мне хочется сказать всем им, моим новым друзьям:

— Якшилар, дорогие друзья, алтайцы! Якшилар, Горный Алтай!

Ю. ЛУШИН

Фото автора.

Карагыс Ялбакова, дочь чабана из совхоза «Теньгинский», стала лауреатом премии алтайского комсомола. Она певица, солистка концертно-эстрадной бригады областного Дома культуры.

Фото Е. Логвинова (ТАСС).

Р, ГОРНЫЙ КРАЙ!

На летнем пастбище.

Организатор первого колхоза в Горно-Алтайской автономной области Ижер Иришев.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663